М. Н. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

ОСТЕРСКІЙ УѢЗДЪ

ВЫПУСКЪ 1-й.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ.

ЧАСТЬ I.

До окончанія смутъ въ Восточной Украинѣ (1669 г.).

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., собст. домъ.

1881.

М. Н. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

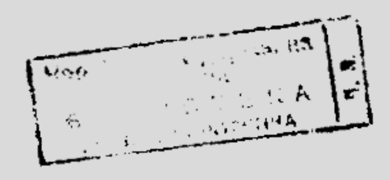
ОСТЕРСКІЙ УѢЗДЪ

ВЫПУСКЪ 1-Й.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ.

ЧАСТЬ I.

До окончанія смутъ въ Восточной Украинѣ (1669 г.).

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., собст. домъ.
1881.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го мая 1881 г.

ГЛАВА I.

Географическое положеніе.—Сѣверяне.—Олегъ.—Владиміръ.—Новые города.—Черниговское и Переяславское княжества.—Укрѣпленіе Остра Мономахомъ.—Юріи Долгорукій.—Моровскъ.—Сожженіе Остра.—Татары. Литовскіе князья.—Раздача земель.—Монастыри.—Пріобрѣтеніе Москвою Сѣверіи.—Остерскій замокъ.—Имѣнія; доходы съ нихъ.

Остерскій уѣздъ лежитъ между 50° 17′ и 51° 23′ сѣверной широты и 48° 5′ и 48° 55′ восточной долготы. Онъ имѣетъ форму трапеціи, паралельными сторонами которой служатъ восточная и западная границы. Длина его (съ сѣвера къ югу) 92 версты; ширина (съ запада къ востоку) 47 верстъ. Сѣверную границу его составляетъ уѣздъ Черниговскій, восточную Козелецкій Черниговской губерніи, южную Переяславскій Полтавской губерніи и западную Кіевскій и Радомысльскій Кіевской губерніи и Рѣчицкій Минской губерніи. Поверхность уѣзда ровная, съ незамѣтнымъ наклономъ къ юго-западу. Въ уѣздѣ протекаютъ четыре рѣки: Днѣпръ, отдѣляющій его отъ Кіевской и Минской губерній; Десна, раздѣляющая его на двѣ почти равныя части; Остеръ, давшій названіе городу и уѣзду и Трубежъ, служащій, отъ села Бобрика до границы Полтавской губерніи, на протяженіи 22 верстъ, границею между Остерскимъ и Козелецкимъ уѣздами.

Изъ этого очерка видно, что территорія Остерскаго уѣзда должна была быть поприщемъ историческихъ событій, какъ пограничье, сначала трехъ великихъ Княжествъ древней Руси: Кіева, Переяслава и Чернигова, а потомъ Польско-Литовскаго королевства, Московскаго царства и Татаръ.

Въ половинѣ девятаго вѣка, когда начинается исторія нашего отечества, территорія Остерскаго уѣзда, представляя сплошный лѣсъ, перерѣзанный рѣками и болотами, была заселена славянскимъ племенемъ Сѣверянами. Лѣтописецъ говоритъ, что эти лѣсные жители питались звѣриною ловлею, браковъ у нихъ не было, но игрища между селами, гдѣ, сговорясь, мущины похищали женщинъ и имѣли ихъ по нѣскольку; мертвыхъ сожигали, а кости и пепелъ ставили въ горшкахъ, на столбахъ на распутьи. Общественныя дѣла вѣдались на вѣчахъ или сходахъ, куда собирались разбросанные по лѣсамъ жители. Въ пунктахъ, гдѣ бывали сходы, образовались поселенія. Для цѣлаго племени или значительной его части былъ общій сборный пунктъ, который получалъ главенство надъ другими частными; первый назывался городомъ, вторые его пригородами. Пригородъ могъ также имѣть значеніе города, для небольшихъ деревень. При такомъ вѣчевомъ, чисто демократическомъ бытѣ, конечно, не было сословій; не было и рабства. Покрытая лѣсомъ земля, которую почти не обработывали, предпочитая ей звѣроловство, была общею, но каждый глава семьи имѣлъ свою осѣдлость, что доказывается платимою со двора данью.

Въ концѣ VII или въ началѣ VIII вѣка Сѣверяне лишились независимости. Ихъ подчинили своей власти Козары, основавшіе въ Крыму и въ странѣ между Чернымъ и Каспійскимъ морями сильное царство. Впрочемъ, владычество Козаръ надъ Сѣверянами ограничивалось данью по бѣлкѣ съ дома. Бѣлокъ въ то время водилось такъ много, что дань не могла быть отяготительною. Она была нужна восточному властолюбію Кагановъ, какъ доказательство покорности отдаленныхъ народовъ.

Въ 882 году Русскій князь Олегъ завладѣлъ Любечемъ и Кіевомъ и въ теченіи двухъ лѣтъ подчинилъ себѣ Сѣверянъ, при чемъ оставилъ прежнюю ничтожную дань. «Я врагъ Козарамъ, а не вамъ», объявилъ онъ покоренному племени. Козары такъ мало заботились о своихъ далекихъ данникахъ, что не пришли къ нимъ на помощь. Могла быть и другая причина; между Козарами и Сѣверянами, въ нынѣшней Новороссіи, поселились въ это время средне-азіатскіе кочевники, извѣстные подъ именемъ Торковъ, Берендѣевъ и Печенѣговъ. Они могли не пропустить Козаръ къ Сулѣ и Днѣпру.

Подчинясь князьямъ Рюрикова рода, народъ сохранилъ свое самоуправленіе, свое вѣчевое устройство. Онъ платилъ опредѣленную дань, которую князь собиралъ самъ или посылалъ собирать каждую зиму. Этимъ и ограничивалась на первыхъ порахъ княжеская власть надъ землею.

Такая умѣренность варяжской дружины объясняется тѣмъ, что пріобрѣтя Кіевскую землю, она вовсе не думала сначала остаться тамъ на всегда. Въ походахъ Олега, Игоря и Святослава, она стремилась, подобно Германцамъ IV и V вѣковъ и Норманскимъ морскимъ королямъ, къ передвиженію, открытію и ограбленію новыхъ странъ. Рѣшилась-же она остаться на берегахъ Днѣпра только убѣдясь, что пріобрѣтеніе другихъ, болѣе богатыхъ земель, сдѣлалось невозможнымъ, и съ этого времени, т. е. съ половины X вѣка, Русскіе князья начинаютъ произвольно увеличивать дань, отнимать земли и устроивать на нихъ собственные города и села. Изъ за желанія расширить власть свою и увеличить поборы, погибъ, въ 945 году, Игорь, но вдова его Ольга, отмстивъ за него Древлянамъ, пошла по его пути. Она вмѣшивалась въ народное самоуправленіе и начала присваивать себѣ земли.

Въ предѣлахъ описываемой нами территоріи, при впаденіи Десны въ Днѣпръ, она основала, противъ принадлежащаго ей уже, на правомъ берегу Днѣпра, Вышгорода, село Ольжичи [1]).

Исторія показываетъ намъ, что какъ только варвары дѣлались осѣдлыми, они принимали христіанство и что починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ не народу, а его вождямъ. Для нихъ въ этомъ былъ прямой расчетъ. Языческій предводитель дружины былъ только воиномъ, первымъ между равными, съ принятіемъ-же христіанства, онъ дѣлался, по восточно-цезарскимъ понятіямъ, перенесеннымъ на христіанскую почву, представителемъ на землѣ Божеской власти. Это утверждали монахи и распространяли въ народѣ, вмѣстѣ съ обрядами новой вѣры. Вездѣ послѣдствіемъ введенія христіанства было сліяніе завоевателей съ побѣжденными и усиленіе монархической власти, которая привыкала считать народъ и землю своею собственностію. Это явленіе повторилось и у насъ.

---

[1]) Эта деревня, оффиціально называется Старосельемъ, въ народѣ до сихъ поръ сохранила названіе Ольжичь.

Въ 988 году Владиміръ крестился и немедленно началъ строить города, т. е. укрѣпленные пункты по рѣкамъ Стугнѣ, Деснѣ, Трубежу и Остру [1]) на общинахъ земляхъ. Города эти онъ заселилъ не мѣстными жителями, а своими дружинниками, въ числѣ которыхъ были: Новгородцы, Кривичи, Чудь и Вятичи.

Предлогомъ основанія городовъ была защита страны отъ Печенѣговъ. Въ этихъ городахъ были построены нервыя церкви, и священники, защищенные дружинниками, могли удобно обращать народъ въ христіанскую вѣру. Что это обращеніе не всегда было кроткимъ, видно изъ извѣстнаго поступка князя Глѣба съ волхвомъ.

Были-ли въ числѣ этихъ городовъ Остеръ и другія дотатарскія поселенія описываемой нами мѣстности, положительно сказать нельзя, такъ какъ лѣтописецъ, кромѣ Переяслава и Бѣлгорода, не указываетъ, какіе пункты были заселены и укрѣплены Владиміромъ. Между тѣмъ основаніе Остра должно быть отнесено именно къ этому времени. Гора, на которой онъ стоитъ, вдавшаяся мысомъ, при сліяніи двухъ рѣкъ, представляла укрѣпленную природою мѣстность и Владиміръ, задумавъ строить города по Деснѣ и Остру, не могъ упустить ее изъ вида.

Усиленіе княжеской власти не развилось, потому что вслѣдъ за смертію Владиміра началось раздѣленіе Руси на удѣлы, и князья, ведя за нихъ борьбу, нуждались въ помощи вѣча. Ярославъ Владиміровичъ пріобрѣлъ Кіевъ, Переяславъ и Сѣверскую землю; на него напалъ младшій братъ его Тмутараканскій князь Мстиславъ, разбилъ его подъ Лиственомъ и помирился съ нимъ въ 1026 году, причемъ Днѣпръ въ первый разъ раздѣлилъ Русскую землю. Мстиславъ уступилъ Ярославу, какъ старшему, Кіевъ и правую сторону Днѣпра, себѣ-же взялъ лѣвую сторону съ Черниговомъ. По смерти бездѣтнаго Мстислава, Ярославъ временно соединилъ южную Русь, въ 1034 году; черезъ двадцать лѣтъ онъ умеръ и сыновья его подѣлились землями. Изяславъ получилъ Кіевъ, Всеволодъ Переяславъ, Святославъ Черниговъ. Двумъ послѣднимъ наслѣдовали сыновья, первому Владиміръ Мономахъ, второму Олегъ и Давидъ. Съ этого времени начинается вражда двухъ родовъ: Мономаховичей и Святославовичей Черниговскихъ.

---

[1]) Лаврент. лѣтоп. стр. 52.

Територія Остерскаго уѣзда была раздѣлена между Переяславскимъ и Черниговскимъ княжествами. Замѣчательно, что установившаяся между ними граница сохранилась неизмѣнною въ теченіи шести вѣковъ (1054—1654).

Остерскій городецъ сталъ пригородомъ Переяслава, удѣльнымъ городомъ этого княжества. Вмѣстѣ съ нимъ къ Переяславу была присоединена большая часть уѣзда. Моровскъ, съ небольшимъ округомъ, принадлежалъ Чернигову и былъ его пригородомъ и южнымъ форпостомъ. Граница шла отъ устья Припяти, гдѣ былъ пограничный Переяславскій городокъ Глѣбовъ [1]) (нынѣ с. Старый Глыбовъ) до Лутавы, городка на правомъ берегу Десны, противъ впаденія въ нее рѣки Остра, оттуда вверхъ Десною, до впаденія въ нее Смолинки, потомъ Смолинкою и болотами до Носовки, за которою терялась въ степи. Черезъ эту мѣстность водили князья свои рати, при нападеніяхъ на Кіевъ, Переяславъ и Черниговъ, во время междоусобій, не прерывавшихся со смерти Ярослава въ теченіи 2 столѣтій.

Лучшимъ княземъ этой эпохи былъ Владиміръ Мономахъ, потому что безпрестранно воюя съ другими князьями, онъ не призывалъ по крайней мѣрѣ на помощь степныхъ хищниковъ и старался мирить князей, не забывая, впрочемъ, и своихъ выгодъ. Въ 1098 году онъ укрѣпилъ Остеръ, называемый тогда Городцемъ Остерскимъ [2]). Этотъ князь, расчитывая овладѣть Кіевомъ, нуждался въ укрѣпленіи Остра, лежавшаго на пограничьи владѣнія Святославичей и на перепутьи между Черниговомъ и Кіевомъ.

По смерти Владиміра, Остеръ переходилъ, въ качествѣ Переяславскаго пригорода, отъ одного Мономаховича къ другому, пока, въ 1136 году, не былъ временно отдѣленъ отъ Переяслава и отданъ сыну Мономаха, Суздальскому князю Юрію, прозванному Долгорукимъ [3]).

При этомъ князѣ Моровскъ въ первый разъ упоминается въ исторіи, какъ мѣсто, гдѣ въ 1139 году былъ заключенъ миръ между братомъ Юрія, Кіевскимъ княземъ Ярополкомъ и Святославичемъ Всеволодомъ Ольговичемъ [4]).

[1]) На картахъ прошлаго столѣтія Глыбовъ называется еще Глѣбовымъ.

[2]) Лаврентьевская лѣтопись, стр. 116.

[3]) Исторія государства Россійск. Карамзина. Т. II гл IX. стр. 108.

[4]) Ипатьевская лѣтопись, стр. 15.

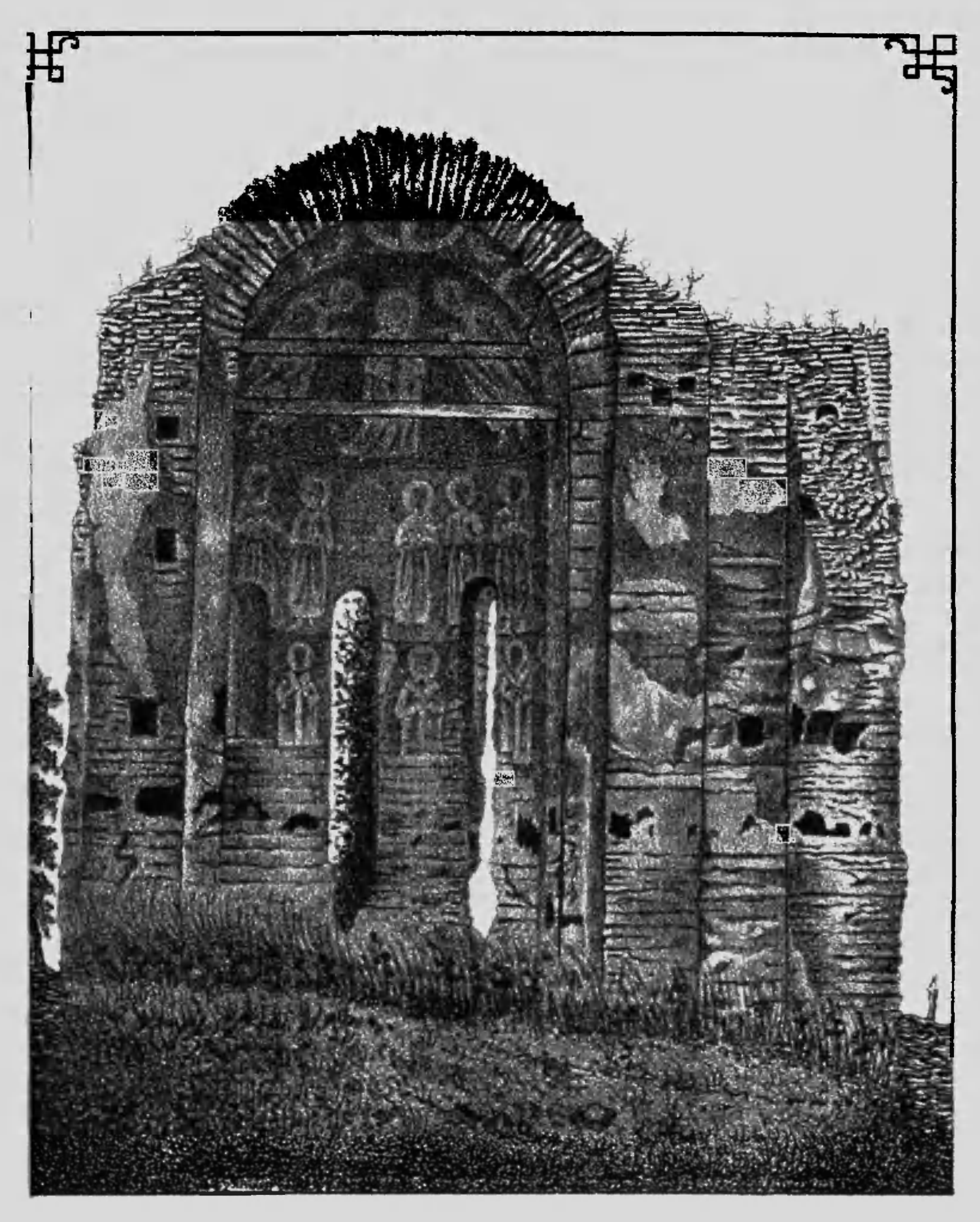
Въ этомъ-же году Всеволодъ сдѣлался Кіевскимъ княземъ и пользуясь отсутствіемъ Юрія, въ 1141 г., завладѣлъ Остромъ. По смерти Всеволода, въ 1146 году, новый князь Кіевскій, Изяславъ Мстиславичъ, посадилъ въ Городцѣ Остерскомъ брата своего, Владиміра. Въ 1148 году сынъ Юрія, Глѣбъ, выгналъ его изъ Городца и вскорѣ передалъ его своему брату, Ростиславу. Въ слѣдующемъ году отецъ ихъ Юрій завладѣлъ Кіевомъ, откуда былъ изгоняемъ два раза и уходилъ въ Городецъ Остерскій. Сюда, послѣ вторичнаго бѣгства Юрія, сынъ его, Андрей Боголюбскій, привелъ дружину, съ которою воевалъ на Волыни, черезъ Усть-Припять и Глѣбовъ. Юрій рѣшился идти къ Кіеву и вошелъ въ союзъ со Святославичами, Святославомъ Ольговичемъ и Владиміромъ Давидовичемъ. Къ Пасхѣ 1151 года, они приплыли въ Остеръ изъ Чернигова [1]), отпраздновали Юрьевы имянины и ушли въ походъ, который не удался. Владиміръ Давидовичъ погибъ въ сраженіи, а Юрій, въ третій разъ бѣжалъ въ Городецъ Остерскій. Вслѣдъ за нимъ пришелъ Изяславъ Мстиславичъ, осадилъ городъ и потребовалъ, чтобы Юрій удалился въ Суздаль. Миръ послѣдовалъ на этомъ условіи; Юрій сдалъ Городецъ сыну Глѣбу и уѣхалъ. Изяславъ возвратился въ Кіевъ, но вслѣдствіи новыхъ раздоровъ, въ слѣдующемъ году, въ союзѣ съ Черниговскимъ княземъ, взялъ и сжегъ Городецъ Остерскій. Во время пожара сгорѣлъ верхъ каменной церкви св. Михаила [2]). Олтарь-же, съ остаткомъ изображенныхъ на немъ фресокъ, сохранился до сихъ поръ.

«Пожгли мой Городецъ и божницу, то я отожгу противу», сказалъ Юрій, когда до него дошли вѣсти о разореніи Остра, въ томъ-же году выступилъ въ походъ противъ Изяслава и сжегъ предмѣстья Чернигова. Изяславъ собралъ войска въ Ольжичахъ и подошелъ къ Моровску. Союзники Юрія, Половцы, кочевники, смѣнившіе Печенѣговъ, бѣжали, а онъ безъ нихъ не рѣшился на битву и отступилъ. Черезъ годъ Изяславъ умеръ. Юрій опять завладѣлъ Кіевомъ и Переяславомъ, и въ Лутавѣ примирился съ Черниговскимъ княземъ въ 1155 г. [3]). Скорая смерть Юрія (1157) не

[1]) Ипатьевская лѣтопись, стр. 58.

[2]) Тамъ-же, стр. 70. Остатки этой церкви изображены на приложенномъ рисункѣ.

[3]) Тамъ-же, стр. 78.

Развалины церкви св. Михаила

(ЮРЬЕВОЙ БОЖНИЦЫ)

сожженной княземъ Кіевскимъ Изяславомъ Мстиславичемъ, въ 1152 г, (къ стр). 6.

дала ему времени возобновить Остерскій Городецъ. Только въ 1195 г. сынъ его, Суздальскій князь Всеволодъ, «посла тивуна своего въ Русь и созда градъ Городецъ на Встрі, обнови отчину свою [1]. Затѣмъ объ Острѣ въ періодъ дотатарскій не упоминается болѣе въ лѣтописяхъ. Безпрерывныя усобицы, быть можетъ, не допустили ожить разрушенному городу. Переяславское же княжество, постоянно грабимое Половцами, не могло поддержать своего отдаленнаго городца.

Въ концѣ XII вѣка былъ разрушенъ и другой пригородъ Переяслава, Глѣбовъ. Новгородсѣверскій князь Игорь Святославичъ, герой нашей древней эпопеи, взялъ его на щитъ и «много убійства сотворихъ», какъ говорилъ онъ потомъ, каясь въ этомъ грѣхѣ и приписывая ему свою бѣду, когда попалъ въ плѣнъ Половецкій [2].

Въ 1175 году были сожжены Лутава и Моровскъ во время распри между Ярославомъ Изяславичемъ Кіевскимъ и Святославомъ Черниговскимъ, а въ 1214 г. Мстиславъ Храбрый воюя съ сыномъ Святослава, Всеволодомъ, сжегъ городъ Ольжичи [3].

Въ 1239 году въ южную Русь пришли монголы и разорили ее такъ, что ни осталось ни городовъ, ни жителей. Только кучи пепла и камня напоминали, что здѣсь жили люди. Жители были перебиты, погибли отъ холода и голода, спасаясь отъ татаръ, или ушли въ менѣе доступное Полѣсье. Лѣса выросли опять на мѣстѣ городовъ, селъ, [4] огородовъ и полей. Черезъ эту пустыню шелъ татарскій «шляхъ» къ Кіеву и въ Бѣлоруссію.

Черниговъ и Переяславъ были разрушены до основанія и возродились только черезъ два вѣка. Кіевъ былъ разоренъ, но не уничтоженъ, и въ немъ остались сидѣть князья, въ качествѣ ханскихъ сборщиковъ, подъ начальствомъ баскаковъ. Они были до того ничтожны, что въ лѣтописяхъ нѣтъ именъ ихъ; извѣстенъ только послѣдній, Ѳедоръ, тѣмъ, что вмѣстѣ съ баскакомъ ограбилъ Новгородскаго Архіепископа Василія, ѣхавшаго изъ Владиміра-Волынскаго черезъ Кіевъ домой, въ 1331 году.

---

[1]) Лаврентьевск. лѣт., стр. 173.

[2]) Истор. госуд. Россійск. Карамзина, т. III. гл. 3, прим. 70.

[3]) Собр. лѣтоп. 11, 70 и VII, 59.

[4]) Теперь признаки дотатарскихъ поселеній изгладились, но въ 1628 г., заросшихъ лѣсомъ городищъ было такъ много, что изумило пріѣхавшихъ для описанія края королевскихъ люстраторовъ. Смотр. прил. 2, люстрацію 1628 г.

Въ теченіи столѣтія, со времени покоренія Руси, монголовъ постигла общая судьба восточныхъ завоевателей. Въ ордѣ пошли раздоры; ханство разлагалось на составныя части и сила его падала. Новый завоеватель готовился для Руси, но на этотъ разъ завоеваніе было благодѣтельнымъ. На берегахъ Нѣмана, давно жило въ полудикомъ состояніи литовское племя. Появленіе на границахъ Литвы крестоносцевъ заставило ее сплотиться и она начала, въ то-же время отбиваясь отъ нѣмцевъ, присоединять къ себѣ русскія земли. Отъ береговъ Виліи Литовскій князь Гедиминъ дошелъ до устья Припяти и соединилъ подъ своею властью это огромное пространство. Сынъ его, Ольгердъ, пошелъ еще далѣе; въ 1358 году, онъ овладѣлъ Брянскомъ, главнымъ въ это время городомъ Сѣверіи, и сталъ на рубежѣ татарскомъ. Война съ ордой сдѣлалась неизбѣжною и въ 1362 году, на берегахъ Синюхи, Ольгердъ разбилъ трехъ татарскихъ баскаковъ, проникъ въ Крымъ, разрушилъ древній Херсонъ и овладѣлъ берегами Чернаго моря; послѣ чего, безъ боя, занялъ Кіевъ и земли Переяславскаго княжества. Прогнавъ князя Өедора, онъ отдалъ Кіевъ въ удѣлъ сыну своему Владиміру.

Съ этого времени начинаются заботы Литовскихъ князей о заселеніи и оборонѣ днѣпровскаго побережья. То и другое производится на основаніи помѣстно-феодальнаго режима, установившагося въ Литвѣ, отъ смѣшенія русскихъ началъ съ германскою ленною системою, при необходимости имѣть значительную военную силу.

Великій князь Литовскій, по праву завоеванія, всегда признаваемаго народными общинами, считался верховнымъ землевладѣльцемъ; за нимъ слѣдовали непосредственные вассалы: князья Гедиминовичи и Рюриковичи и Литовскіе вельможи, получавшіе въ ленъ цѣлыя области. Подъ ними были мелкіе князья, земяне и остатокъ прежнихъ дружинъ, бояре разныхъ наименованій; они владѣли помѣстьями, съ обязанностью отбывать военную службу, защищать данныя имъ земли и отправляться на войну, подъ начальствомъ своего леннаго господина. Ниже ихъ стояли крестьяне, обязанные платить дань владѣльцу земель, на которыхъ они жили. Крестьянамъ предоставлялось право вольнаго перехода и самосуда.

Наслѣдственность владѣнія, какъ принципъ, не существовала, да и не могла существовать тамъ, гдѣ владѣніе землею обусловли-

валось способностью защищать ее. Хотя въ XV и XVI столѣтіяхъ встрѣчаются грамоты на вѣчное владѣніе, но они на пограничьи оставались мертвою буквою, чему ниже увидимъ примѣры.

До начала 17-го вѣка, въ мѣстности, нами описываемой, происходила постоянная борьба съ татарами, и опасность, соединенная съ владѣніемъ землею, не дѣлала его особенно привлекательнымъ. Правый берегъ Днѣпра былъ хотя сколько нибудь защищенъ рѣкою отъ внезапнаго нападенія; лѣвый-же, до половины XVII вѣка носившій названіе татарскаго, въ это время, даже близь Кіева, имѣлъ видъ татарскаго кочевья, такъ часто навѣщали его татары. Венеціанскій посолъ въ Персію Амвросій Контарини, бывшій въ Кіевѣ, въ 1474 году, говоритъ, что «Кіевъ стоитъ на границѣ Татаріи».

Пограничная линія постоянно колебалась и устроиваемымъ на пограничьи поселеніямъ приходилось нѣсколько разъ изчезать безслѣдно [1].

«Выбрать село», т. е. перебить или заполонить всѣхъ жителей, было для татаръ дѣломъ обыкновеннымъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ набѣга, снова на пепелищахъ появлялись кое какъ слѣпленныя хаты и снова у жителей начиналось ежедневное ожиданіе татарскаго появленія. Каждое село представляло маленькій укрѣпленный лагерь; а полевыя работы производились при саблѣ и съ ружьемъ или лукомъ за плечами. Ѣхавшій въ концѣ XVI вѣка на Запорожье Эрихъ Лассота утверждаетъ, что онъ видѣлъ среди полей деревянные срубы, изъ которыхъ хлѣбопашцы отстрѣливались отъ непріятеля [2].

Только необыкновенное плодородіе почвы, изобиліе пушныхъ звѣрей, рыбы и дикаго меда могло привлекать сюда смѣлыхъ колонистовъ, на явную опасность. Михалонъ Литвинъ, бывшій въ 1544 году въ Кіевѣ, пишетъ объ его окрестностяхъ, что «пашни, вспаханныя одинъ разъ двумя быками, даютъ богатую жатву, а необработанныя поля производятъ травы и деревья съ прекрасными плодами, питающія человѣка. Старые дубы и ясени, въ которыхъ образовались дупла отъ вѣтхости, изобилуютъ роями пчелъ и сотами пріятными цвѣтомъ и вкусомъ. Звѣрей такое множество, что

[1]) Исторія возсоедин. Руси. П. Кулишъ, т. I. стр. 55.
[2]) Путевыя записки Эриха Лассоты, стр. 15.

буйволы (bisontes), дикіе ослы (onagri) и олени убиваются только для кожи, а мясо, кромѣ филейныхъ частей, бросается; козъ и кабановъ оставляютъ безъ вниманія. Газелей такое множество перебѣгаетъ зимою изъ степей въ лѣса, а лѣтомъ въ степи, что убиваютъ ихъ тысячами. На берегахъ живетъ множество бобровъ. Птицъ удивительно много, такъ что мальчики весною наполняютъ лодки яйцами утокъ, дикихъ гусей, журавлей, лебедей и потомъ ихъ выводками наполняются птичьи дворы. Орлятъ запираютъ въ клетки для перьевъ къ стрѣламъ. Собакъ кормятъ мясомъ и рыбой, потому что рѣки до невѣроятности обильны всякаго рода большой рыбои».

Но даже такое изобиліе, при возможности быть «выбранными», не особенно привлекало населеніе. Въ первое время Литовскаго владычества, когда изъ внутреннихъ провинцій Литовской Руси панскій гнетъ не погналъ еще крестьянъ, заселеніе береговъ нижней Десны шло медленно, не смотря на льготные годы, даваемые державцами и на то, что данины были также ничтожны, какъ во времена Олега.

Вступивъ на престолъ Кіевскій, Владиміръ Ольгердовичъ (1362—1392) началъ раздавать пустыя городища и селища. Первое, извѣстное изъ документовъ пожалованіе земли, въ нынѣшнемъ Остерскомъ уѣздѣ, было сдѣлано имъ въ пользу князя Юрія Ивантыча Половца-Рожиновскаго, [1]) который получилъ городища Рожны, Крехаевъ и Свѣтильновъ, съ неясно опредѣленнымъ пространствомъ пустынь, между рѣками Десною, Остромъ и Удаемъ.

Цѣлый край, отданный этому князю, не остался во владѣніи его потомковъ. Великій князь Литовскій, Витольдъ, удалилъ изъ Кіева Владиміра въ 1392 году, а потомъ отдалъ Остеръ, Чернинъ, Боденьки, Выползовъ, а вмѣстѣ съ ними и удѣлъ Рожиновскаго: Рожны, Свѣтильновъ, Крехаевъ и Лѣтки, князю Димитрію Сокирѣ [2]).

Въ 1454 году, королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ Казиміромъ было отдано бѣжавшему изъ Москвы князю

---

[1]) Opis powiatu Wasilkowskiego. Edw. Rulikowski, стр. 33.

[2]) Акты Западной Россіи, т. I. стр. 98.

Ивану Можайскому Черниговское княжество, [1]) съ городищемъ Моровскомъ и прилегающими къ нему землями [2]).

По смерти князя Димитрія Сокиры, земли его были взяты въ непосредственное завѣдываніе Кіевскаго княжества и розданы Кіевскими князьями Александромъ Владиміровичемъ (1440—1455) и сыномъ его Симеономъ въ державу разнымъ лицамъ. Въ числѣ ихъ были слуги княжескіе, бояре и татары. Черпинъ-же былъ отданъ Кіево-печерской лаврѣ, возстановленной княземъ Симеономъ, оставившимъ за нею огромныя владѣнія, которыя она считала своими, со временъ дотатарскихъ, по дарственнымъ и завѣщаніямъ разныхъ князей, въ томъ числѣ: Ярополка Изяславича, дочери его, вдовы Минскаго князя Глѣба Анастасіи († 1158) и Андрея Боголюбскаго. Въ составъ этихъ владѣній входили слѣдующія села въ Остерскомъ уѣздѣ: старое городище Глѣбовъ, Сорокошичи, Ошитки, Новоселки на Днѣпрѣ, Тарасовичи, Сваромье, Погребы, Слободка, и Дубешня. [3]) Расположенный среди этихъ владѣній Чернинъ нуженъ былъ монахамъ, для округленія владѣній, но король Казиміръ около 1490 года отдалъ его дочери Димитрія Сокиры, княгинѣ Маріи Трабской, вмѣстѣ со всѣми владѣніями ея отца и затѣмъ Черинъ никогда уже не возвращался во владѣніе Лавры. Отдача отцевскихъ земель княгинѣ Трабской не нарушала пользованія землею бояръ, которые этимъ распоряженіемъ подчинялись ей, а не Кіевскимъ воеводамъ, въ лицѣ Мартина Гаштольда въ 1471 году, замѣнившихъ князей Кіевскихъ, по смерти Симеона Александровича.

Въ другихъ грамотахъ этого времени при отдачѣ земель, на которыхъ жили бояре, ясно указывается новому владѣльцу: «а онъ ихъ безъ вины не маетъ рушати, а котороп бы бояре не хотѣли ему служити, ино имъ ѣхати прочь вольно со всими своими статки, куди хотять а имѣнія оставить» [4]).

Когда бояре, подчиненные такимъ порядкомъ княгинѣ Марьѣ, не хотѣли ей новиноваться, то король приказалъ имъ ей «служити

---

[1]) Истор. Госуд. Россійскаго, Карамзина, т. V, глава III. стр. 201.

[2]) Въ 1496 году, подтверждая сыну князя Ивана Семену право владѣнія на Черниговское княжество, великій князь Литовскій—Александръ выдѣлилъ изъ него селище Смолинъ и отдалъ его князю Глинскому. (Акть З. Россіи т. I. стр. 153, 163.

[3]) См. Прил. 1-е.

[4]) Акты Запад. Россіи, т. I. № 172.

и послушными быти», [1] т. е. защищать земли Трабской и выѣзжать на войну, подъ командою ея намѣстника.

Въ одно время съ утвержденіемъ земель за княгинею Трабскою, Казиміръ пожаловалъ пустое селище Княжичи, [2] по грамотѣ 1489 года Іюня 2-го, Николаевскому пустынному монастырю. Вслѣдъ затѣмъ, монастырь этотъ купилъ у княжескаго толмача султана Албеева и жены его Кунки, прилегающую къ Княжичамъ Полукнязевскую землю, которая граничила съ землями земянина Саввы Русановича, быть можетъ основателя села Русанова, на р. Трубежѣ [3]).

Южнѣй султана Албеева, владѣлъ селищемъ Вишенками другой толмачъ княжескій Берендѣй. Земли эти, въ скоромъ времени достались Кіево-печерской лаврѣ [4]).

Вторая половина XV и начало XVI столѣтій были эпохою возстановленія и обогащенія Кіевскихъ монастырей. Съ высокихъ горъ, на которыхъ они выстроены, далеко виднѣлись на востокѣ луга, лѣса, озера и заливы, образуемые впаденіемъ Десны въ Днѣпръ. Этотъ богатый край въ то время никому не принадлежалъ въ собственность. У монаховъ не могло не явиться желаніе завладѣть имъ. Время-же для этого было самое удобное. Постоянная возможность, въ одной изъ безпрестанныхъ битвъ съ татарами, перейти изъ сей бренной жизни въ вѣчную, заставляло ежечасно помышлять объ обезпеченіи себѣ въ ней хорошаго положенія. Легчайшимъ-же для этого способомъ были возстановленіе и украшеніе монашескихъ обителей и пожертвованія имъ земель. Этимъ на вѣчныя времена укрѣплялось ходатайство передъ Господомъ за «строителей и благотворителей храма сего». Западно-русскіе удѣльные князья щедро раздавали земли монастырямъ. Ленники, для спасенія души своей, дѣлали въ ихъ пользу завѣщанія на земли, которыми пользовались съ обязанностью защищать ихъ и не могли передать дѣтямъ, безъ согласія державцы. Другіе-же продавали такія земли мо-

---

[1]) Акты Запад. Россіи, т. I. стр. 104. Это значило, что, оставаясь на земляхъ Трабской, бояре должны были ей повиноваться, что не лишало ихъ права бросить земли и перейти къ другому господину.

[2]) Грамоты Велик. князей Литовскихъ, стр. 40. Акты Западн. Россіи, т. I. стр. 360, т. II. стр. 116.

[3]) Акты Южн. и Западн. Россіи, т. I. стр. 36.

[4]) Акты Южн. и Западн. Россіи, т. I. стр. 183.

нахамъ, изъ уваженія къ которымъ купчія утверждались. Въ надеждѣ на это уваженіе, монахи иногда захватывали смѣжныя, вымороченныя или пустопорожнія земли, безъ всякаго на то права.

Николаевскій Пустынный монастырь получилъ луга, лежащіе на лѣвомъ берегу Днѣпра противъ Кіева, вмѣстѣ съ островомъ Трухановымъ, и знаменитымъ Долобскимъ озеромъ, [1] по дарственной Кіевскаго воеводы Юрія Монтовтовича, 1508 года Іюля 4-го; урочище Дарницу, съ озеромъ—по дарственной великаго князя Александра, [2] утвержденной Сигизмундомъ въ 1516 году Февраля 22-го; и рыбныя ловли на Чорторыѣ, по дарственной Кіевскаго воеводы Андрея Немировича 14-го Апрѣля 1534 года [3].

Старое селище Ольжичи, съ землями между Своромьемъ и Осещиною, досталось, возобновленному въ 1523 году, Межигорскому монастырю [4].

Пріобрѣтя земли, монахи немедленно начинали хлопотать у великихъ князей Литовскихъ о полученіи подтвердительныхъ грамотъ, въ чемъ всегда успѣвали. Эти князья, иноземцы и иновѣрцы, въ русскихъ земляхъ, составлявшихъ $^{9}/_{10}$ княжества, должны были заискивать расположеніе своихъ подданныхъ.

Въ концѣ-же XV вѣка, надобность угождать православному духовенству еще болѣе усилялась, вслѣдствіе внѣшнихъ событій. Восточная Русь соединилась подъ властью Ивана III и начала отнимать отъ Литвы русскія земли. Однимъ изъ поводовъ къ собиранію земель русскихъ, Иванъ выставлялъ существующее въ Литвѣ, гоненіе на православныхъ. Такого гоненія въ то время вовсе не было, [5] если не считать единичныхъ случаевъ излишней ревности католическихъ патеровъ. Женатый на дочери Ивана, великій князь Александръ желалъ, посредствомъ покровительства православнымъ монастырямъ доказать, что религіознаго преслѣдованія въ Литвѣ нѣтъ и что распускаемые слухи ложны. Не смотря на старанія Александра помириться, тесть продолжалъ выгодную для Москвы войну и заручился страшнымъ для Литвы союзникомъ, Крымскимъ Ханомъ Менгли-Гиреемъ, давшимъ своей ордѣ силу и новое значеніе.

---

[1]) Акты Западн. Россіи. т. II. стр. 45.
[2]) Акты Западн. Россіи, т. II. стр. 52.
[3]) Акты Западн. Россіи, т. II. стр. 84.
[4]) Сборн. Матер. для ист. топогр. Кіева, часть III. стр. 20.
[5]) Исторія Русской церкви, т. IX. стр. 84—122.

Въ половинѣ XV вѣка, казалось, что татары должны исчезнуть или подчиниться христіанскимъ народамъ; Литва владѣла берегомъ Чернаго моря; Москва сбросила съ себя подчиненіе ордѣ и перешла въ наступательное положеніе. Нѣкоторое время татары могли еще пробыть разрозненными шайками грабителей, а затѣмъ-бы политическое существованіе ихъ прекратилось и судьба Астраханскихъ и Казанскихъ Татаръ стала-бы участью южныхъ ордъ, еслибъ неожиданный покровитель не явился на помощь. Въ 1453 году, турки взяли Константинополь и въ слѣдъ затѣмъ овладѣли Черноморскимъ побережьемъ, оттѣснивъ оттуда Литву. Крымская орда подчинялась добровольно одновѣрной Турціи и Менгли-Гирей призналъ себя, въ 1478 году, вассаломъ Султана, въ то время могущественнѣйшаго государя въ мірѣ. Эта вассальная подчиненность, въ теченіи трехъ вѣковъ, сохранила крымское ханство и косвенно была одной изъ причинъ паденія Польши, не могшей, опасаясь Турціи, овладѣть Крымомъ.

Союзъ московскаго князя съ крымскимъ ханомъ отразился гибельно на окрестностяхъ Остра. Въ 1494 году, Менгли-Гирей выжегъ пространство между Черниговомъ и Кіевомъ; села были выбраны Татарами, которые начали кочевать до Десны и еще въ половинѣ XVI вѣка Остерскіе жители не могли обрабатывать своихъ полей, вслѣдствіе близости татаръ [1]).

Чрезъ шесть лѣтъ послѣ нашествія Менгли-Гирея, Моровскъ отошелъ къ Москвѣ, вмѣстѣ съ Черниговскимъ княжествомъ, когда, въ 1500 году, князь Семенъ Ивановичъ Можайскій измѣнилъ Александру и поддался Ивану III.

Обстоятельство это придало Остру важное стратегическое значеніе. Изъ мѣста, находящагося внутри страны, онъ обратился въ передовой пограничный пунктъ, около котораго скрещивались пути: московскій къ Кіеву и татарскій, для набѣговъ на Бѣлоруссію, не затрогивая московскихъ земель.

Княгиня Трабская умерла бездѣтною [2]) и Литовское правительство отдало ея остерскія владѣнія виленскому воеводѣ Аль-

[1]) См прилож. 2.

[2]) См. прилож. 2.

берту Мартиновичу Гаштольду, сыну бывшаго кіевскаго воеводы, владѣвшему на правѣ собственности с. Жукинью съ 1522 года [1]).

Гаштольдъ, въ 1538 году, построилъ въ Острѣ замокъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ старый городецъ Юрія Долгорукаго. Замокъ былъ выстроенъ изъ сосноваго дерева съ пятью деревянными башнями; длины имѣлъ 37 сажень, ширины 31 саж., съ юго-востока онъ былъ защищенъ обрывистымъ берегомъ Остра, тамъ, гдѣ теперь развалины Юрьевой божницы; съ сѣвера былъ сдѣланъ острогъ, т. е. валъ съ дубовымъ на немъ частоколомъ. Онъ начинался отъ замка и, обогнувъ пространство въ 370 саж., возвращался къ замку, на западъ отъ котораго, ио направленію къ Деснѣ, шелъ ровъ, длиною 20 сажень [2]).

Жители окрестныхъ, зарождающихся поселковъ находились въ постоянной опасности отъ сосѣдей: татары брали ихъ въ илѣнъ, для продажи мущинъ на галеры, а женщинъ въ гаремы, а Москва грабила села и вѣшала плѣнныхъ [3]). Это заставляло сбѣгаться подъ защиту замка и селиться въ Острѣ, какъ видно изъ самыхъ прозвищъ Панкратъ зъ Выползова, Ермакъ Лѣтковскій, Тимошъ Крихаевскій, Исаакъ Боденковскій. Названіе Москаль, прибавленное къ нѣкоторымъ другимъ именамъ, доказываетъ, что въ числѣ переселенцевъ были выходцы изъ за Московскаго рубежа. Въ Острѣ были построены двѣ церкви Ивановская и Михайловская, но Юрьева божница оставалась не возобновленною.

Альберту Гаштольду въ остерскомъ державствѣ наслѣдовали князь Дубровицкій, Петръ Корсакъ и Константинъ Ратомскій, при которомъ происходила, въ 1552 году, опись Остерскаго замка, сохранившаяся въ Литовской метрикѣ, [4]) такъ какъ въ это время южная Русь не была еще отторгнута Люблинскою уніею, 1569 года, отъ Литвы, къ королевству Польскому.

Эта опись, вмѣстѣ въ другими современными актами, даетъ намъ нѣкоторыя данныя, для указанія, въ какомъ положеніи нахо-

---

[1]) Акты Южной и Западной Россіи, т. I. стр. 61.

[2]) См. прилож. 2.

[3]) За это король жаловался Ивану IV на Черниговскаго намѣстника князя Александра Ивановича Вяземскаго 1-го Сентября 1559 года. Исторія государ. Росс. Карамз. т. XI примѣч. 225.

[4]) См. прилож. 2.

дилась поземельная собственность и повинности въ последніе годы Литовско-русскаго періода.

По люстраціи 1552 года, въ Острѣ было 27 боярскихъ дворовъ, 57 мѣщанскихъ и два поповскихъ. Бояре обязаны были: а) выѣзжать со старостою противъ непріятеля; б) наблюдать за дорогами; в) починять острогъ, вмѣстѣ съ крестьянами, поселенными на ихъ земляхъ; г) нанимать сторожа къ замковымъ воротамъ; д) одинъ разъ въ годъ выѣзжать на охоту, по первой порошѣ со старостою или съ его слугами за Трубежъ, на три дня. Мѣщане платили дани и отбывали повинности натурою. Высшій размѣръ дани была копа (пятьдесятъ грошей) и 5 возовъ сѣна, кромѣ того они были обязаны: 1) строить и починять острогъ; 2) нанимать совмѣстно съ волощанами (крестьянами староства) двухъ сторожей въ замокъ; 3) ѣхать разъ въ годъ на охоту, со старостою по первой порошѣ, или съ его слугами на три дня за рѣку Трубежъ; 4) ловить для старосты рыбу въ городскомъ озерѣ.

Къ староству принадлежали въ то время села: Выползовъ, Евминка, Крехаевъ, Боденьки, Жукинъ, Чернинъ, Димерка, Свѣтильновъ, Лѣтки, Рожны и Коленцы (Лѣточки). Послѣднія пять не платили повинностей, вѣроятно вслѣдствіе разоренія татарами. Съ первыхъ-же шести были установлены слѣдующія повинности: 1) въ Выползовѣ дворовъ 7, давали дани на замокъ 2 копы, 18 грошей и 19 возовъ сѣна; 2) въ Крехаевѣ дворовъ 5, дани 3½ копы и 2½ гроша и стогъ сѣна; два человѣка сидѣли на волѣ, а черезъ годъ должны были платить 45 грошей; 3) въ Боденькахъ дворовъ 5, дани 2 копы грошей и 14 возовъ сѣна; 4) въ Евминкѣ дворовъ 5, дани сто пять грошей и 11½ возовъ сѣна; 5) въ Чернинѣ 5 дворовъ, дани 5 копъ 26½ грошей и 27½ возовъ сѣна; 6) въ Жукини 11 дворовъ, изъ которыхъ пять въ 1551 году опустѣло, потому что поселенцы ушли на новыя мѣста; дохода съ Жукини полторы копы грошей, меда кадь въ пяднадцать съ половиною ведеръ и сѣна 40 возовъ. Когда въ 1522 году, Жукинъ выпросилъ Гаштольдъ, въ ней былъ всего одинъ поселенецъ. Послѣ Гаштольда, Жукинью завладѣлъ Кіевскій митрополитъ, который получалъ дани съ жителей только 6 ведеръ [1]) меду. Въ 1545 году, она уже принадлежала

[1]) См. прилож. I

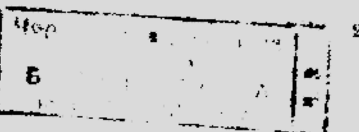
къ Остерскому старостому и повинности возросли быстро. Это можетъ быть и было причиною, почему пять семействъ бросили Жукинъ и начали искать другихъ слободъ, гдѣ по крайнѣй мѣрѣ первые годы ничего платить не приходилось.

О другихъ селахъ Остерскаго державцы, въ описываемой нами территоріи, не упоминается, между тѣмъ изъ тѣхъ-же документовъ мы видимъ, что граница Остерскаго староства шла отъ Остра на сѣверо-востокъ вверхъ рѣкою Десною до впаденія въ нее Смолинки, потомъ на востокъ Смолинкою до ея истока, откуда простиралась въ нынѣшній Нѣжинскій уѣздъ, захватывая городища Мринъ, Носовку и Дѣвицу; южнѣе Бобровицы и сѣвернѣе Басани проходила на западъ къ Трубежу, шла имъ на югъ, до впаденія рѣки Плоской, между Русановымъ и Свѣтильновымъ, потомъ этою рѣчкою до ея истоковъ; далѣе поворачивала къ сѣверо-западу и упиралась въ Десну, южнѣе Рожновъ. Затѣмъ владѣнія староства на правомъ берегу Десны ограничивались Выиолзовомъ, Боденками, Жукинью и Черниномъ съ прилегающими къ нимъ громадными лѣсами. Смѣжное съ Выползовымъ городище Лутава, лежавшее противъ Остра, на границѣ Московской, принадлежало непосредственно Кіевскому воеводѣ. Въ Лутавѣ въ 1545 году, было 12 дворовъ. Давали они на Кіевскій замокъ 4½ кади меду, 7½ грошей, 2 куницы, ловили бобровъ для воеводы и рыбу изъ озера, которую доставляли въ Кіевъ. Кромѣ того одинъ разъ въ годъ ходили на нартахъ (лыжахъ) на охоту.

Отъ самаго Остра на сѣверъ, вверхъ по правому берегу Десны, простирались Московскія владѣнія, отдѣленныя отъ Польско-Литовскихъ болотомъ Выдрою; здѣсь было Московское село Коропъе и крѣпость Моровскъ, возобновленная въ 1594 году.

Внизъ по Днѣпру отъ границъ Любечскаго староства до Межигорья, кромѣ мѣста, занимаемаго Черниномъ, шли земли Кіево-печерской лавры. На нихъ въ то время уже существовали села: Сорокошичи, Глибовъ (Глѣбовъ), Ошитки, Новоселки, Тарасовичи и Сваромье. Той-же лаврѣ на правомъ берегу Десны ниже Жукини принадлежали деревни: Слободка, (Свиноѣды), и Дубечня, а на лѣвомъ берегу, ниже Рожновъ, Погребы [1]). Число дворовъ и размѣръ

[1]) Между 1545 и 1593 годами на Лаврскихъ земляхъ образовались новые поселки: Гнѣдинъ возлѣ Вишенекъ и другая Дубечня: Архивъ Юго-Зап. Росс. ч. I. т. I. стр. 375.

дани съ этихъ селъ въ 1545 году былъ слѣдующій: 1-е) Сорокошичи дворовъ 10, дани 2 копы 52 гроша, меда 28½ ведеръ; 2-е) Глибовъ дворовъ 11, дани 5 копъ, 5 грошей, меда 22½ ведра; 3-е) Ошитки дворовъ 7, дани 3 копы, 16 грошей 6 пенязей, меда 35 ведеръ; 4-е) Новоселки человѣкъ 2, дани 1 копу 27½ грошей и 16 ведеръ меда; 5-е) Тарасовичи дворовъ 6, дани 3½ копы, меда 14 ведеръ; 6-е) Сваромье дворовъ 7, дани 2 копы 24 гроши, меда 22 ведра; 7-е) Слободка Десенская дворовъ 14, денегъ не платятъ, меда даютъ 79 ведеръ; 8-е) Дубечня дворовъ 7, денегъ не платятъ, меда даютъ 59 ведеръ; 9-е) Погребы дворовъ 4, платятъ 24 гроша, меда не даютъ.

Пространство земли, на югъ отъ Сваромья по Днѣпру, и селище Ольжичи принадлежало Межигорскому монастырю и близь устья Десны сходилось съ землями Кіево-иечерской лавры, гдѣ теперь Хотяновка и—Кіевскихъ мѣщанъ, гдѣ теперь Осещина. Начиная отъ Княжичъ на западъ до нынѣшняго цѣпнаго моста шли земли Николаевскаго Пустыннаго монастыря, гранича на сѣверо-западѣ съ Лаврскими Погребскими землями. Возлѣ Кіева, гдѣ Николаевскій монастырь владѣлъ островомъ Трухановымъ и рыбными ловлями на Черторыѣ, границею этихъ владѣній были земли митрополичьи и разныхъ Кіевлянъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются Вигуры, давшіе названіе Выгуровщинѣ [1]. Южнѣе между землями Николаевскаго монастыря и Днѣпромъ находилось Вишенское имѣніе Лавры, подаренное ей, въ 1562 году, Кіевскимъ войтомъ Семеномъ Мелешковичемъ, купившимъ его отъ наслѣдниковъ Берендѣя, Ѳедора и Олехна Ленковичей, за сто двадцать копъ грошей Литовскихъ [2]. На востокъ отъ земель Николаевскаго монастыря гдѣ нынѣ Гоголевъ, начинались земли Переяславскаго староства, о которыхъ въ этомъ періодѣ мы не имѣемъ свѣдѣній.

Изъ этого онисанія видно, что край былъ заселенъ весьма рѣдко, мѣстами совершенно пустыненъ и что почти вся территорія принадлежала староству или монастырямъ. Вскорѣ ей пришлось получить новыхъ владѣльцевъ и новый строй жизни, когда въ 1569 году, вслѣдствіе Люблинской уніи, южная Русь вошла непосредственно въ составъ Польскаго королевства.

---

[1]) Въ 1616 году Кіевскимъ городничимъ былъ Станиславъ Вигура, а въ 1647 г. Симонъ Вигура. Zródla dziejowe, т. V стр. 100.

[2]) Акты Южн. и Западной Россіи, т. I стр. 183—184.

ГЛАВА II.

Значеніе Люблинской уніи.—Шляхта, бояре, козаки, крестьяне.—Новыя поселенія.—Пограничная война.— Самозванецъ.— Аксаки.—Возвращеніе Моровска Польшѣ.—Кіевскіе бискупы.—Могила.—Люстраціи.—Возвышеніе повинностей.—Причины народнаго возстанія.

О Люблинской уніи было писано такъ много, что мы постараемся ограничиться только тѣми указаніями на значеніе ея, которыя намъ необходимы, для объясненія дальнѣйшихъ мѣстныхъ событій.

Польша и Литва развились, при совершенно различныхъ обстоятельствахъ. Въ то время, когда, вслѣдъ за бракомъ Ягелла и Ядвиги, послѣдовало первое соединеніе этихъ странъ, въ вѣрѣ, языкѣ и учрежденіяхъ ихъ не было ничего общаго. Въ Польшѣ власть королевская была избирательною и весьма слабою; государство управлялось дворянствомъ, установившемъ въ средѣ своей полное равенство, причемъ только одни дворяне имѣли право владѣть землею на правѣ собственности и занимать общественныя и правительственныя должности. Они были владѣтельными князьями въ своихъ имѣніяхъ, маленькими королями (krolikami), какъ называли ихъ современники [1]). Отъ дворянства не было перехода къ недворянамъ, которые, за исключеніемъ горожанъ, получившихъ Магдебурское право, считались хлопами, лишенными всякой гражданской правоспособности. Королевскій староста, или шляхтичъ, на земляхъ котораго они сидѣли, судилъ ихъ съ правомъ смертной казни. Пріобрѣсть недвижимую собственность они не могли, а городамъ было запрещено принимать въ школы и мастерскія крестьянскихъ мальчиковъ и они должны были погибать въ рабствѣ и обязательномъ невѣжествѣ [2]).

---

[1]) Dziela Karola Szajnochy, т. 9 стр. 46.

[2]) Тамъ-же т. 9 стр. 41.

Совсѣмъ не то было въ Литвѣ до Люблинской уніи. Наслѣдственный великій князь Литовскій былъ самодержцемъ, верховнымъ владѣльцемъ всей земли. Отъ него до хлѣбопашца, имѣвшаго свой громадскій, общественный судъ, шла феодальная градація лицъ, владѣвшихъ землею, *«зъ ласки»* князя. Понятно, что высшее и среднее сословія Литвы должны были желать соединенія съ Польшею, на условіи пріобрѣтенія польскихъ шляхетскихъ правъ; этимъ они изъ ленниковъ обращались въ собственниковъ, изъ подданныхъ самодержавнаго Государя въ его избирателей, распорядителей его дѣйствій и судебъ отечества и дѣлались независимыми государями на своихъ земляхъ.

Принятіе Литвою Польскаго государственнаго и соціальнаго строя подготовлялось долго, прежде чѣмъ выразилось въ актѣ Люблинской уніи. Уже со второй половины XV вѣка, въ царствованіе Казиміра Ягайловича польскіе порядки и понятія начинаютъ замѣтно проникать въ Литву, и потому на первыхъ порахъ, когда еще не обозначились, какъ важны будутъ послѣдствія Люблинской уніи, она не вызвала никакихъ потрясеній.

Весьма естественно, что шляхетскій режимъ привился прежде въ литовскихъ областяхъ, смѣжныхъ съ Польшею, и что ополяченіе края слабѣло, съ отдаленіемъ отъ ея предѣловъ, а на пограничьи, которое мы описываемъ, не существовало. Тутъ еще вполнѣ царилъ старый Русско-Литовскій строй жизни и по этому послѣдствія уніи были враждебны населенію, между которымъ и правительствомъ начался долгій разладъ, поведшій къ революціи.

Люблинская унія дала шляхетскія права многимъ изъ бояръ, но далеко не всѣмъ и, съ присоединеніемъ края къ Польшѣ, не получившіе шляхетства попадали въ положеніе польскихъ хлоповъ. Быть можетъ Остерскимъ боярамъ было-бы дано шляхетство, если-бъ они позаботились объ этомъ, подобно Овручскимъ, но они, вѣроятно, въ первое время не поняли значенія шляхетскаго права, а потомъ думать о немъ было поздно.

Первенствующее положеніе въ странѣ заняла пришлая польская шляхта, получившая, вслѣдствіе Люблинской уніи, право селиться и пріобрѣтать въ собственность земли въ Украинѣ. Множество голоднаго люда бросилось отъ береговъ Вислы къ Днѣпру

искать осѣдлости, наживы и рыцарской славы, дорогой для поляка, періода Претвичей, Вишневецкихъ, Жолкевскихъ и другихъ героевъ борьбы, на турецко-татарскомъ пограничьи.

Интензивная борьба Руси съ Татарами породила новый элементъ защиты и расширенія южно-русскихъ окраинъ—казаковъ. Эта дружина зародилась самопроизвольно, въ низовьяхъ Днѣпра, въ началѣ XVI или въ концѣ XV столѣтія, и быстро пополнялась наплывомъ разнаго люда изъ Русскихъ земель, Литвы, Польши, Москвы и Молдавіи. Цѣлью своею она поставила борьбу съ Мусульманами, но главною причиною численнаго усиленія казачества былъ неладъ, порожденный въ Литовско-Русскихъ провинціяхъ, внесеніемъ иольскаго соціальнаго строя. Всякій, кто не могъ выносить самовластія новорожденной шляхты, уходилъ въ степи, разсчитывая найдти тамъ прежнюю волю, самосудъ и равенство правъ, дорогое человѣку, не потерявшему еще своего достоинства. Своею саблею онъ надѣялся отмежевать отъ татаръ себѣ землю, владѣть ею, по волѣ короля [1]), а не шляхты, и жить на ней свободнымъ гражданиномъ-воиномъ, охранителемъ отечества, изгнавшаго его своею неправдою. Но это не могло ему удаться. Польская рѣчь посполитая была для нешляхтича дантовымъ адомъ, на вратахъ котораго написано: «оставь всякую надежду». По польскому режиму, только шляхтичъ могъ пріобрѣтать славу, достоинство и земли; пріобрѣтеніе-же ихъ козакомъ было узурпаціею шляхетскихъ правъ. По этому вождемъ козацкихъ дружинъ полагалось быть шляхтичу, и добывать рыцарскую славу хлопскою кровью, ибо только шляхтичу приличествовало совершать геройскіе подвиги; хуторъ, который козакъ выстроилъ на только что отнятой у татаръ землѣ, тоже составлялъ принадлежность шляхтича, ибо онъ одинъ имѣлъ право владѣть землею. По этому, какъ только козаки завоевывали землю, ее присвоивалъ магнатъ или шляхтичъ, выпрашивая себѣ на нее право или и безъ всякаго права, [2]) причемъ козаки попадали въ число его подданныхъ и могли быть по его фантазіи повѣшены или посажены на колъ. «*Відъ Кракова до Очакова, скрізъ біда однакова*», говорили козаки, которые, нигдѣ не могли своею кровью купить кусочка

[1]) Zrodla dziejowe, т. V стр. 37.

[2]) Dziela Karola Szajnochy, т. IX стр. 144.

земли, чтобы за ними, какъ тѣнь, не шла шляхта, съ цѣлью отнять его.

Въ то время, какъ монархическая власть Московскаго царя, не стѣсняя самосуда и земель, отнятыхъ козаками у татаръ, искусно эксплоатировала ихъ военно-колонизаторскія способности, для расширенія своего могущества и территоріи, quasi свободная, республиканская Польша, старалась задавить данную ей исторіей силу и, вмѣсто того, обратила ее противъ себя.

Умнѣйшій изъ королей Польскихъ Стефанъ Баторій понималъ, что козакъ не мыслимъ безъ земли, свободы и самосуда, но не могъ идти противъ шляхетскихъ воззрѣній, почему ограничился жалкою полумѣрою. Въ 1578 году, онъ организовалъ въ Переяславѣ и Черкасахъ козачье войско, призналъ его законнымъ и позволилъ козакамъ владѣть землями, которыя все таки de jure были собственностью староствъ. Число козаковъ, устроенныхъ Стефаномъ, было ничтожно, сравнительно со всею ихъ массою, опредѣлить которой невозможно даже приблизительно. Распоряженіе Баторія никого не удовлетворило, какъ всякій паліативъ, а только раздражило козачество, ясно понявшее, что если можно дать земли части козаковъ, то отчего-же не дать всѣмъ. Пустынь хватило-бы для новыхъ осадъ, но Наливайко просилъ напрасно, чтобы козакамъ отдали въ собственность хоть тѣ земли, гдѣ отъ сотворенія міра никто не жилъ [1]).

Кромѣ новыхъ элементовъ, шляхетскаго и козацкаго, къ концу VI вѣка должно быть отнесено появленіе въ Кіевѣ, въ качествѣ проповѣдниковъ и пропагандистовъ, католическаго духовенства, до этой поры мало замѣтнаго. Сверхъ того въ средѣ Русскаго духовенства возобновляется съ большой силой, измышленная давно, но не пустившая корней, унія.

Впрочемъ духовенства католическое и уніатское не нашли себѣ почвы на лѣвомъ берегу Днѣпра, потому быть можетъ, что для этого не хватило времени, а шляхтичи-католики на первыхъ порахъ потерялись въ массѣ православнаго люда, наплывъ котораго въ это время въ Украину дѣлается, по словамъ Шайнохи, изумительнымъ. Это не были какъ прежде, одиночные смѣльчаки переселенцы. Крестьянскій людъ ринулся массами въ плодородную те-

---

[1]) Zbior pametnikow do dziejow Polskich, т. II стр. 218—219.

кущую, по слухамъ, млекомъ и медомъ страну, которую защищали отъ татаръ козаки, далеко на югъ отодвинувшіе ея границу. Переселенцу предлагались льготы на 20 и 30 лѣтъ и прощались всѣ сдѣланныя дома преступленія; владѣлецъ-же новыхъ осадъ никогда не выдавалъ переселенцевъ.

Изъ внутреннихъ провинцій на пограничье гналъ крестьянъ невыносимый гнетъ панской власти. Современники поляки и иностранцы описываютъ положеніе панскихъ подданныхъ въ самомъ печальномъ видѣ. Блезъ де Вижене, бывшій въ Польшѣ въ половинѣ XVI вѣка утверждаетъ, что нѣтъ въ свѣтѣ людей несчастнѣе польскихъ хлоповъ. По мнѣнію Боплана, въ то время, какъ паны живутъ въ раю, крестьяне мучатся въ чистилищѣ [1]. Въ изданной, въ 1606 году, неизвѣстнымъ шляхтичемъ брошюрѣ говорится, что мужику ѣсть нечего, что шкура у него къ костямъ приросла, а жену и дѣтей вѣтеръ качаетъ [2]. Затѣмъ, обращаясь къ жестокосердой шляхтѣ, авторъ восклицаетъ съ пафосомъ: «Nic obciężajmy nędze większą nędzą! Ne vindicta Domini veniat super nos et filios nostros».

Паны, обременяя крестьянъ работою, не думали даже о томъ, чтобъ прокормить ихъ, въ голодный годъ. Какъ только онъ наступалъ, что чаще всего повторялось въ Бѣлоруссіи, народъ начиналъ умирать тысячами, не находя нигдѣ помощи [3]. Цѣлыя толпы бѣжали на югъ, питаясь по дорогѣ травой и кореньями. «Ажъ страшно было видѣти», говоритъ лѣтописецъ, сколько народа оставляло свою родину и уходило искать лучшихъ мѣстъ.

Остерскій уѣздъ населенъ въ значительной долѣ выходцами изъ Бѣлоруссіи. Колонизація его, слабая, въ половинѣ XVI вѣка, быстро ростетъ и вскорѣ мы увидимъ, какъ основались нынѣ существующія села.

Прежде всего усилилось населеніе Остра, гдѣ, кромѣ стараго города (нынѣ село Старогородка), образовалась слобода Новый Остеръ (нынѣ городъ Остеръ), вслѣдствіе постройки замка на берегу Десны, такъ какъ выстроенный Гаштольдомъ оказался непригоднымъ. Расположенный отъ этой рѣки въ двухъ верстахъ, онъ не

---

[1]) La description du Rojaume de Pologne par Blaise de Vigener. Paris, 1573 page 22. Beauplan description de l'Ucranie. Rouen. 1660 page 8.

[2]) Матеріалы для Ист. Возс. Руси П. Кулиша, т. I. стр. 44.

[3]) Тамъ-же, Буркулабовская лѣтопись, стр. 79.

могъ препятствовать Московскимъ людямъ по ней плавать и грабить прибережныя села. Сигизмундъ Августъ обратилъ на это вниманіе и велѣлъ строить замокъ надъ самою Десною, который былъ окончень въ 1571 году.

Расположеніе его, по современному описанію [1]), было слѣдующее: «съ сѣвера замокъ имѣетъ (защитою) р. Десну, весьма глубокую, широкую и быструю, на востокъ есть озеро, выходящее изъ Десны; на югѣ р. Поповка, вытекающая изъ этого-же озера и глубокая; брода на ней нѣтъ, кромѣ одного, противъ угловой башни, надъ самымъ озеромъ, изъ котораго выходитъ та рѣка Поповка, идущая срединою города и сейчасъ за городомъ, впадающая въ Десну». Нынѣшняя топографія города не даетъ возможности опредѣлить, гдѣ Поповка проходила черезъ городъ, [2]) почему, не рѣшаясь объяснить этого недоразумѣнія, мы нарочно привели изъ документа, помѣщеннаго въ приложеніяхъ, точный переводъ съ польскаго описанія Остерскаго замка.

Въ новопостроенномъ замкѣ былъ поставленъ гарнизонъ изъ 150 шляхтичей. Мѣстные бояре, вмѣстѣ съ ними, должны были защищать замокъ, биться съ непріятелемъ подъ командою старосты или подстаросты и развозить письма, не далѣе Дѣвицы, Кіева и Чернигова. Каждый изъ бояръ обязанъ былъ имѣть коня, самопалъ, 150 пуль и 3 фунта пороха. На боярахъ, вмѣстѣ съ мѣщанами и гарнизономъ лежала обязанность подчинять замокъ. Мѣщане, кромѣ того, платили чиншъ, возили дрова въ замокъ, чинили мосты, гати, замковыя мельницы и защищали замокъ, въ случаѣ нападенія непріятеля, для чего каждый мѣщанинъ долженъ былъ имѣть самопалъ, 150 пуль и 3 фунта пороха. Внѣ замка мѣщане военной службы не отбывали. Свѣдѣній о размѣрѣ мѣщанскаго чинша, въ послѣднихъ годахъ XVI вѣка, мы не имѣемъ.

Шляхта, появившаяся послѣ Люблинской уніи, для защиты староства, тотчасъ начала получать старостанскія земли, на раз-

---

[1]) См. прилож. 2.

[2]) Единственное возможное предположеніе состоитъ въ слѣдующемъ. Черезъ нынѣшнюю соборную площадь шелъ крѣпостной валъ, передъ которымъ былъ ровъ, соединявшій Десенское озеро съ Поповкою. Ровъ могъ быть глубокъ и наполненъ водою, имѣвшею теченіе изъ Десны въ Поповку, почему и былъ принятъ люстраторами за начало этой рѣчки.

ныхъ правахъ для заселенія ихъ, что при наплывѣ пришельцевъ, было весьма легко.

Бояре тоже начали заселять земли, изъ которыхъ нѣкоторыя были даны имъ прежними державцами; другія-же они получили въ одно время съ шляхтою.

Изъ этого мы видимъ, что, на пограничьи, польскіе законы примѣнялись постепенно и, на первыхъ порахъ послѣ Люблинской уніи, безправные, de jure, бояре оставались свободными гражданами, владѣльцами земель, по видимому мало отличавшимися отъ шляхты. Стѣсненіе боярскихъ вольностей началось нѣсколько послѣ, но полному фактическому уравненію бояръ съ хлопами помѣшало возстаніе Хмѣльницкаго.

Въ 1560 году Лукаревскій грунтъ между Остромъ и Олбиномъ отданъ королевскимъ ревизоромъ Зайончковскимъ, боярамъ Бѣликамъ, на что послѣдовало королевское утвержденіе. На этомъ мѣстѣ ими основана деревня Бѣлики [1].

Въ 1587 году Остерскій староста Лавринъ Ратомскій отдалъ старое селище Олбинъ шляхтичамъ Войцеху Барановскому и Войцеху Григоровичу [2].

Пограничный пунктъ староства, селище Надиновка, при впаденіи Смолинки въ Десну, было отдано старостою Михайломъ Ратомскимъ шляхтичу Юрію Орловскому и боярину Юрку Бѣлику [3].

Около Евминки образовался хуторъ Беремицкіе, владѣніе бояръ Беремицкихъ [4].

Лутава досталась Ѳедору Проскурѣ Сущанскому и Юрію Ясинскому въ дѣдичное владѣніе [5].

Жукинъ перешла во владѣніе шляхтичамъ Жукинскимъ, считавшихъ ее своею отчиною, на основаніи земской давности [6].

Черинъ получилъ въ собственность воевода Новогрудскій Ѳедоръ Скуминъ [7].

---

[1]) См. прилож. 2.

[2]) См. прилож. 2.

[3]) См. прилож. 2. М. Ратомскій, сдѣлавшійся старостою, черезъ двадцать лѣтъ послѣ Люблинской уніи, уже дѣлаетъ различіе между двумя Юрьями: шляхтичемъ и бояриномъ, именуя перваго Юріемъ, а втораго Юркомъ.

[4]) См. прилож. 2. Румянцовская опись, Кіевск. отдѣл., Остерская сотня, Связка 3, № 31, Беремицкая.

[5]) См. прилож. 2. [6]) См. прилож. 2. [7]) См. прилож. 2.

Такъ какъ Проскура, Жукинскіе и Ясинскій, владѣвшіе недавно, не представили при люстраціи никакихъ документовъ на свои имѣнія, то можно предположить, что они завладѣли ими, вслѣдствіе конивенціи старосты, какъ выражались люстраторы.

Что Михаилъ Ратомскій (старостовъ 1594 г.) былъ не чистъ на руку и былъ способенъ даже на худшую конивенцію, видно изъ письма Московскаго шпіона Семена Овсянова, 1604 г. Февраля 2-го изъ Чернигова. [1]) Прося у царя Бориса денегъ, онъ между прочими расходами, выставляетъ необходимость давать при каждомъ пріѣздѣ въ Остеръ, взятки Ратомскому и женѣ его, а иначе, говоритъ, такъ какъ извѣстно, что я шпіонъ, то можно на колъ попасть.

Конечно паны Жукинскіе и другіе провладѣли имѣніями болѣе 10-ти лѣтъ, не безъ вѣдома старостъ Ратомскихъ, но это похищеніе государственной собственности было мелкимъ, сравнительно съ наглымъ захватомъ Аксаками всей южной части староства. Процесъ этотъ отлично обрисовываетъ польскіе порядки.

Староста Лавринъ Ратомскій отдалъ во владѣніе боярину Остерскому Семену разоренное городище Рожны. Когда Семенъ умеръ, то новый староста Михаилъ Ратомскій оставилъ Рожны въ державѣ его сына Юрія. По имѣнію Рожны, бояринъ Юрій началъ называться Рожновскимъ, но владѣлъ своею державою не долго. Въ 1590 году произошло первое возстаніе козаковъ, подъ предводительствомъ Косинскаго, противъ Польши, или лучше сказать, противъ Кіевскаго воеводы, Константина Острожскаго. Грабить огромныя имѣнія Острожскаго явилось много охотниковъ, стекавшихся подъ знамя Косинскаго. Къ возстанію присоединился Юрій Рожновскій и участвовалъ въ разграбленіи панскихъ имѣній. За это Ратомскій отнялъ у него Рожны. Въ 1593 году, по усмиреніи бунта, Юрій Рожновскій возвратился въ Остеръ и, хотя не могъ получить уже Рожновъ, но остался жить во дворѣ старосты Ратомскаго, который нуждался въ людяхъ, подобныхъ Рожновскому, для грабежа Московскаго пограничья. Выбравъ удобное время, Рожновскій пробрался въ комнату старосты и укралъ находившіеся въ ней старые документы; эти *мембраны* нужны были Рожновскому, для выполненія задуманнаго плана. Добывъ ихъ Юрій тотчасъ бѣжалъ изъ Остра.

[1]) Матеріалы для Ист. Руси, Кулиша, т. I стр. 31.

Конецъ XVI и начало XVII вѣка были эпохою крупныхъ и мелкихъ самозванцевъ. Въ таборѣ козацкомъ Рожновскій могъ слышать, какъ козаки дѣлали Молдавскими господарями подобныхъ ему проходимцевъ. Цѣль Рожновскаго ограничивалась меньшимъ; изъ мембрановъ онъ убѣдился, что все пространство отъ Трубежа до Десны, два вѣка тому назадъ принадлежало князьямъ Половцамъ Рожиновскимъ. Онъ объявилъ себя потомкомъ этого угасшаго рода, съ украденными документами пріѣхалъ въ Кіевъ, къ тамошнему подвоеводѣ Ивану Аксаку и предъявилъ свои мнимыя права. Аксакъ рѣшился этимъ случаемъ воспользоваться, вошелъ въ тайную сдѣлку съ Рожновскимъ и обѣщалъ ему свою помощь.

Узнавъ объ этомъ Михаилъ Ратомскій, желая предупредить замышляемый захватъ старостянскихъ имѣній, послалъ въ Кіевъ повѣреннаго Фабіана Муровинскаго, который, въ 1595 году, отъ имени старосты Ратомскаго, сдѣлалъ въ судѣ гродскомъ Кіевскомъ, заявленіе, что слуга рукодайный старосты Юрій Рожновскій забралъ мембраны и ушелъ. Въ томъ-же году, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ рукахъ Юрія Рожновскаго появляется актъ, въ которомъ возные заявляютъ, что они передали во владѣніе Юрія Рожновскаго имѣнія Свѣтильновъ, Рожны и Лѣтки, согласно королевскому повелѣнію. Былъ-ли дѣйствительно такой королевскій актъ или возные, подъ вліяніемъ Аксака, сдѣлали подлогъ, неизвѣстно, но Юрій Рожновскій въ своемъ правѣ не былъ увѣренъ, а Ратомскій продолжалъ отстаивать права староства. По этому между Рожновскимъ и Аксакомъ, въ 1603 году, послѣдовала сдѣлка, для которой пригодились вводчіи листы. По этому договору «Юрій на сквирѣ Половецъ Рожиновскій, потерявъ имѣніе своихъ предковъ и теперь, по поводу бѣдности, не будучи въ состояніи его отыскивать, ибо для этого требуется много расходовъ, условился съ Яномъ Аксакомъ, чтобы тотъ, какъ человѣкъ состоятельный, хлопоталъ объ отысканіи его дѣдовскихъ имѣній, за что Аксакъ, по отысканіи, получаетъ изъ нихъ половину». На этомъ основаніи Аксакъ завладѣлъ Свѣтильновымъ, Рожнами и Лѣтками [1]).

Ратомскаго въ это время занимали болѣе набѣги на Москву, чѣмъ защита старостянскихъ земель. Какъ настоящему погранич-

---

[1]) Opis powiatu Wasilkowskiego, стр. 36—41.

нику, ему не сидѣлось тихо въ Острѣ. Нападенія Литовскихъ людей на Московскія земли продолжались постоянно, вызывая репрессаліи, не смотря на миръ между государствами. Для этихъ набѣговъ Ратомскій закликалъ охотниковъ и въ 1600 году, собравъ въ Кіевѣ вольницу, ограбилъ Московскую землю до Чернигова, на что разумѣется послѣдовали жалобы, и рѣшено было выслать судей «о рубежахъ, спорныхъ земляхъ и о обидныхъ дѣлахъ межъ Чернигова и Остра», на 1-е Мая 1602 года [1]. Но при своеволіи пограничниковъ эти суды оставались одной формою. Въ это время анархія царила въ Польшѣ; мелкая война, нападенія и грабежи были явленіемъ постояннымъ, а объявляемыя виновнымъ *инфаміи* и *баниціи* оставались мертвою буквою или побуждали еще къ большей дерзости. Внутри Московскаго государства существовалъ большій порядокъ, но пограничье ничѣмъ не отличалось отъ польскаго. Московская Украина въ это время заселилась также разнымъ пришлымъ людомъ, который основывалъ слободы. Поселенія эти были ничто иное, какъ сборъ вольницы, называвшейся черными государевыми мужиками, но ничего въ казну не платившей. Многіе погосты были просто притономъ разбойниковъ. Усиливали ихъ бездомные бродяги, нигдѣ не записанные. Цари приказывали украинскимъ воеводамъ ловить и вѣшать воровъ и разбойниковъ. Воеводы доносили царямъ о своей дѣятельности; въ самомъ-же дѣлѣ сами трусили тѣхъ, кого должны были преслѣдовать. Когда этимъ лѣснымъ витязямъ приходила нужда или охота заняться разбоемъ, они, не стѣсняясь, отправлялись за рубежъ, для поживы и пограничная война не прекращалась.

Вскорѣ Ратомскому представилась крупная работа, обѣщавшая добычу и славу въ болѣе широкихъ размѣрахъ. 23 Октября 1604 г., первый Лжедмитрій съ толпой вольницы и запорожцевъ переправился черезъ Днѣпръ близь с. Своромья и по правому берегу Десны черезъ с. Жукинь, гдѣ сдѣлалъ двухдневный привалъ, пошелъ къ Московской границѣ [2]. Ратомскій подготовилъ ему дальнѣйшій путь, разославъ заранѣе подметныя письма въ Сѣверію, при помощи двухъ монаховъ и собралъ въ своемъ староствѣ на помощь ему, раз-

---

[1] Чтеніе Общ. Ист. и Древн. 1861 г. книга I стр. 41.
[2] Паэрле Дневникъ Лжедимитр. стр. 402.

ную вольницу [1]). Шляхта, бояре и даже мѣщане Остерскіе присоединились къ этому отряду.

Подметныя письма и слухъ о томъ, что проявился государь прирожденный, подѣйствовали на Моровцевъ, которые привели своихъ воеводъ связанными въ с. Выползовъ къ самозванцу. 31-го Октября онъ занялъ Моровскъ и вступилъ въ предѣлы государства, которое, быть можетъ искренно, считалъ своею отчиною. Ратомскій ему сопутствовалъ и участвовалъ въ Кромской битвѣ. Послѣ этой неудачи, онъ привелъ новую помощь, избѣгъ печальной участи своего патрона и шляхты въ Москвѣ, и благополучно возвратился въ Остеръ. Товарищей своихъ по походу, бояръ и мѣщанъ, онъ наградилъ правомъ безплатно ловить повсемѣстно рыбу волокомъ, звѣря по первой порошѣ, выдирать пчелъ изъ всѣхъ немѣченныхъ деревьевъ и драть лыки [2]). На эти права Ратомскій исходатайствовалъ привиллегію отъ Сигизмунда III, данную 16 Августа 1614 года.

Раздача земель шляхтѣ уменьшила число замковыхъ имѣній, но доходъ съ оставшихся въ распоряженіи старосты возросталъ, вслѣдствіе увеличенія населенія. Всѣ эти имѣнія, кромѣ Лѣточекъ, были отданы въ аренду разнымъ шляхтичамъ.

По люстраціи 1616 года, число дворовъ и повинности съ нихъ были слѣдующія: 1-е) Остеръ дворовъ мѣщанскихъ, платящихъ повинности 184, чинши даютъ различные, а овесъ и сѣно сообразно состоянію. Бояръ въ городѣ 90 домовъ, отбываютъ службу замковую и военную, платятъ подымного по 2 гроша съ дома и 21 злотый 5 грошей на порохъ. Вся эта сумма идетъ на огнестрѣльное оружіе. Козаковъ въ городѣ 40, которые своевольно живутъ въ мѣщанскихъ домахъ. Повинностей не платятъ. 2-е) Евминка, находится въ арендѣ у стольника Кіевскаго Вацлава Вельегорскаго, который платитъ аренды 7 злотыхъ 17 грошей. Имъ основана возлѣ Евминки слобода, которая находится на льготѣ и ничего не платитъ. 3-е) Боденки, въ пожизненной поссессіи Захарія Яловицкаго, секретаря королевскаго, за сумму 31 злотъ 20 грошей. 4-е) Лѣточки или Коленцы даютъ чиншъ, овесъ и сѣно старостѣ, на сумму 3 злотыхъ 27½ грошей. 5-е) Крихаевъ въ поссессіи Николая Плихты за 30 злотыхъ.

[1]) См. прилож. 2.

[2]) Нѣмцевичъ, кн. VI 248.

Эта-же люстрація указываетъ, что въ Лѣткахъ въ это время было 14 боярскихъ дворовъ и что это имѣніе было отдано въ пожизненную поссессію тому-же Захарію Яловицкому, который владѣлъ Боденками, но что судья Кіевскій Янъ Аксакъ Лѣтки у него отнялъ. Произошло это такимъ образомъ: пріобрѣтя въ 1603 году отъ мнимаго князя Юрія Рожиновскаго право на половину его имѣній, Янъ Аксакъ, завладѣлъ Свѣтильновымъ и Рожнами. Въ 1613 году, Сигизмундъ III вмѣстѣ съ Боденьками отдалъ своему секретарю Захарію Яловицкому Рожны, Свѣтильновъ, Лѣтки, т. е. то, чѣмъ владѣлъ или на что претендовалъ Аксакъ. На этомъ основаніи Яловицкій поѣхалъ въ Лѣтки, чтобы вступить во владѣніе. О встрѣченномъ имъ пріемѣ, передадимъ его собственный разсказъ: «Пріѣхавъ въ Лѣтки, говоритъ Яловицкій, самъ пять, съ декретомъ его королевской милости, съ вознымъ и съ шляхтою, ни о чемъ не зная, остановился я въ домѣ Петра Лося, Лѣтковскаго боярина. Старосты Ратомскаго въ Лѣткахъ мы не застали, только отамана Тетерю боярина и людей тамошнихъ, собранныхъ въ громаду, находящихся во власти и въ повиновеніи у старосты, а ни у кого другаго, съ давнихъ поръ. Вылѣзъ я изъ саней и послалъ вознаго, самъ третей, въ Остеръ за старостою, а самъ остался съ шляхетными панами Ѳедоромъ Яловицкимъ и Станиславомъ Довгердомъ, при отаманѣ и тамошнихъ людяхъ, которые меня приняли какъ пана своего и поздравили. Декретъ Е. К. М. я имъ показывалъ и объяснилъ; въ знакъ своего послушанія, нѣкоторые изъ нихъ его поцаловали, поклонились и начали мнѣ готовить ѣсть и пить. Уже прошло съ часъ, какъ я ожидалъ старосту, и вдругъ неожиданно самъ десять, конно, съ взведенными курками у ружей и мушкетовъ (а сзади много вооруженнаго нѣшаго люда), подскочилъ ко мнѣ, стоящему спокойно, средь села, съ декретомъ Е. К. М., панъ Стефанъ Аксакъ (сынъ Яна) со своею челядью, пахолками, называя одного изъ нихъ вознымъ, окружилъ меня и въ неприличныхъ выраженіяхъ, imperioso i non decenter, спросилъ: за чѣмъ пріѣхалъ и велѣлъ въ непристойныхъ выраженіяхъ уѣзжать или уходить изъ села. Сзади лошадьми наступали мнѣ на голову и на ноги, прицѣливались въ меня, а онъ, острыми словами, приказывалъ выѣзжать, выходить, убираться изъ дома Петрова, гдѣ я стоялъ, стращалъ, грозилъ и принуждалъ. Стоя на площади, среди безбожныхъ, я отвѣчалъ:

«имѣю надъ собою и надъ тобою Бога, мушкетовъ и угрозъ твоихъ не боюсь, приказанію твоему не подчиняюсь, съ тобой или съ отцемъ твоимъ никакихъ дѣлъ не имѣю, а имѣю дѣло съ паномъ Михаиломъ Ратомскимъ и Острянами объ этихъ имѣніяхъ, отданныхъ мнѣ съ женою и фортельно отнятыхъ въ этомъ году у меня старостою, а теперь опять мнѣ присужденныхъ, принадлежащихъ королю и рѣчи посполитой, и не отцу твоему, который такъ, вмѣстѣ со старостой, безразсудно поступаетъ. Существуетъ законъ, можно спокойно и учтиво добиваться своего права. Мнѣ ты, панъ, не приказуй, ружья оставь, потому что и у меня пара ружей, вмѣстѣ съ вещами моими и дѣлами Е. К. М. и рѣчи посполитой, недалеко, передъ домомъ Петровымъ. Кони распряжены; въ домѣ ѣсть готовятъ, жду старосту, вознаго и шляхту, пойду туда; если хочешь ѣсть, такъ пойдемъ, миролюбиво поѣдимъ и подождемъ лучшаго рѣшенія.» Аксакъ съ коня не слѣзъ и ничего на это не отвѣтилъ, а со своею челядою заставлялъ меня выѣзжать.

Наконецъ пріѣхалъ староста, но и онъ соединился съ Аксакомъ и приказалъ мнѣ выѣзжать изъ села. Такъ то въ тѣхъ имѣніяхъ мы трактованы были, лошадьми топтаны и выпроважены ружьями, со взведенными курками» [1]. Распорядившійся такъ съ королевскимъ секретаремъ, Стефанъ Аксакъ былъ типичною личностью того времени. Подъ Хотиномъ онъ отличился мужествомъ, во главѣ собственнаго отряда, потомъ отправился на Запорожье, гдѣ, по преданію, былъ одно время Кошевымъ.

Это была эпоха набѣговъ и сбора шляхетскихъ и козацкихъ дружинъ, подъ командою удальцевъ, подобныхъ Наливайку, Рожинскому, Лисовскому, Сапѣгѣ, Лащу и другимъ. Они разоряли сосѣднія государства: Москву, Молдавію, бились съ Татарами, не заботясь о томъ, что этимъ навлекали на Польшу войну съ сосѣдями; въ своемъ же отечествѣ грабили панскія имѣнія, захватывали города и распоряжались, какъ въ странѣ завоеванной. Иногда эти шляхетскіе и козачьи отряды шли на службу въ сосѣднія страны, такъ напр. козаки, во время тридцатилѣтней войны, служили Австріи, производили ужасныя неистовства и пріобрѣли особое расположеніе Валленштейна.

---

[1]) Opis Powiatu Wasilkowskiego. Edw. Rulikowski, стр. 47—50.

Поступки Аксака вовсе не были чѣмъ либо изъ ряда вонъ. Что значилъ захватъ нѣсколькихъ селъ, когда князь Вишневецкій завладѣлъ, безъ всякаго права, половиною Полтавской губерніи и основалъ на старостянскихъ земляхъ 40 селъ [1]). Вообще въ это время, по словамъ Шайнохи, вошло въ обычай у пограничной шляхты, не ожидая разрѣшенія, захватывать пустыя земли и основывать на нихъ слободы. Напрасно сенатъ запрещалъ дѣлать осады, безъ привилегіи. Изъ этого только возникали безконечные процессы. Одинъ изъ такихъ начался между Яномъ Аксакомъ и Яловицкимъ, что не препятствовало первому владѣть присвоенными землями и заводить на нихъ слободы. При немъ основались: Богдановка, Бобрикъ, Рудня и Новые Рожны близь Лѣтокъ [2]). Процессъ тянулся долго; изъ суда Кіевскаго онъ перешелъ въ трибуналъ Люблинскій, а оттуда на Сеймъ, гдѣ залегъ, такъ какъ Сеймы не успѣвали разрѣшать всѣхъ докладовъ. Между тѣмъ умерли Яловицкій, Янъ Аксакъ и Юрій Рожновскій. Послѣдній до самой смерти жилъ во дворѣ Аксака и передалъ, какъ надо полагать, ему право и на другую половину имѣній. Послѣ смерти Яна Аксака, сыновья его Стефанъ и Михаилъ раздѣлили ихъ между собою. Стефану достался Свѣтильновъ съ Бобрикомъ и Руднею, Михаилу—Гоголевъ, Димерка, Старые и Новые Рожны [3]). Между Стефаномъ Аксакомъ и вдовою Яловицкаго состоялось примиреніе, и Лѣтки по полюбовной сдѣлкѣ остались за первымъ [4]).

По здравому смыслу этимъ процессъ кончиться не могъ, потому что Яловицкая была владѣлица пожизненная, и Аксакъ, послѣ смерти ея, долженъ былъ отдать староству неправильно захваченныя земли. Но отнять Лѣтки отъ богатаго пана, извѣстнаго воина и бывшаго запорожскаго атамана, при польскихъ порядкахъ было трудно и опасно. Слабымъ правительствомъ обыкновенно примѣ-

---

[1]) Въ предѣлахъ описываемой мѣстности имъ основано м. Бровары.

[2]) Кромѣ того, внѣ предѣловъ Остерскаго староства Аксакъ основалъ Гоголевъ. Кому принадлежали основанныя въ началѣ XVII вѣка Красиловка, Требуховъ и Дударковъ, Аксакамъ или Вишневецкому, неизвѣстно. Скорѣе послѣднему, ибо въ спискѣ Аксаковскихъ имѣній объ этихъ селахъ не говорится.

[3]) Имѣнія свои Михаилъ Аксакъ отдалъ въ аренду Виленскому Каштеляничу Юрію Глѣбовичу. О процессахъ его съ монахами см. прил. 8.

[4]) Opis powiatu Wasilkowskiego. Edw. Rulikowskiego, стр. 40.

с. Соколовка. Въ молодости онъ былъ воиномъ, участвовалъ въ московскомъ походѣ съ Ходкевичемъ и перенесъ на почву религіозной пропаганды свою воинственную энергію. Современникъ его Окольскій, капеланъ гетмана Николая Потоцкаго, говоритъ, что бискупъ Соколовскій, когда козаки опустошали окрестности Кіева, а Станиславъ Потоцкій и князь Вишневецкій бились съ ними въ разныхъ мѣстахъ, собралъ жолнеровъ, разгонялъ вспомогательные отряды, шедшіе на помощь козакамъ и уничтожилъ ихъ замыслы. О характерѣ Соколовскаго Окольскій говоритъ, что онъ былъ человѣкъ мстительный, злопамятный, доступный для добрыхъ, грозный для злыхъ, безусловно враждебный схизматикамъ, т. е. православнымъ, и ревностный католикъ, всѣми способами старавшійся улучшить положеніе своей паствы.

Если такъ отзывается о Соколовскомъ католическій монахъ, то можно представить, какимъ фанатичнымъ распространителемъ католицизма былъ этотъ воинъ-епископъ. Онъ былъ въ большой дружбѣ со Стефаномъ Аксакомъ, который, по его ходатайству, выстроилъ своими средствами каменную церковь въ Кіевѣ для доминиканскаго конвента.

Распространеніе католицизма и уніи, при посредствѣ такихъ людей, какъ Соколовскій и Аксакъ, грозило имѣть успѣхъ и вызвало сильное противудѣйствіе въ обновленной, при помощи казаковъ, Кіевской митрополіи.

Въ 1596 году Кіевскій митрополитъ Михаилъ Рогоза, принялъ унію, присоединилъ къ ней Софійскій и Выдубицкій монастыри и отнялъ имѣнія у Лавры, не измѣнившей своей вѣрѣ. Казалось, что нанесенъ рѣшительный ударъ, но желаніе королевича Владислава пріобрѣсть Московскій престолъ, вызвало необходимость заискивать расположеніе православныхъ и временную реакцію въ польской политикѣ. Этимъ воспользовался печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій и Лавра въ 1615 году получила обратно значительную часть своихъ имѣній. Въ нынѣшнемъ Остерскомъ уѣздѣ она лишилась только Погребовъ и Вишенекъ, новопостроенныхъ Зазимья, Гнѣдина и Осокорковъ и деревни Свиноѣдовъ. Первыя четыре остались во владѣніи митрополіи, а послѣднія два—Выдубицкаго монастыря [1]).

[1]) Описаніе Кіево-Софійскаго Собора. Прибавл. стр 180. Сборн. матер. для Истор. топогр. Кіева, часть III стр. 68.

Въ 1620 году, нужда въ казакахъ, для войны съ Турціею, вынудила короля согласиться на возстановленіе православной іерархіи и вслѣдъ за тѣмь митрополитъ Петръ Могила, при избраніи Владислава въ 1632 году, добился возвращенія своей митрополіи Софійскаго и Выдубицкаго монастырей и отнятыхъ уніатами имѣній. Этотъ дѣятельный и умный человѣкъ, по своей энергіи, былъ достойнымъ соперникомъ Соколовскаго. Возвративъ, вслѣдстіе своихъ связей и ловкости, матеріальныя средства православнымъ, онъ принялъ мѣры къ поднятію ихъ нравственнаго уровня, для борьбы съ католиками Съ этою цѣлью онъ обратилъ школу при Кіевскомъ братствѣ, въ коллегію (нынѣшнюю духовную академію) и далъ ей болѣе широкую образовательную программу. На содержаніе ея онъ отдалъ купленное имъ село Позняки и бывшія Лаврскія села Вишенки и Гнѣдинъ [1]).

Потеря шести селъ не могла повредить благосостоянію Лавры, потому что, вслѣдствіе прилива переселенцевъ, доходы съ другихъ имѣній значительно усилились. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о размѣрѣ дани съ монастырскихъ имѣній въ началѣ XVII вѣка, но можемъ судить по аналогіи, зная доходы съ селъ, принадлежавшихъ староству.

По люстраціи 1622 [2]) года доходы Остерскаго староства были слѣдующіе: 1-е) городъ Остеръ чинша съ мѣщанъ 251 злотъ; аренды за шинки, перевозы, мельницы и рыбныя ловли 1300 злотыхъ; 2-е) Выползовъ,—дохода съ него 46 злотыхъ 18 грошей; 3-е) Евминка старая и новая—дохода 145 злотыхъ; 4-е) Боденьки, дохода 142 злота 15 грошей; вычтя въ обѣихъ селахъ на управленіе 40 злотыхъ, остается 247 злотыхъ 15 грошей; 5-е) Крихаевъ, дохода 120 злотыхъ 18 грошей, истративъ на управленіе 20 злот. 18 грошей, остается 100 злотыхъ.

Всѣ эти имѣнія, кромѣ Остра, были въ посессіи и доходы ихъ значительно возросли сравнительно съ люстраціей 1616 года.

Бояръ въ Острѣ было сорокъ четыре [3]), которые на свои земли не представили документовъ, объясняя, что ихъ взялъ староста

---

1) Описаніе Кіево-Софійскаго Собора. Прибавл. стр. 210—212.

2) См. прилож. 2.

3) Значительное уменьшеніе числа бояръ-домохозяевъ въ Острѣ сравнительно съ предъидущею люстраціею, могло произойти вслѣдствіе выселенія ихъ на свои земли, какъ увидимъ ниже.

и не хочетъ возвратить. Обязанность бояръ состояла въ развозкѣ писемъ и въ отбываніи поочередно стражи. Они платили по 3 гроша подымнаго.

Черезъ шесть лѣтъ пріѣхала опять въ Остеръ коммиссія,[1]) по просьбѣ новаго Остерскаго старосты Еремiана Залѣскаго, который указывалъ, что замка содержать не чѣмъ, вслѣдствіе малыхъ доходовъ, такъ какъ мѣстечки и деревни оторваны отъ староства, по невниманію или попущенію прежнихъ старостъ. Кромѣ того, онъ просилъ разрѣшенія устроить замокъ на прежнемъ Гаштольдовомъ мѣстѣ и дать на это средства. Просьба была основана на томъ, что замокъ при Деснѣ подмывала вода, а близость къ рѣкѣ потеряла значеніе, такъ какъ, съ присоединеніемъ Сѣверіи, опасность московскаго нападенія прекратилась.

Люстраторы составили весьма длинный протоколъ своихъ дѣйствій и констатировали фактъ, что замокъ разваливается и много селъ отошло отъ староства въ частное владѣніе. Объ этомъ было представлено королю, но желаніе старосты Залѣскаго исполнено не было, замокъ остался на прежнемъ мѣстѣ; и какъ мы видимъ изъ люстраціи 1636 года, охраненіе и исправленіе его лежали по прежнему на мѣстной шляхтѣ, боярахъ и мѣщанахъ.

Средства староства къ 1636 [2]) году значительно увеличились, вслѣдствіе отдачи шинковъ, мытъ, мельницъ, озеръ и другихъ статей дохода въ аренду евреямъ. Эти промышленники извлекали деньги тамъ, гдѣ другіе-бы не выдумали и платили значительныя аренды за имущества, не приносившія до того никакого дохода. Чистый доходъ староства возросъ до 5000 злотыхъ. При добываніи евреями новыхъ доходовъ, конечно жертвою ихъ изобрѣтательности дѣлались крестьяне, которыхъ они привыкли обирать въ Польшѣ и принесли въ Украину готовые пріемы. Ненависть къ евреямъ была сильнѣе, чѣмъ къ шляхтѣ и католикамъ. Во время козацкой революціи, поляковъ хоть изрѣдка, да миловали; жидамъ-же пощады не было.

Бояре подвергались съ каждымъ днемъ большему угнетенію, не смотря на королевскіе декреты [3]). Еще Стефанъ Баторій освобо-

---

1) См. прилож. 2.
2) См. прилож. 2.
3) См. прилож. 2.

дилъ ихъ отъ развоза писемъ въ старостянскія имѣнія, а Владиславъ, 3-го Декабря 1633 года, приказалъ старостѣ Стефану Аксаку, чтобы онъ не отнималъ земель у бояръ, не сажалъ ихъ въ тюрьмы, не бнлъ, не заставлялъ отбывать шарварковъ и вообще не нарушалъ ихъ давнихъ иравъ. 22-го Декабря того-же года, король дополнилъ это распоряженіе предписаніемъ, чтобы жолнеры и козаки [1]) не становились иостоемъ въ домахъ боярскихъ, чтобъ бояръ не принуждали стеречь городъ, вмѣстѣ съ мѣщанами, и чтобы вообще бояре, кромѣ военной службы, не отбывали никакой повинности.

Аксакъ на это распоряженія не обращалъ вниманія и относился къ боярамъ какъ къ хлопамъ. Воспользовавшись пріѣздомъ люстраторовъ, бояре обратились къ нимъ съ жалобою и коммиссія постановила оставить за боярами всѣ находящіяся въ пользованіи ихъ земли и кромѣ военной службы не требовать отъ нихъ другихъ повинностей. Дѣлая это постановленіе, люстраторы хорошо знали, что не повинующійся королю Аксакъ можетъ ихъ не послушать, но козацкія возстанія этого времени заставляли ихъ быть снисходительными и осторожными и они нашли невозможнымъ лишить бояръ тѣхъ правъ, которыми пользовались сосѣдніе Переяславскіе реестровые козаки.

Для того, чтобы знать, кто именно долженъ былъ пользоваться правами, данными Владиславомъ, боярамъ былъ сдѣланъ реестръ, изъ котораго видно, что потомки многихъ изъ нихъ до сихъ поръ владѣютъ предковскими землями [2]), а другіе дали названіе основаннымъ ими хуторамъ и селамъ [3]).

---

1) Козаки становились стаціями въ Острѣ, во время войны съ Москвою, 1614—1620 г. Вѣроятно, на это жаловались бояре. На козацкій постои указываетъ люстрація 1616 года.

2) Самая давняя поземельная собственность въ уѣздѣ (кромѣ монастырскихъ озеръ) это земли дворянъ Барановскихъ въ с. Олбинѣ и дворянъ и козаковъ Бѣликовъ въ д. Бѣликахъ. Эти роды болѣе трехъ вѣковъ владѣютъ предковскою землею.

3) 1) Гарбузы и Гарбузенки основатели д. Гарбузина.

2) Беремицкіе основатели деревни Беремицкіе.

3) Барановскіе, владѣльцы Олбина, родоначальники дворянскаго рода въ Остерскомъ и Козелецкомъ уѣздахъ.

4) Пальчики, основатели деревни Пальчиковъ.

5) Бѣлики, основатели деревни Бѣликовъ.

Шляхта, поселившаяся въ Остерскомъ староствѣ, была тоже переписана. Изъ описи видно, что это были большею частью уроженцы Великой Польши.

Чтобъ увеличить доходы староства, люстраторы отмѣнили договоры осадчихъ съ Новымъ Остромъ, Калитою и Семинолками, которымъ оставался еще долгій льготный срокъ. Не обращая на это вниманія, люстраторы постановили, что Новый Остеръ черезъ шесть лѣтъ, а Калита и Семиполки [1]) черезъ три года должны нести повинности, установленныя люстраціею 1628 года [2]), для Стараго Остра и, отсидѣвшаго льготу, Омельянова. Размѣръ этихъ повинностей былъ слѣдующій: съ пары воловъ деньгами 1 злотъ, четверть овса, осьмачка жита, полъ осьмачки пшеницы и полъ осьмачки ячменя; съ дыма двѣ курицы, десять яицъ, возъ сѣна, возъ соломы, два воза дровъ; съ двухъ паръ воловъ гусь, съ двадцати пяти паръ воловъ яловая корова, кабанъ, четыре барана, кадь меда и полбочки соленой рыбы. Кто не имѣя воловъ, пахалъ лошадьми, у тѣхъ конь считался за пару воловъ. Торговцы, плававшіе судами, должны были давать два злота, четверть овса, возъ сѣна, пару гусей и пару куръ. Плававшіе-же лодками—половину этихъ податей; тѣ и другіе обязаны были складываться на яловую корову, на кабана, на барановъ, на медъ и на рыбу, вмѣстѣ съ хлѣбопашцами. Кто не обработывалъ земли и не торговалъ, а жилъ заработками, долженъ былъ платить чинша полъ злота и давать осьмачку овса, возъ сѣна и курицу. Ту-же повинность несли скопичи. Всѣ-же вмѣстѣ были обязаны въ замѣнъ назначенной прежде ловли рыбы неводомъ съ каждаго дыма платить 2 гроша, привезти два воза дерева для ѣзовъ, давать подводу на разстояніе двѣнадцати миль и чинить шарваркомъ гати, мосты и мельницы. Имѣвшіе борти должны были давать по двѣ бочки меда, а владѣвшіе на Острѣ и Трубежѣ рыбными ловлями—бочку соленой рыбы.

6) Шгомы-Бѣлики, родоначальники дворянскаго рода, живущаго въ этой деревнѣ.

7) Гломазды, основатели деревни Гломаздовъ.

8) Сыраи, основатели села Сыраевъ.

9) Лоси, родоначальники дворянскаго рода, живущаго въ селѣ Димеркѣ-Березинской.

[1]) Семиполки основаны паномъ Богинскимъ.

[2]) См. прилож. 2.

До барщины еще не доходило въ Украинѣ, но изъ этого списка повинностей видно, что они дѣлались обременительными, а главное—не было гарантіи, чтобы слѣдующіе люстраторы или самъ староста чего нибудь не прибавили.

Произвольные налоги въ пользу владѣльцевъ и старостъ показывали поселянамъ, какая судьба ожидаетъ ихъ въ скоромъ будущемъ. Панскій гнетъ заставилъ ихъ бросить родину, а тутъ ожидала та-же участь и отъ нея некуда было спасаться. Вездѣ уже появлялись села, хутора; пустырей становилось меньше и меньше. Между тѣмъ эти люди испытали свободу; ихъ не стѣсняли, пока продолжалась льгота, позволяли владѣть оружіемъ и дали время привыкнуть къ громадскому вѣчевому началу, возникшему на русской почвѣ съ прежнею силою. Поселенцы были уже не тѣми хлопами, какими пришли на слободы. Цѣлое поколѣніе выросло на волѣ, выучилось цѣнить человѣческое достоинство и понятно, что самыя страшныя истязанія и оскорбленія слабѣе чувствовались польскимъ или литовскимъ рабомъ, чѣмъ легкая обида, нанесенная украинскому вооруженному поселянину, изъ которыхъ многіе побывали въ козакахъ.

Заставить хлопа смотрѣть на пана, какъ на что-то высшее по природѣ и ввести немедленно польскіе порядки, шляхта не могла на Украйнѣ, гдѣ частая опасность сближала ее съ хлопомъ. Живя въ полудикой странѣ, малообразованные владѣльцы пьянствовали со своими подданными и участвовали въ ихъ увеселеніяхъ и семейныхъ праздникахъ [1]). По словамъ Боплана, когда въ воскресенье послѣ обѣда народъ собирался въ корчмѣ, туда-же приходили шляхтичи со своими женами и дѣтьми. Старшіе лѣтами пили въ шинкѣ, а молодежь, въ томъ числѣ паничи и шляхтянки, танцовали возлѣ него, подъ звуки дудки. Затѣмъ, когда хмѣль бралъ свое, къ нимъ присоединялись люди семейные и панъ съ панею. Свадьбы не проходили безъ участія пановъ, между которыми установился обычай, позволять крестьянамъ для семейныхъ торжествъ гнать безплатно водку и пиво въ панскихъ винокурняхъ и пивоварняхъ.

Общеніе съ народомъ шляхты и ее омужиченье (zchłopienie) [2]) не могли привязать къ ней южноруссовъ, чуждыхъ по вѣрѣ и на-

1) Beauplan. Description de l'Ucranie page 63.

2) Dziela Karola Szajnochy, т. 8, стр. 228—230.

родности. Шляхта была для нихъ волкомъ въ овечьей шкурѣ и они чуяли въ ней ирирожденныхъ враговъ и будущихъ гонителей; тѣмъ не менѣе въ XVII вѣкѣ она не заслужила того народнаго озлобленія, которое высказалось во время возстанія.

Глубокую ненависть южноруссовъ къ полякамъ вызвала не помѣстная, а служилая шляхта, составлявшая отряды кварцянаго войсква. Эти буйныя толпы ироизводили грабежи и всякаго рода насилія, оправдывая ихъ неуплатою жалованья правительствомъ. Вслѣдствіе общей неурядицы въ Польшѣ, государственный скарбъ всегда оставался въ долгу у войска; по этому нельзя было принять мѣръ къ прекращенію жолнерскихъ неистовствъ, и они, въ понятіяхъ даже самого правительства, были неизбѣжнымъ зломъ, иротивъ котораго нѣтъ лекарства.

Въ Украинѣ жолнеры, только что усмирившіе [1]) нѣсколько козацкихъ возстаній, смотрѣли на себя какъ на завоевателей, имѣющихъ право дѣлать все что угодно. По словамъ народной думы, они:

По козакахъ и по мужикахъ стаціею постали
Да великую стацію вымышляли.
Отъ іхъ ключі поодбирали,
Да стали надъ іхъ домами господарами;
Хозяіна на конюшню одсилае,
А самъ изъ его жоною на подушкахъ почивае.

Въ Украинѣ, при высокоразвитой нравственности женщины [2]) и не угасшемъ самолюбіи мущины, обиды подобнаго рода были самыми тяжелыми, требующими кровавой расправы. Не между забитыми галиційскими и волынскими хлопами нашелъ себѣ поддержку

[1]) Усмиряя украинскіе бунты, жолнеры дѣлали такія звѣрства, что лѣтописецъ восклицаетъ: „что есть мучительство фараоне противу поляковъ тиранству. Дѣтей въ котлахъ варяху, женамъ сосцы древіемъ изгнетаху и иная неисповѣдимая творяху бѣды.“ Лѣтопись Григорія Грабянки стр. 32). Плѣнныхъ инсургентовъ поляки подвергали ужаснымъ казнямъ: четвертовали, разрубывая или разрывая на части посредствомъ нарочно устроенной машины, сажали на колъ, вѣшали за ребро. „Дѣлай такъ, чтобъ они чувствовали, что умираютъ“, говорилъ князь Іеремія Вишневецкій палачу, терзавшему его подданныхъ.

[2]) Бопланъ утверждаетъ, что не смотря на развитое въ народѣ пьянство, сельскія женщины были крайне нравственны (chastes a jeun), что поддерживалось строгостью общественнаго мнѣнія и свадебными обрядами, придававшими весьма важное значеніе дѣвственности новобрачной. Въ случаѣ несохраненія чести, позорь молодой дѣлался публичнымъ. Свадебные обряды, описанные Бопланомъ, сохранились до сихъ поръ.

Хмѣльницкій, а въ Украинѣ, гдѣ стремленія шляхты еще не успѣли осуществиться, и гдѣ народъ умѣлъ цѣнить свою свободу и честь.

Ропотъ шелъ между поселенцами, видѣвшими симптомы возрожденія горькаго для нихъ прошедшаго. Но былъ другой классъ, прошедшее котораго было блестящее, исполненное славы. Потомки соратниковъ Владиміра Святаго, Мономаха, Ольгерда и Витольда, бояре чувствовали себя уничтоженными, лишенными всѣхъ правъ, уравниваемыми съ хлопами. Прежде, еще недавно, они были боевыми товарищами князей и могли достигать высшихъ достоинствъ; теперь-же видѣли, что ихъ, вольныхъ защитниковъ страны, дѣлаютъ рабами набѣжавшихъ въ нее проходимцевъ. Во время Люблинской уніи, бояре не поняли, что исключеніе ихъ изъ состава шляхты, въ болѣе или менѣе скоромъ времени, приведетъ къ потерѣ всѣхъ правъ. Только при появленіи польской шляхты въ Украинѣ, разница въ положеніи стала ясною и бояре начали отстаивать свои привиллегіи. Владиславъ готовъ былъ поддержать ихъ, какъ и козаковъ, но не имѣлъ силы обезпечить ихъ на всегда. Поневолѣ онъ ограничивался частными декретами, которые, безъ санкціи сейма, не имѣли юридической силы. Временное значеніе этихъ декретовъ было понятно боярамъ и они попробовали хлопотать о полученіи шляхетскихъ правъ. Любечскіе бояре, сосѣди Остерскихъ, сдѣлали опытъ на сеймѣ 1646 года и понесли фіаско; Владиславъ, противъ котораго за проектъ войны съ Турціею, возстала шляхта, въ угоду ей отказалъ въ просьбѣ и оставилъ бояръ въ подчиненіи старостѣ. Изъ мемуаровъ Литовскаго канцлера видно, что ихъ не считали привиллегированнымъ классомъ и отождествляли съ нереестровыми козаками, подлежащими поверстанію въ хлопы [1]).

Для поселянина, не желавшаго утратить временное благосостояніе и для терявшаго все боярина оставался еще путь; не ясный, не опредѣленный, почти безнадежный, но единственный: въ козаки. До сихъ поръ только они высказывали вооруженный про-

[1]) Pamiętniki Albrychta Stanisława Radziwilla kanclerza Litowskiego т. II. стр. 224 и 239. Въ Любечѣ не существовало реестровыхъ козаковъ, которые въ это время были только въ Переяславѣ, Корсунѣ, Каневѣ, Бѣлой-Церкви, Чигиринѣ и Черкасахъ и имѣли нѣкоторыя права и реестръ, отчего произошло ихъ названіе. Не вписанные въ него козаки, составлявшіе огромное большинство, назывались выписчиками или нереестровыми. Поляки не признавали ихъ козаками, а считали непослушными хлопами.

тестъ противъ шляхетскаго господства. Причиной ихъ неудачъ было не физическое безсиліе козаковъ, а совѣсть, препятствовавшая лучшимъ изъ нихъ, какъ напр. Конашевичу, измѣнить своему назначенію, борьбѣ съ невѣрными и обратить соединенныя козацкія силы на домашнихъ враговъ. Мѣшалъ козакамъ и другой принципъ. Будучи военнымъ сословіемъ, они брезгали чернью и не хотѣли слить свои интересы съ хлопскими. Этотъ, заимствованный отъ шляхты, сословный элементъ поселилъ рознь въ самой козацкой средѣ и реестровые козаки, получившіе нѣкоторыя права, гордились ими передъ выписчиками, смотря на себя какъ на шляхту. Но дѣйствительная шляхта не такъ на нихъ смотрѣла. Щадила она козаковъ только потому, что не рѣшила, можно-ли безъ нихъ защищаться отъ татаръ; мысль-же объ уничтоженіи козаковъ была постоянною. Желаніе это сдѣлалось еще сильнѣй, когда король Владиславъ, въ 1646 году, вмѣстѣ съ ними задумалъ войну съ Турціей, чего не хотѣла шляхта. Она зашумѣла и заставила короля оставить это намѣреніе и прервать связь съ козаками. Вопросъ объ ихъ *«снесеніи»*, былъ уже рѣшенъ въ панскихъ головахъ утвердительно [1]), когда частный случай далъ возможность козакамъ предупредить шляхту. Случай этотъ произошелъ съ заслуженнымъ реестровымъ козакамъ Богданомъ Хмѣльницкимъ. Шляхта отняла у него имущество, любовницу, избила сына, угрожала смертью и заставила уйти на Запорожье. Нѣкоторое время онъ колебался, думая бѣжать въ Москву, куда уходили скомпрометированные козаки и монахи, но любовь къ родинѣ и жажда мести преодолѣли и онъ ринулся въ борьбу съ шляхетской республикой.

Залогомъ успѣха было то, что Хмѣльницкій стрѣмился къ нему во чтобы то ни стало, не стѣсняясь никакими принципами. Онъ соединился съ татарами противъ христіанъ, примирилъ реестровыхъ съ выписчиками, что казалось невозможнымъ, призвалъ къ оружію хлоповъ, презираемыхъ козаками, и придалъ соціально-аграрной революціи религіозный оттѣнокъ. Пока разладъ не проникъ въ эту разнородную массу, сила ея была непобѣдимою и, менѣе чѣмъ въ годъ, Украина была очищена отъ наѣхавшей польской шляхты, своего ополяченнаго панства, католиковъ, уніатовъ и жидовъ.

---

[1]) Dziela Karola Szajnochy, т. IX стр. 134.

ГЛАВА III.

Успѣхъ возстанія.—Окозаченіе поселянъ.—Образованіе козацкихъ сотень.— Остерской полкъ. — Выговскіе. — Домонтовичъ. —Дворецкій.— Походъ Яна Казиміра.—Московскій гарнизонъ въ Острѣ.—Взаимная осада.— Умиротвореніе края.

---

26 Мая 1648 года, козаки, при помощи Крымцевъ, разбили поляковъ въ битвѣ подъ Корсуномъ. Никогда еще Польша не терпѣла такого пораженія отъ своихъ подданныхъ: оба коронные гетмана Потоцкій и Калиновскій были взяты въ плѣнъ, вмѣстѣ съ множествомъ шляхты; польскій лагерь съ пушками, оружіемъ, лошадьми и панскими драгоцѣнностями достался побѣдителямъ.

Вѣсть о побѣдѣ быстро разнеслась по Украинѣ. Бросивъ начатыя лѣтнія работы, селянинъ доставалъ мушкетъ, оттачивалъ саблю, а если не имѣлъ ни того ни другаго, то насаживалъ желѣзо на палку и шелъ въ козаки, т. е. соединялся въ купы, которые занимались грабежемъ панскихъ имѣній. По всей Украинѣ образовались новые козацкіе полки и сотни, на которыя раздѣлились территорія и козацкіе полковники и сотники стали начальниками войска и администраторами страны. Подъ шумъ побѣдъ Хмѣльницкаго установилось народное самоуправленіе, а територія сдѣлалась собственностью козацкаго войска, подѣленною между сельскими громадами; но подобный порядокъ вещей не могъ удержаться, по множеству причинъ, изъ которыхъ мы укажемъ на главнѣйшія.

На первыхъ порахъ, Хмѣльницкій и его совѣтники продолжали считать себя польскими подданными и свое возстаніе, въ сношеніяхъ съ поляками, объясняли угнетеніемъ козаковъ, лише-

ніемъ ихъ правъ и возможности сформироваться въ правильное осѣдлое войско, надѣленное землями и самоуправленіемъ. Желаніе гетмана не достигало большихъ размѣровъ, но и оно было невыполнимымъ для шляхетскаго правительства. Реестровыхъ законныхъ козаковъ было всего шесть тысячъ, поселенныхъ въ староствахъ: Переяславскомъ, Черкасскомъ, Чигиринскомъ, Каневскомъ, Бѣло-Церковскомъ и Корсунскомъ. Они издавна владѣли своими землями и успокоить ихъ было легко, но что было дѣлать съ огромною массою людей, разбросанныхъ по всей Украинѣ, считавшихъ себя козаками *съ предковъ*, не говоря уже о поселянахъ, оказачившихся послѣ Корсунскаго погрома. Для умиротворенія нужно было допустить экспропріацію духовныхъ и шляхетскихъ земель. Могло ли правительство, состоявшее изъ духовенства и шляхты, допустить даже мысль объ этомъ; оно соглашалось на образованіе новыхъ полковъ и сотень въ староствахъ, а посягать на частныя имѣнія считало себя не въ правѣ. Въ вопросѣ о поземельной собственности заключался главный источникъ козацко-польской борьбы и при отсутствіи верховной самодержавной власти, эту задачу могъ разрѣшить не компромисъ, а только полная побѣда одной стороны надъ другою. Такъ и случилось. Чрезъ 62 года послѣ Корсунской битвы, шляхетскій режимъ восторжествовалъ на правомъ берегу Днѣпра, гдѣ процвѣталъ полтора вѣка; на лѣвомъ побѣдили козаки, и послѣ Корсунской битвы, поляки хотя появлялись въ восточной Украинѣ, но на самое короткое время, скорѣе въ качествѣ союзниковъ, чѣмъ повелителей. Тѣмъ не менѣе, даже на лѣвомъ берегу, не сбылись мечты народа о равноправности, самосудѣ и владѣніи землею, какъ собственностью. Осуществленіе этого идеала встрѣтило непреодолимыя препятствія въ самомъ враждебномъ полякамъ южно-русскомъ обществѣ, состоявшемъ изъ православнаго духовенства, православной шляхты, козаковъ, мѣщанъ и крестьянъ. Духовенству мало было дѣла до столкновенія поляковъ съ козаками оно воспользовалось послѣдними при возстановленіи іерархіи, пугало ими ксендзовъ, но объ интересахъ козацкихъ не заботилось. Если духовенство пристало къ движенію Хмѣльницкаго, то единственно потому, что въ числѣ причинъ возстанія, Хмѣльницкій выставилъ угнетеніе православной вѣры и требовалъ обезпеченія ея представителей, уже не разъ подвергавшихся частнымъ притѣсне-

ніямъ, служившимъ предвѣстникомъ общаго, въ виду быстраго усиленія католицизма въ южной Россіи. Духовенству была нужна гарантія его нравъ и имуществъ отъ кого-бы то ни было; поэтому оно въ одно и то же время заботилось о полученіи подтвердительныхъ грамотъ на имѣнія, отъ козацкихъ гетмановъ всѣхъ партій, отъ нольскихъ королей, царей московскихъ и султана турецкаго.

Когда началось оказаченіе крестьянъ и присвоеніе ими земель въ монастырскихъ имѣніяхъ, монахи увидѣли въ этомъ зловѣщіе для себя симптомы. Отняли-бы ксендзы, или нѣтъ, земли отъ православиаго духовенства, было еще вопросомъ будущаго, а тутъ захватъ земель начался уже въ дѣйствительности. Окозаченье монастырскихъ подданныхъ влекло за собою непосредственно иотерю монастырскихъ имѣній, доходы съ которыхъ состояли изъ барщины и оброковъ съ пользовавшихся землею крестьянъ; съ превращеніемъ ихъ въ козаковъ, то и другое естественно прекращалось, а земля дѣлалась козацкою собственностью. Монахамъ, только что волновавшимъ народъ, прельщая его всѣми прелестями свободнаго владѣиія землею, съ цѣлью избавиться отъ католиковъ, теперь приходилось собственнымъ добромъ расчитываться за демократическую пропаганду. Духовенство перемѣнило тонъ и начало обращаться съ просьбами къ Хмѣльницкому, объ укрощеніи воинственнаго пыла монастырскихъ подданныхъ. Подобныя просьбы поступали и отъ русскихъ дворянъ, приставшихъ къ Хмѣльницкому изъ ненависти къ католикамъ, желанія сохранить имѣнія, и надежды на обогащеніе и возвышеніе въ полудикой козацкой средѣ. Эти владѣльцы имѣній въ Украинѣ, конечно, не могли сочувствовать оказаченью своихъ подданныхъ и въ этомъ отношеніи были искренными союзниками духовенства.

Не только шляхта, но и многіе козаки враждебно относились къ поголовному присвоенію черныо козацкихъ правъ; здравый смыслъ подсказывалъ имъ, что при нодобномъ захватѣ никакой порядокъ не возможенъ. Рождался вопросъ: если весь народъ оказачится, кто же будетъ нести земскія повинности и обработывать землю и отвѣтомъ на него былъ страшный голодъ 1649 года, неслыханный въ плодородной Украинѣ, съ ея дѣвственною въ то время почвою. Увлеченной движеніемъ толпѣ народа не было вре-

мени обсеменить земли, и когда были съѣдены разграбленные панскіе запасы, люди гибли тысячами отъ голода.

Становилось несомнѣннымъ, что нельзя допустить произвольное оказаченье хлоповъ. Въ этомъ отношеніи сходились взгляды козацкаго гетмана, русскаго духовенства, дворянства и козаковъ. Но гдѣ-же предѣлъ оказаченію крестьянъ, когда безъ нихъ нельзя продолжать борьбы съ шляхтою, откуда взять контингентъ, если не изъ тѣхъ же хлоповъ, и какъ его регулировать? Общаго руководящаго принципа быть не могло, но вообще стремленіе къ оказаченью было укрощаемо въ имѣніяхъ православнаго духовенства и дворянства, нринявшаго сторону Хмѣльницкаго, и поддерживалось въ староствахъ и въ имѣніяхъ католическаго духовенства и пановъ, оставшихся вѣрными Нольшѣ. Народъ не могъ не только быть довольнымъ, но и понять такое неравномѣрное отношеніе;— его обуялъ духъ свободы и равенства и странно было ожидать, что крестьянинъ будетъ новиноваться господину потому только, что онъ не стрижется и не брѣется, ходитъ въ русскую церковь, или нрнсталъ, въ качествѣ придворнаго, къ новому властелину Хмѣльницкому, въ то время, какъ сосѣду этого крестьянина предоставлялось полное право дѣлать что угодно съ личностью. и имуществомъ своего владѣльца, брившаго макушку и бороду или вѣрно служившаго своему законному государю.

Первые шесть лѣтъ своего гетманства, Хмѣльницкій провелъ въ странномъ положеніи: то онъ усиливалъ свое войско прибывавшими на помощь крестьянами, то усмирялъ и казнилъ ихъ за то, что они уже слишкомъ усердно шли пополнять ряды его воиновъ.

Въ 1649 году, послѣ Зборовскаго договора были составлены козацкіе реестры, въ которые вошли болѣе шестидесяти тысячъ семействъ, но не вошедшіе въ реестры крестьяне вовсе не думали отказываться отъ козацкаго права собственности на землю, которою владѣли, они установили вездѣ громадскій судъ, а въ значительнѣйшихъ поселеніяхъ—ратуши и магистраты, по примѣру городовъ, имѣвшихъ Магдебургское право и перестали думать о прежнемъ подчиненіи панамъ. Выйти изъ этого положенія можно было только посредствомъ перехода подъ власть сосѣдняго государя, для котораго было необязательно сохраненіе въ ново-пріобрѣтенной

странѣ прежнихъ порядковъ и 8 Января 1654 года послѣдовало присоединеніе Южной Россіи къ Московскому государству. Гетманъ и старшины собрались въ Переяславъ и здѣсь присягнули на вѣрность царю Алексѣю Михаиловичу; затѣмъ по всей Украинѣ были разосланы московскіе чиновники приводить народъ къ присягѣ, для чего созывали его въ сборные пункты [1]).

Посмотримъ теперь, что происходило въ описываемой нами мѣстности, въ періодъ времени отъ начала возстанія, до присоединенія Украины къ Москвѣ (1648—1654). Какъ только слухъ о побѣдѣ подъ Корсуномъ дошелъ до шляхтичей, жившихъ въ Остерскомъ староствѣ и Аксаковскихъ имѣніяхъ, они, не помышляя о защитѣ, бѣжали за Днѣпръ на Волынь, а тѣ, которые укрылись въ Кіевѣ, погибли отъ разъяреннаго народа.

Евреевъ постигла страшная участь. Имъ не только не давали пощады, но еще и подвергали самымъ утонченнымъ истязаніямъ. Современникъ-еврей въ слѣдующихъ словахъ разсказываетъ истребленіе своихъ одноплеменниковъ въ окрестностяхъ Борисполя [2]) и вообще на лѣвомъ берегу Днѣпра: «евреи за Днѣпромъ (разсказчикъ жилъ въ Заславѣ) были умерщвлены разными жестокими видами смерти: съ нѣкоторыхъ сдирали кожу за живо и тѣло бросали собакамъ; нѣкоторымъ рубили руки и ноги и бросали на дорогу, потомъ ѣздили по нимъ возами и растаптывали ихъ; нѣкоторымъ наносили множество несмертельныхъ ранъ и бросали на площади, дабы они мучились въ предсмертной агоніи, пока не испустятъ духъ; многихъ закопали живыми въ землю; рѣзали дѣтей на груди матерей; множество дѣтей разорвали въ куски [3]).

Главному поземельному владѣльцу и колонизатору края, Остерскому старостѣ Степану Аксаку, было не до погрома польскаго войска козаками. Въ это время онъ былъ уже не тѣмъ буйнымъ пограничникомъ, какимъ мы его видѣли въ молодости, а находился

---

[1]) Жители нынѣшняго Остерскаго уѣзда были приведены къ присягѣ: въ Броварахъ, Рожевкѣ, Карпиловкѣ, Острѣ, Козельцѣ и Заворичахъ, Василіемъ Кикинымъ, а въ Гогилевѣ Максимомъ Ладыжинскимъ. (Акты Южной и Западной Россіи, т. X. стр. 239—240).

[2]) Мѣстечко Переяславскаго уѣзда Борисполъ расположенъ на границѣ Остерскаго уѣзда. Въ то время онъ принадлежалъ Марку и Яну (впослѣдствіи королю польскому) Собѣскимъ.

[3]) Богданъ Хмѣльницкій. С. Манделькерна, стр. 17—18.

въ плѣну у сыновей и роднаго брата. Произошло это такимъ образомъ. Старый, болѣзненный Степанъ Аксакъ подчинился вліяніямъ ксендзовъ и второй жены Катерины, урожденной Чолганской; первые заставляли его строить костелы и жертвовать на нихъ деньги; вторая-же, родивъ ему трехъ сыновей и четырехъ дочерей, выпросила себѣ въ пожизненное владѣніе всѣ его имѣнія, чѣмъ вооружила против старика его сыновей отъ перваго брака Яна и Гавріила. Братъ Стефана, Михаилъ, принялъ сторону племянниковъ и вмѣстѣ съ ними рѣшился поступить по Аксаковски, что впрочемъ, вполнѣ было согласно съ духомъ того времени, когда каждый считалъ себя вправѣ быть судьею и исполнителемъ въ собственномъ дѣлѣ. Старый староста жилъ съ женою и младшими дѣтьми въ замкѣ Гуляникахъ, въ нынѣшнемъ Васильковскомъ уѣздѣ и заболѣлъ такъ сильно, что можно было ожидать его смерти; въ такомъ случаѣ, не только имѣнія, но и вся движимость достались бы его женѣ. Сыновья, съ согласія дяди, рѣшились этого не допустить, для чего составили отрядъ изъ шляхтичей и крестьянъ [1]). Въ ночь съ 19 на 20 Мая 1648 года (за восемь дней до Корсунской битвы), Катерина Аксакова, не ожидая близкой бѣды, ухаживала за больнымъ мужемъ, который лежалъ безъ сознанія; не довѣряя врачамъ, она призвала къ нему знахарей, для изгнанія злаго духа, котораго считала причиною болѣзни. Въ то время, когда занимались экзорцизмами, къ Катеринѣ Аксаковой прибѣжала ея служанка, шляхтянка Анна Милановская, съ извѣстіемъ, что на замокъ сдѣлано нападеніе, стража прогнана, домъ окруженъ вооруженными людьми и молодые Аксаки тащатъ отцовское имущество изъ кладовыхъ. Затѣмъ дядя и племянники вошли въ домъ, ограбили все, что въ немъ было, взяли находившагося въ безсознательномъ состояніи старика, посадили въ карету и отвезли въ с. Татариновку, имѣніе Михаила Аксака. Затѣмъ они переѣхали за Днѣпръ, гдѣ овладѣли отцовскими имѣніями и посадили въ нихъ своихъ управляющихъ. Когда черезъ нѣсколько дней Катеринѣ Аксаковой пришлось спасаться отъ козаковъ, избивавшихъ шляхту въ Украинѣ, у ней не было ни одной лошади и, только благодаря милосердію своихъ крестьянъ, она могла уйти съ дѣтьми на Волынь.

---

[1]) Opis powiatu Wasilkowskiego. стр. 53—55.

То же козацкое возстаніе не дало возможности Михаилу Аксаку съ племянниками распоряжаться захваченными имѣніями и поставленные ими управители были выгнаны возставшими громадами. Когда, въ 1649 г., послѣ Зборовскаго договора, Хмѣльницкій допустилъ шляхту въ имѣнія, Катерина Аксакова этимъ воспользовалась и получила универсалъ, на основаніи котораго повѣренные ея Петръ и Янъ Выговскіе, въ іюнѣ 1650 г., завладѣли Гоголевымъ, Свѣтильновымъ, Богдановкою, Красиловкою, Бобрикомъ, Рожевкою, Плоскимъ, Русановомъ, Руднею и Димеркою, собрали чинши и продали движимость [1]).

Повѣренные Аксаковой торопились не даромъ; удержать за панами хозяйство и земли не представлялось въ то время возможности и при поднявшейся новой борьбѣ съ шляхтою всѣ земли, какъ старостянскія, такъ и присвоенныя Аксаками, сдѣлались достояніемъ мѣстныхъ оказачившихся громадъ. Та же участь постигла Моровское владѣніе кіевскихъ бискуповъ.

Нынѣшній Остерскій уѣздъ былъ раздѣленъ между Остерскою, Моровскою, Козелецкою, Заворичскою и Гоголевскою сотнями Переяславскаго, Слабинскою Черниговскаго и Броварскою Кіевскаго полка [2]). Изъ этихъ сотень первыя семь образовались въ бывшемъ староствѣ, въ частныхъ и въ бискупскихъ владѣніяхъ, изъ которыхъ были изгнаны владѣльцы, управляющіе, арендаторы, шляхтичи и жиды, что ни сколько не противорѣчило идеѣ возстанія, поднятаго за право владѣть землею, гражданскую равноправность и православную вѣру, но образованіе Броварской сотни въ имѣніяхъ Лавры, Николаевскаго и другихъ монастырей тотчасъ вызвало конфликтъ между новымъ народнымъ правомъ владѣть землею и интересами православной церкви. Правильно рѣшить этотъ вопросъ, какъ мы видѣли, было невозможно. Поддержка духовенства давала нравственную силу Хмѣльницкому; онъ принялъ сторону монаховъ и приказалъ старшинамъ Переяславскаго полка наблюдать, чтобы крестьяне православныхъ монастырей не оказачивались и усмирять ихъ въ случаѣ неповиновенія и неисполненія повинностей [3]). Вслѣдствіе этого, Бровар-

---

[1]) Арх. Югоз. Россіи, ч. 6, т. I. стр. 574. Стефанъ Аксакъ умеръ въ началѣ 1650 года.

[2]) Реестра войска Запор. стр. 209, 235, 236, 238.

[3]) Акты Западной Россіи, т. V. стр. 67.

ская сотня была уничтожена; впрочемъ, она никогда не была многочисленна и изъ списковъ козаковъ, во время Зборовскаго договора, видно, что въ монастырскихъ имѣніяхъ нынѣшняго Остерскаго уѣзда стремленіе къ оказаченью не было сильно; оно проявлялось только въ южной части уѣзда, близь Кіева и Гоголева, а въ селахъ, идущихъ по Днѣпру, на сѣверъ отъ впаденія въ него Десны, его почти не было. Причину этого надо искать не столько въ репресивныхъ мѣрахъ гетмана, какъ въ томъ, что жители имѣній, принадлежавшихъ Лаврѣ, никогда не были угнетаемы. За то въ селахъ, принадлежавшихъ староству или частнымъ владѣльцамъ, значительная часть населенія оказачилась; цѣлая Моровская сотня образовалась въ бывшихъ бискупскихъ владѣніяхъ. Стремленіе къ оказаченію въ первые годы возстанія было такъ сильно, что явилась возможность образовать особый Остерскій полкъ. Первымъ и, на сколько извѣстно, единственнымъ его полковникомъ былъ Тимоѳей Носачъ, въ послѣдствіи генеральный обозный и одинъ изъ замѣтныхъ сподвижниковъ Хмѣльницкаго. Остерскій полкъ образовался послѣ Зборовскаго договора 1649 года и уже въ 1653 не существовалъ [1]); входившія въ составъ его сотни, Моровская, Остерская, Козелецкая и Заворичская не были возвращены многочисленному и безъ того Переяславскому полку, а были присоединены къ полку Кіевскому; нѣсколько лѣтъ спустя къ нему-же была причислена и Гоголевская сотня. Въ послѣдствіи Заворичская сотня была уничтожена, а остальные существовали до конца прошлаго столѣтія. Такимъ образомъ Остерскій уѣздъ, за исключеніемъ Сивокъ Любечской и Смолина, Гнилущи, Максима и Копачева Слабинской сотни, всею своею территоріею входилъ въ составъ Кіевскаго полка.

Всѣ бояре вписались въ козацкіе реестры. Туда-же вписались нѣкоторые шляхтичи, какъ то: Васьковичи, Ставицкіе, Закревскіе, Козловскіе, Шидловскіе, Закаблуцкіе и другіе, которыхъ фамиліи угасли. Нѣкоторые изъ нихъ исповѣдывали православную вѣру, другіе ее приняли, такъ какъ религіозный духъ, измѣнившій значеніе козацкаго возстанія, уже не допускалъ иновѣрцевъ въ среду запорожскаго войска. Своимъ поступленіемъ въ козаки, бояре и шляхта укрѣпляли за собою право собственности на земли, находившіяся въ ихъ пожизненномъ или ленномъ владѣніи.

[1]) Ист. Малорос. Маркевича, т. V. прилож. стр. 167.

Изъ актовъ этого времени видно, что частныя владѣнія существовали рядомъ съ общественною землею, которую громада дарила или продавала по усмотрѣнію. Первыя образовались изъ существовавшихъ до возстанія надѣловъ, обратившихся въ собственность и изъ земель оказачившихся бояръ и мелкой шляхты; вторая изъ земель экономическихъ, лѣсовъ и пастбищъ. Были даже общественныя земли, пріобрѣтенныя покупкою, такъ напр., жители Стараго Остра, стѣсненные недостаткомъ пастбищъ, купили для общаго пользованія у козака Туровскаго, купленное имъ у бояръ Бѣликовъ, поле за рѣкою Остромъ. Актъ купли внесенъ въ книги Остерской ратуши, устроенной по примѣру городовъ, имѣвшихъ Магдебурское право [1]. При спорахъ между селами за земли, громады выходили на спорныя мѣста и кто либо изъ войсковыхъ старшинъ опредѣлялъ межу. Такъ напр., при спорѣ между Крихаевской и Лѣтковской громадами, межа была опредѣлена на мѣстѣ наказнымъ Остерскимъ сотникомъ Степаномъ Лапѣкою 13 іюля 1658 г. [2]).

Новый установленный народомъ порядокъ поземельной собственности, во время перипетій борьбы Хмѣльницкаго съ поляками, даже на лѣвомъ берегу Днѣпра казался шаткимъ. Въ случаѣ рѣшительной побѣды поляковъ, паны могли опять возвратиться и возстановить старый режимъ. Независимо чувства религіознаго и племеннаго единства, это опасеніе было главнымъ стимуломъ желанія народа подойти подъ «высокую руку царя православнаго». О политической свободѣ простонародіе вовсе не думало, да и какая могла быть ему въ ней надобность. Поселянину хотѣлось только вла-

---

[1]) См. прил. 4-е.

[2]) Румянцевская опись. Кіевск. отдѣлъ № 27, g. Лѣточки. Року 1658 мѣсяца Іюля тринадцатаго дня. Предомною Степаномъ Лапѣкою сотникомъ Острицкимъ на тотъ часъ будучимъ ускаржалися мнѣ козаки и мѣщане и со всею громадою своею Лѣтковскою па козаковъ и мѣщанъ Крихаевскихъ за грунты власные свои, которие грунти отъ предковъ ихъ до Лѣтковцевъ принадлежны были, на которой границѣ и самъ я билъ зо всѣмъ товариствомъ своимъ войсковимъ тогда учинилемъ имъ границу ведлугъ старое границѣ, якъ предки ихъ уживали такъ тежъ, якъ и за пановъ старыхъ било.

Упоминаемый здѣсь сотникъ Степанъ Лапѣка выстроилъ Воскресенскую церковь въ г. Острѣ и былъ ея ктиторомъ.—(Черниговскія Епархіальн. Извѣст 1863 г. № 2).

дѣть безпрепятственно своею нивой и не подчиняться ни чьему произволу. Отъ Московскаго царя онъ ждалъ санкціи права на отвоеванную землю и защиты отъ панскаго угнетенія.

Нарѣканія за послѣдующую судьбу Малороссіи на русское правительство лишены всякаго основанія. Пріобрѣтя страну, оно предоставило ей полное самоуправленіе и угнетать ее никогда не стремилось. Все горе народа, всѣ его бѣдствія должны быть приписаны его вождямъ и его быстро развившейся аристократіи. Если Московское правительство поступало иногда во вредъ глубоко преданнаго ему народу, то вслѣдствіе непониманія, поддерживаемаго своекорыстнымъ малорусскимъ панствомъ. Начало ему было положено еще Хмѣльницкимъ, который окружилъ себя православною шляхтою, занявшею главныя должности въ козацкомъ правительствѣ, и вполнѣ раздѣлялъ ея взгляды и желанія. Представителемъ русско-шляхетской партіи и руководителемъ гетмана, былъ генеральный войсковой писарь Иванъ Выговскій, парализовавшій своими дѣйствіями успѣхи возстанія и не допустившій народъ закрѣпить, при Московской помощи, свои права и свободу. Выговскій желалъ для себя богатства и власти, а для страны автономіи, съ сохраненіемъ прежняго шляхетскаго строя; исключеніе допускалось для козацкаго войска въ опредѣленномъ размѣрѣ. Затѣмъ все остальное населеніе, принявшее названіе мѣщанъ, должно было опять превратиться въ хлоповъ, подчиненныхъ владѣльцамъ. Проектъ Выговскаго пришелся по душѣ козацкимъ старшинамъ и они, истерзавъ страну, добились его осуществленія въ восточной Украинѣ. Автономія, постоянно слабѣя, незамѣтно исчезла чрезъ столѣтіе, а помѣщицкое право на оборотъ, постоянно усиливаясь, сразу оборвалось 19 Февраля 1861 года.

На первыхъ порахъ послѣ Переяславскаго договора, пользуясь тѣмъ, что Москва не мѣшалась во внутреннее управленіе, Хмѣльницкій и Выговскій занялись раздачей имѣній, отнятыхъ у поляковъ. Первыя жертвы, конечно, были сдѣланы въ пользу монастырей и еще 20 Декабря 1653 года, т. е. за нѣсколько днэй до принесенія присяги царю, Хмѣльницкій уже подарилъ бывшее владѣніе Скуминовъ, Чернинъ, Межигорскому монастырю [1]). Вслѣдъ за

[1]) Акт. З. Р. т. V, стр. 90.

тѣмъ, имъ же была подарена Выгуровщина Златоверхому Михайловскому монастырю [1]), при чемъ Выгуровскія земли были отмежеваны отъ Троещинскихъ наказнымъ кіевскимъ полковникомъ Василіемъ Дворецкимъ, о которомъ намъ придется еще много разсказывать.

Подарки монастырямъ выходили изъ того принципа, что отвоеванная земля принадлежитъ войску и что гетманъ, какъ его представитель, имѣетъ право ею распоряжаться. Дарственныя давались всегда отъ имени гетмана и всего войска запорожскаго. За надѣленіемъ монастырей послѣдовала раздача цѣлыхъ имѣній частнымъ лицамъ, за ихъ мнимыя или дѣйствительныя заслуги. Въ 1657 году, генеральный войсковой писарь Иванъ Выговскій получилъ Остеръ, Козелецъ и м. Бобровицу, со всѣми прилегающими селами, опричъ козаковъ, какъ сказано въ жалованной грамотѣ, т. е. все бывшее Остерское староство. Всѣ имѣнія Аксаковъ были отданы Евстафію Игнатьевичу Выговскому, отцу войсковаго писаря [2]). Для двухъ своихъ братьевъ онъ выхлопоталъ въ томъ-же году жалованныя грамоты на Баришполь, Барышевку, Воронково, Басань, Кобыжчу и Козары, такъ что семейству Выговскаго принадлежало, за исключеніемъ козачихъ земель, огромное сплошное пространство земли [3]). Ставъ гетманомъ, по смерти Хмѣльницкаго, Иванъ Выговскій подарилъ, въ сѣверной части Остерскаго уѣзда, с. Смолинъ и Максимъ Слабинскому сотнику Ивану Домонтовичу (1 Августа 1659 г.) [4]).

На первыхъ порахъ, эти грамоты на земли не отражались на бытѣ народа. Его не обременяли повинностями и допускали распоряжаться землями, такъ, что громады Лѣтковская и Крехаевская вызвали сотника дѣлить между ними земли, которыя уже годъ, какъ принадлежали въ собственность гетману; между тѣмъ въ межевомъ актѣ, составленномъ Лапѣкою, о принадлежности земель Выговскому не говорится ни слова [5]).

Гражданская война, начавшаяся въ Украинѣ, вслѣдъ за вступленіемъ Выговскаго въ должность гетмана, давала кромѣ того возможность оказачиваться кому угодно. Причиною этой вой-

---

[1]) Румянц. опись. Кіевскій отдѣлъ, № 28, с. Крехаевъ.
[2]) Румянц. опись Черниг. отдѣлъ, Лѣтки.
[3]) Акты Ю. и З. Россіи т. X. стр. 671—672.
[4]) Черн. Эпарх. Изв. 1863 г. Апрѣль.
[5]) См. выше стр. 51, примѣч. 2.

ны было явно высказываемое Выговскимъ стремленіе, возстановить шляхетскіе порядки въ новой формѣ. Народъ понялъ, что его провели, и что гетманъ и старшины не для того признали власть царя, чтобъ посредствомъ ея укрѣпить право народа на отнятую у шляхты землю, а чтобы завладѣть ею, и затѣмъ подчинить народъ старымъ порядкамъ. Противъ Выговскаго образовалась народная партія, желавшая, при помощи Московскаго правительства, обезпечить народную свободу и право на землю. Нѣкоторые старшины, бѣлое духовенство и запорожцы сдѣлались душею этой партіи. Выговскій опасался, чтобы Московское правительство не склонилось тоже на сторону народа и, побуждаемый старыми симпатіями, рѣшился перейти на сторону Польши. Онъ старался всѣми силами скрыть замышляемую измѣну, чтобъ захватить Кіевъ прежде, чѣмъ она станетъ извѣстною, но Московскій воевода Ромадановскій подозрѣвалъ Выговскаго и распорядился, на всякій случай послать вспомогательный отрядъ для усиленія Кіевскаго гарнизона. Войско это, состоявшее изъ московскихъ ратныхъ людей, подъ командою Якова Левшина и Юрія Палта и запорожцевъ, подъ командою Якова Барабаша, спокойно прошло отъ московской границы черезъ восточную Украину и расположилось на отдыхъ въ м. Гоголевѣ, принадлежавшемъ отцу гетмана Евстафію. Допустить это войско въ Кіевъ, на который готовилось нападеніе, было опасно и Выговскій вынужденъ былъ снять маску. По его приказанію, 24 Августа 1658 года, на спокойно отдыхавшихъ ратныхъ людей и запорожцевъ внезапно напалъ Иванъ Кривой Выговскій, перебилъ часть отряда, а остальныхъ взялъ въ плѣнъ.

Въ тотъ же день, братъ Выговскаго, Данило, напалъ на Кіевъ, гдѣ кіевскій полковникъ Павелъ Яненко-Хмѣльницкій обѣщался измѣнить во время нападенія. Не смотря на то, что помощь не поспѣла и Яненко исполнилъ обѣщаніе, московскіе воеводы прогнали Данила Выговскаго, разбили Яненка и отняли у него всѣ пушки. Козаки бились не охотно и многіе, бросивъ старшинъ, пришли съ повинною къ московскимъ воеводамъ. На мѣсто Яненка полковникомъ былъ избранъ Василій Ѳедоровичъ Дворецкій [1]), быв-

[1]) Происхожденіе Василія Дворецкаго не извѣстно, но можно предполагать, что онъ былъ шляхетскаго рода, такъ какъ фамилія шляхтичей Дворецкихъ попадается въ современ. актахъ. Арх. Юго-Западн. Россіи, ч. 6, т. I. стр. 337.

шій, какъ мы видѣли, наказнымъ полковникомъ кіевскимъ еще при Богданѣ Хмѣльницкомъ. Съ незначительными перерывами онъ оставался кіевскимъ полковникомъ во все время смутъ въ Восточной Украинѣ (1658—1668) и былъ однимъ изъ видныхъ участниковъ въ междуусобіяхъ, интригахъ и измѣнахъ этого времени. Съ исторіей Остра Дворецкій связанъ еще ближе, какъ главный мѣстный дѣятель въ смутное время и предокъ дворянскаго рода, члены котораго донынѣ занимаютъ въ Острѣ выборныя должности. Главными чертами характера полковника Дворецкаго были: беззавѣтная храбрость, глубокая преданность православной вѣрѣ и ненависть къ католикамъ. Особое расположеніе Дворецкаго къ Братскому монастырю и его достаточная грамотность, рѣдкая въ то время, даютъ возможность предполагать, что онъ былъ воспитанникомъ Могилянской коллегіи. Этимъ объясняется его религіозный фанатизмъ, который притѣсняемое православное духовенство умышленно укрѣпляло въ своихъ воспитанникахъ, чтобъ найти въ нихъ опору противъ подавляющей силы католицизма. Вражда къ нему была причиною, почему Дворецкій, во время десятилѣтняго ряда измѣнъ козацкой старшины, въ минуты сильнѣйшихъ испытаній не переходилъ на польскую сторону; за то къ православному духовенству онъ чувствовалъ рабскую преданность и для него былъ готовъ на всякія жертвы.

6 Сентября 1658 года, Выговскій заключилъ съ Польшею Гадячскій договоръ, гарантировавшій автономію Украины, права русскаго духовенства, шляхты, реестровыхъ козаковъ и приносившій остальное населеніе имъ въ жертву. Не смотря на ненависть народа, Выговскій на первыхъ порахъ имѣлъ успѣхъ и, при помощи татаръ, разбилъ московскія войска подъ Конотопомъ (въ Іюнѣ 1659 года), но вслѣдъ за тѣмъ общее возстаніе черни быстро уничтожило его планы и онъ долженъ былъ бѣжать за Днѣпръ. На его мѣсто козаки выбрали Юрія Хмѣльницкаго, перешедшаго на сторону Москвы. Гоголевъ былъ страшно наказанъ за предательство, совершенное годъ тому назадъ. Московскія войска перебили въ немъ множество жителей, »не пощадивъ и маленькихъ дѣтокъ«. Остеръ покорился добровольно и въ него былъ посланъ, для приведенія къ присягѣ, жилецъ Григорій Талбузинъ [1]) (въ Августѣ 1659 года).

[1]) Акты Южн. и Запад. Россіи, т. VII. № 312.

Выговскихъ объявили измѣнниками, эфемерное владѣніе ихъ землями бывшаго староства прекратилось, и опять сельскія громады начали ими владѣть какъ собственностью, до новыхъ жалованныхъ грамотъ. Судьба Выговскихъ не постигла ихъ сторонника Слабинскаго сотника Домонтовича; онъ съумѣлъ во время отстать отъ Выговскаго, сохранить своему роду имѣнія, подаренныя измѣнникомъ и получить впослѣдствіи на нихъ подтвердительный универсалъ отъ гетмана Многогрѣшнаго.

1660 годъ былъ тяжелымъ для Москвы. Союзники поляковъ, крымцы, взяли Астрахань; Чернецкій разбилъ князей Хованскаго и Долгорукова и заставилъ ихъ уйти изъ Литвы. Партія сторонниковъ Гадячскаго договора подняла голову и склонила бездарнаго гетмана перейти на польскую сторону. Подъ Чудновомъ онъ измѣнилъ Москвѣ и, со всѣмъ козацкимъ войскомъ, перешелъ на сторону поляковъ. Слѣдствіемъ этой измѣны было взятіе въ плѣнъ татарами русскаго воеводы Шереметева со всею арміею. Дворецкій не поддался вліянію козацкихъ старшинъ, остался вѣренъ Москвѣ и былъ увезенъ Любомірскимъ какъ плѣнникъ (23 Окт. 1660 г.). Западную Украину заняли поляки; восточная осталась беззащитною, а Кіевъ едва держался; чтобы отрѣзать его и лишить подвоза провіанта, поляки перешли по льду Днѣпръ и Десну и безъ боя завладѣли Остромъ въ концѣ 1660 года. Комендантомъ его былъ назначенъ Войцехъ Маевскій [1]). Если-бы поляки продержались до весны, когда приступъ къ окруженному водою Остру весьма труденъ, то положеніе Кіева, лишеннаго подвоза провіанта и снарядовъ по Деснѣ, могло сдѣлаться безнадежнымъ, по этому царь велѣлъ Нѣжинскому полковнику Василію Золотаренку выбить поляковъ изъ Остра во что бы то ни стало; до боя не дошло, потому что Маевскій измѣнилъ Польшѣ, сдалъ городъ, принялъ православіе и перешелъ въ козацкую службу, подъ начальство новаго Переяславскаго полковника, наказнаго гетмана Самка.

Весной 1660 года, Дворецкій освободился изъ плѣна и занялъ прежній урядъ.

Поляки не воспользовались своими побѣдами 1660 года и не овладѣли восточной Украиной. Въ теченіи двухъ лѣтъ, ни Польша, ни Москва не показывали особой энергіи. Борьба, при ихъ под-

1) Акт. Южн. и Зап. Россіи т. V. стр. 44.

держкѣ, велась между козаками, что давало возможность честолюбивымъ людямъ добиваться гетманской булавы и губить другъ друга. Хотя до окончательнаго раздѣленія Украины, Андрусовскимъ договоромъ 1667 года, осталось семь лѣтъ, но фактически Украина уже была раздѣлена на западную Польскую и восточную Московскую. Границею въ общихъ чертахъ былъ Днѣпръ, хотя нѣкоторые города на правомъ берегу его держались московской стороны. Кіевъ же, со времени Богдана Хмѣльницкаго, ни разу не переходилъ къ полякамъ, благодаря московскому гарнизону.

Гетманомъ Восточной Украины сталъ въ 1660 году Сомко, котораго (въ 1663 г.) смѣнилъ и казнилъ Бруховецкій, а гетманомъ Западной, подъ властью Польши (въ 1662 г.) зять Хмѣльницкаго, Павелъ Тетеря. По совѣту его, король Янъ Казиміръ рѣшился стать во главѣ войска, перейти за Днѣпръ и возвратить отнятыя провинціи. Не желая тратить времени, онъ обошелъ Кіевъ, расчитывая, что онъ долженъ будетъ сдаться вслѣдствіи, по недостатку доставляемыхъ по Деснѣ продуктовъ. Переправясь 13 Ноября возлѣ Ржищева чрезъ Днѣпръ, по мосту, устроенному Михаиломъ Ханенкомъ [1]), король завладѣлъ съ боя Воронковымъ и Баришполемъ и двинулся на сѣверъ. Въ его арміи находились военныя знаменитости того времени: Стефанъ Чарнецкій, Янъ Собесскій, будущій король польскій, изгнанный владѣлецъ оказачившагося Баришполя, и, герой временъ Хмѣльнищины, козацкій полковникъ Иванъ Богунъ. Съ королемъ шли его союзники, татары.

Глинистая почва южной части Остерскаго уѣзда, вслѣдствіе сильныхъ дождей, представляла сплошную грязь. Польскія войска едва двигались и только въ первыхъ числахъ Декабря стали подъ Остромъ. Осенній разливъ Десны и Остра почти окружилъ городъ, и поляки называли его плавающею уткою [2]).

Король предложилъ жителямъ сдаться. «Не можемъ мы этого сдѣлать,—отвѣчали жители,—если-бы даже хотѣли, потому что замокъ, ворота и мы сами находимся въ рукахъ московскаго гарнизона.»

Жители обманывали короля, расчитывая на трудность приступа; московскихъ войскъ въ Острѣ не было. Наступившіе силь-

[1]) Впослѣдствіе однимъ изъ землевладѣльцевъ описываемой нами мѣстности.
[2]) Histor. Jana Kazimierza, przez nieznajomego auwtora т. II. ст. 252—255.

ные морозы помогли полякамъ, и король приказалъ готовиться къ штурму. На Николинъ день, 6 декабря, поляки постлали по льду хворостъ, а прислуга польскихъ пановъ, сопровождавшая войско, разобрала нѣсколько избъ и устроила мостъ черезъ рѣку Остеръ, по которому перевезли пушки. Пѣхота перешла по примерзшему хворосту и пошла на приступъ; въ то-же время начали стрѣлять изъ пушекъ. На этотъ разъ приступъ былъ отбитъ соединенными силами козаковъ и мѣщанъ, но на слѣдующій день надо было ожидать его повторенія. Жители умышленно произвели ночью шумъ, а утромъ, объясняя его уходомъ московскихъ войскъ, изъявили готовность сдаться. Король обѣщалъ имъ за это свою милость, избавилъ отъ контрибуціи и приказалъ только давать провіантъ польскому войску.

Янъ Казиміръ не думалъ долго оставаться въ Острѣ, торопясь нападеніемъ на московскія земли, но военный совѣтъ призналъ необходимымъ пріостановить походъ и дать отдохнуть войску, тревожимому партизанскими нападеніями жителей.

Король поселился въ предмѣстьи, въ *мизерной* хаткѣ, которую устроили для него наскоро; при немъ было два полка Вольфа и Дебуа; походный придворный штатъ, прислуга и по два ординарца отъ каждой хоругвы. Остальное войско расположилось близь Остра: великій коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій въ Козельцѣ, Янъ Собъескій въ Бобровицѣ, а Стефанъ Чарнецкій въ Мостищѣ.

Не весело встрѣчалъ праздники Янъ Казиміръ. Задержка въ Острѣ давала возможность собраться московскимъ войскамъ, а между тѣмъ ушли татары, захвативъ по обычаю скотъ и плѣнниковъ. Король послалъ подарки татарскимъ султанамъ, прося ихъ задержать орду, на что получилъ отвѣтъ, что изъ Крыма придутъ другія на свѣжихъ лошадяхъ, но для этого нужно было ожидать весны, а Янъ Казиміръ полагалъ всѣ надѣжды на зимній походъ.

Пользуясь присутствіемъ короля, Остерскіе мѣщане, на всякій случай, выпросили себѣ привиллегію на Магдебурское право, которымъ уже лѣтъ пятнадцать пользовались безъ всякаго разрѣшенія.

30 декабря король выступилъ изъ Остра, для соединенія съ Литовскимъ войскомъ и дальнѣйшаго движенія въ Великороссію. Въ Острѣ былъ оставленъ гарнизонъ подъ начальствомъ стараго шляхтича Роговского. Не теряя времени на осаду укрѣпленныхъ

Чернигова, Нѣжина и Батурина, король пошелъ къ московской границѣ. Беззащитные или слишкомъ слабые города сдавались безъ боя, кромѣ Салтыковой Дѣвицы, оказавшей энергическое сопротивленіе.

23 января польское войско расположилось подъ Глуховымъ; сюда прибыли на помощъ королю гетманъ Тетеря и Михаилъ Вишневецкій, будущій польскій король. Намъ слѣдовало-бы только упомянуть объ исходѣ последняго польскаго нашествія на Восточную Украину, если-бъ, спасшая Московское государство отъ поляковъ, геройская оборона Глухова не была дѣломъ человѣка, связаннаго съ исторіей Остра.

Въ то время, когда поляки перешли Днѣпръ и вступили въ предѣлы кіевскаго полка, Дворецкаго не было въ Украинѣ; по порученію новоизбраннаго гетмана Бреоховецкаго, онъ ѣздилъ въ Москву, гдѣ узналъ о королевскомъ походѣ и тотчасъ поспѣшилъ на защиту родины. 29 ноября онъ былъ въ Карачевѣ, гдѣ съѣхался съ дьякомъ тайныхъ дѣлъ Дементіемъ Башмаковымъ, возвращавшимся изъ Украины въ Москву и подписалъ договорныя статьи Брховецкаго съ Москвою [1], а въ первыхъ числахъ декабря прибылъ въ Украину и остался въ Глуховѣ, защита котораго была поручена ему вмѣстѣ съ генеральнымъ войсковымъ судьею Животовскимъ и начальникомъ московскаго отряда Аврамомъ Лопухинымъ.

Душею обороны Глухова былъ Дворецкій и ему одному принадлежитъ честь побѣды надъ тремя польскими королями, однимъ настоящимъ и двумя будущими, и надъ Дюгескленомъ Польши знаменитымъ Стефаномъ Чарнецкимъ. Это признаютъ сами поляки, подробно, разсказывая въ своихъ письмахъ позорную неудачу подъ Глуховомъ [2]) и комендантомъ его называютъ Дворецкаго, не упоминая о другихъ начальникахъ. Одинъ изъ вождей польскихъ, наѣздникъ школы Чарнецкаго, Александръ Поляновскій, извѣщая Любомирскаго о первоначальномъ успѣхѣ кампаніи, далѣе пишетъ, что Богъ »stitit cursum victoriae deditionum« (сдержалъ бѣгъ побѣдъ и добровольныхъ сдачь) посредствомъ одного только Дворец-

[1]) Лѣтоп. Гигельмана часть, II стр. 67.

[2]) Zbior pamiętnik. Broel-Plater, т. IV, стр. 132—145. Hist. Panow. Jana Kazim. wydal. Raczyński, т. II. стр. 267—270.

;аго, недавно прибывшаго изъ Москвы и принявшаго начальство въ Глуховѣ.

Полякамъ было необходимо какъ можно скорѣе овладѣть городомъ, чтобъ затѣмъ разбить не соединившихся вслѣдствіе мѣстничества московскихъ воеводъ и войти въ предѣлы Великой Россіи. Послѣ тріумфальнаго шествія черезъ всю Украину Глуховъ казался ничтожнымъ препятствіемъ, хотя былъ окруженъ только что исправленнымъ двойнымъ валомъ. Чернецкій иослалъ иредложеніе сдаться и сталъ ожидать отвѣта. Участь Салтыковой Дѣвицы, гдѣ были иеребиты всѣ жители, грозила городу и нѣкоторые изъ мѣщанъ начали подумывать о сдачѣ, но Дворецкій настаивалъ на защитѣ до послѣдней крайности. Сторонники сдачи города выбрали себѣ полковникомъ Кирила Гуляницкаго, неожиданно схватили Дворецкаго и Лоиухина, посадили ихъ въ тюрьмы и послали двухъ сотниковъ въ королевскій лагерь, съ предложеніемъ сдать городъ. Прежде чѣмъ сотники успѣли возвратиться, Дворецкій былъ уже на свободѣ. Его караулили сорокъ человѣкъ; считая, что для этого десяти достаточно, остальные разошлись Въ это время, мимо оконъ тюрьмы проходили московскіе люди и толпа крестьянъ, Дворецкій началъ звать ихъ на помощь и его освободили немедленно. Не тратя времени, онъ принялъ самыя энергическія мѣры для прекращенія смуты, велѣлъ отрубить головы тридцати заговорщикамъ, а остальныхъ,—истерзавъ и изувѣчивъ, выкинуть еще живыми за валъ въ иольскій лагерь. Всѣ разговоры о сдачѣ города прекратились и рѣшено было биться на смерть; король получилъ отказъ и велѣлъ готовиться къ приступу. 29 Января поляки съ трехъ сторонъ напали на городъ; но Глуховцы защищали валы съ такимъ мужествомъ, что не только отбили осаждающихъ, но преслѣдовали ихъ до самаго лагеря. Дворецкій одержалъ полную побѣду. Изъ отчета служившаго въ польской арміи оберъ-лейтенанта Іогана Магнуса фонъ-Оргапа видно, что въ этомъ дѣлѣ съ польской стороны убито и ранено 140 офицеровъ, болѣе 200 унтеръ-офицеровъ и болѣе 2000 рядовыхъ. «И я раненъ, такъ что калѣкой останусь», замѣчаетъ между ирочимъ Оргапъ. Бѣшенство овладѣло Чарнецкимъ; онъ убѣждалъ короля взять упрямый городъ, но на вторичный штурмъ безъ предварительной подготовки не рискнули и начали вести подкопы. Подземныя работы продолжались до 8 Февраля, а въ этотъ день

рѣшено было произвести взрывъ крѣиостныхъ воротъ, въ то время, когда войска нойдутъ на приступъ, но инженеры расчитали не вѣрно и мину взорвало внѣ окоповъ; король вынужденъ былъ отступить, а Дворецкій сдѣлалъ опять вылазку и побилъ много поляковъ. Свою неудачу они приписывали измѣнѣ бывшихъ въ ихъ войскѣ козаковъ, подъ начальствомъ Богуна, которые будто-бы при первомъ штурмѣ только кричали и стрѣляли на воздухъ.

Между тѣмъ, московскіе войска приближались къ Глухову и туда-же шелъ изъ Батурина гетманъ Бруховецкій. Король вынужденъ былъ снять осаду и тріумфальное шествіе трехъ королей обратилось въ спять, стараясь убраться за Днѣпръ, прежде чѣмъ ледъ на рѣкахъ начнетъ таять. Король ушелъ въ Бѣлоруссію, а Чарнецкій направился къ Кіеву, куда звало его новое возстаніе козаковъ и разсчитывалъ укрѣпиться въ Острѣ, чтобы имѣть возможность дѣйствовать на обоихъ берегахъ Днѣпра; объ этомъ онъ извѣстилъ Остерскаго коменданта Роговскаго, которому былъ посланъ на помощъ отрядъ Виленскаго Каштеляна, подъ начальствомъ Пускевскаго, но Роговскій этой помощи не дождался. Испугавшись судьбы Барышевскаго коменданта, котораго жители выдали московскимъ воеводамъ и замѣчая въ Острѣ симптомы возстанія, онъ вышелъ изъ него съ войскомъ, подъ предлогомъ недостатка провіанта, и хотя въ десяти верстахъ встрѣтилъ Пускевскаго, но возвращаться назадъ не пожелалъ (въ Мартѣ 1664 года) [1].

Узиавъ объ этомъ, Чернецкій ушелъ за Днѣпръ и поляки навсегда разстались съ Восточной Украиной.

Война была перенесена на правый берегъ Днѣпра, но она тяжело отразилась на жителяхъ описываемаго нами края. Вниманіе московскаго правительства было обращено преимущественно на сбереженіе Кіева, что вызывало сосредоточеніе войскъ въ его окрестностяхъ и доставленіе провіанта изъ ближайшихъ мѣстъ. Зимою 1664—1665 года, въ нынѣшнемъ Остерскомъ уѣздѣ стояли полки Черниговскій и Овручскій; жители должны были кормить постояльцевъ и кромѣ того доставлять провіантъ въ Кіевъ. Повинность эта всею своею тяжестью ложилась на села, не принадлежавшія монастырямъ, потому что монахи, благодаря своему вліянію на кіевскихъ воеводъ, усиѣвали облегчать положеніе своихъ подданныхъ.

[1] Zbior pamietnikow, Broel-Plater, т. IV, стр. 160—163.

Дворецкій, послѣ Глуховской побѣды, былъ посланъ въ Москву Бруховецкимъ и оттуда только къ зимѣ возвратился въ Кіевъ. Въ это время блюстителемъ митрополичьяго престола былъ сдѣланъ епископъ Меѳодій, который началъ жить въ Кіевѣ; вліяиію этого честолюбиваго интригана вполнѣ подчинился религіозный до фанатизма, при храбрости и военныхъ способностяхъ, не одаренный большимъ умомъ и силою воли, Дворецкій. Его дальнѣйшій образъ дѣйствій и судьба опредѣлились связью съ Меѳодіемъ.

Въ началѣ 1665 года Дворецкій опятъ ѣздилъ въ Москву съ просьбою о вспомогательномъ войскѣ, а лѣтомъ участвовалъ въ заднѣпровскомъ походѣ Бруховецкаго и въ Августѣ временно командовалъ Брацлавскимъ полкомъ, вмѣсто убитаго Ивана Сербина. По окончаніи кампаніи, онъ вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ, кіевскимъ полковымъ хурунжимъ, поѣхалъ въ Москву, куда отправился гетманъ Бруховецкій съ войсковыми старшинами, для заключенія договора, названнаго московскимъ. По этому договору козаки сохраняли свои права, но весь остальной народъ облагался въ пользу государевой казны податью, которую должны были собирать не мѣстные урядники, а московскіе цѣловальники; во многіе города, въ томъ числѣ и въ Остеръ, назначались московскіе гарнизоны, а митрополитъ кіевскій долженъ былъ быть подъ властью московскаго патріарха. Бруховецкій думалъ укрѣпить свою власть при московской помощи и окончательно подавить своихъ противниковъ.

Дворецкій подписалъ этотъ договоръ вмѣстѣ съ другими старшинами, причемъ въ благодарность за вѣрность получилъ русское дворянство и села Надиновку, Борки и Серединку, со всѣми угодьями, кромѣ козацкихъ грунтовъ. Зимою 1665—1666 года Дворецкій возвратился въ свой полкъ и засталъ сильное неудовольствіе жителей; причиной тому были невыносимые постои. Возлѣ Остра расположились на зимнія квартиры состоящій изъ молдаванъ и всякаго зброда конный полкъ Дмитрашка Райче и пѣшій Ивана Щербины [1]), а въ Гоголевѣ и его окрестностяхъ, разоренныхъ наборами Шереметева—Овручскій иолкъ, подъ командой прославившагося разбоями Децика [2]). Кромѣ того, Шереметевъ, на основаніи Московскаго договора, приказалъ подполковнику Подымову ввести въ

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VI стр. 77.

[2]) Тамъ-же стр. 41—62.

Остерскій замокъ 266 солдатъ, а для продовольствія гарнизона взялъ въ свое распоряженіе войсковыя мельницы на рѣкѣ Острѣ [1]). Изъ за этого между Шереметевымъ и Дворецкимъ нроизошли неудовольствія; послѣдній началъ настаивать, чтобы Остерскій гарнизонъ былъ переведенъ въ Димеръ въ замѣнъ находившихся тамъ козаковъ Кіевскаго полка, и когда Шереметевъ не согласился,—вывелъ козаковъ изъ Димера [2]). Меѳодій успѣлъ прекратить раздоръ и вслѣдъ затѣмъ, Дворецкій отправился въ походъ къ Каневу противъ смѣнившаго Тетерю новаго гетмана Дорошенка.

Между тѣмъ народное неудовольствіе, возбужденное пріѣздомъ въ Украину московскихъ воеводъ и цѣловальниковъ, еще болѣе усилилось слухами о мирныхъ переговорахъ Польши съ Москвою. Говорили за вѣрное, что Москва жертвуетъ козаками и за уступки въ Бѣлоруссіи отдаетъ Украину Польшѣ. Наконецъ 20 Января 1667 года былъ заключенъ Андрусовскій договоръ. Слухи въ значительной степени оправдались, потому что вся заднѣпровская Украина возвращалась Польшѣ. Исключеніе было сдѣлано для Кіева, который на два года оставался во власти царя.

Хотя московское правительство твердо рѣшилось въ тайнѣ не уступать полякамъ русской святыни, для чего всегда можно было найти предлогъ, но въ Украинѣ этого не знали и мысль объ отдачѣ Кіева ляхамъ, возмущала религіозныхъ людей. Раздѣленіе страны было другимъ не менѣе сильнымъ поводомъ къ негодованію. Связь между козаками обоихъ береговъ была самая тѣсная; не смотря на частые раздоры, они считали себя членами одного запорожскаго войска и произвольное раздѣленіе ихъ (какъ скотовъ безсловесныхъ, по словамъ Дорошенка), глубоко оскорбляло народное чувство. Даже привязанность къ царю крестьянъ поколебалась, вслѣдствіе взысканія поборовъ воеводами и цѣловальниками, которые притѣсняли народъ и распоряжались, какъ въ странѣ завоеванной. Видя всеобщее неудовольствіе, автономическая партія обѣихъ фракцій—польской и московской, стала энергически подготовлять возстаніе, еще не теряя надежды на осуществленіе южнорусской республики, въ вассальномъ подчиненіи одному изъ сосѣднихъ государствъ. Таковыхъ было три: изъ нихъ Польша со своимъ

[1]) Тамъ-же стр. 94—95.

[2]) Тамъ-же стр. 99.

шляхетскимъ строемъ оказалась несовмѣстимою съ идеею козацкой республики; кромѣ того аграрный вопросъ дѣлалъ всякіе компромиссы невозможными. Москва, какъ новый властитель, не стѣсненная этимъ вопросомъ, могла, конечно, скорѣе согласиться на автономнческое существованіе Украины, но заключеніе Московскаго договора показывало, что она хочетъ видѣть въ южно-руссахъ—не вассаловъ, а подданныхъ подчиненныхъ абсолютной власти царя. Оставался третій сосѣдъ. Турція, къ номощи которой не разъ, во время тяжкихъ испытаній, думали обратиться козацкіе вожди. Для нея вассальныя владѣнія магометанскія и христіанскія не были новостью; она имѣла ихъ нѣсколько; въ разрѣшеніе-же аграрнаго вопроса конечно не стала-бы вмѣшиваться. Но мысль о подчиненіи »врагу христова имени« была противна массѣ народа, поэтому Дорошенко употреблялъ всѣ мѣры, чтобы убѣдить московское правительство разорвать миръ съ поляками, соединить Украину подъ своею властью, сохраняя ея автономію и оставивъ въ рукахъ Дорошенка гетманскую булаву. Переговоры объ этомъ велись между московскими чиновниками и Дорошенкомъ въ теченіи всего 1667 г.

Негодованіе, возбужденное въ народѣ Московскимъ и Андрусовскимъ договорами, и слухи о сношеніяхъ московскаго правительства съ Дорошенкомъ ставили Бруховецкаго въ самое затруднительное положеніе. Онъ опасался, что Москва убѣдится доводами Дорошенка и пожертвуетъ имъ.

Не менѣе Бруховецкаго опасался Меѳодій. Кіевскимъ митрополитомъ московское правительство его не дѣлало, да и самый Кіевъ должно было передать полякамъ, которые, конечно, никогда не согласились-бы, чтобъ отъявленный врагъ ихъ, Меѳодій, первосвященствовалъ въ Кіевѣ. Въ случаѣ-же неотдачи Кіева Польшѣ, должна была начаться война и въ такомъ случаѣ Дорошенко приставъ къ Москвѣ, сдѣлался-бы, первымъ человѣкомъ въ Украинѣ; другомъ-же и наставникомъ его былъ изгнанный изъ Кіева и поселившійся въ Чигиринѣ митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ Тукальскій.

По совѣту Меѳодія Бруховецкій рѣшился предупредить колебавшагося Дорошенка и привести въ исполненіе планъ принятія турецкой протекціи.

Въ Февралѣ 1668 года, началось возстаніе Бруховецкаго противъ Москвы. Воеводы и цѣловальники были избиты или взяты въ

плѣнъ. Бруховецкій выступилъ на встрѣчу призваннымъ имъ татарамъ и былъ убитъ въ походѣ козаками, перешедшими на сторону Дорошенка.

Подвинувшій Бруховецкаго на бунтъ епископъ Мефодій успѣлъ повлiять и на Дворецкаго, который, при своей набожности, не могъ не возмущаться уступкою полякамъ русской святыни и своего полковаго города Кіева. Дворецкій присоединился къ возстаiію противъ Москвы, которой, до того времени, оказывалъ неоцѣненныя услуги и былъ вѣренъ въ самыя трудныя минуты и пошелъ къ Остру, расчитывая выгнать оттуда московскихъ ратныхъ людей. Начальникъ остерскаго гарнизона, воевода Дмитрій Рогозинъ, отбилъ нѣсколько приступовъ Дворецкаго, но удержаться безъ помощи не надѣялся и извѣстилъ кіевскаго воеводу Шереметева, что »буде впредь приступы учнутъ чинить такіе-же, то ему города не удержать, потому что ратные люди впали въ страхъ«. На помощь Рагозину были посланы изъ Кіева полковники: Тимофей Тургеневъ, Гаврило Подымовъ и Андрей Гамильтонъ [1]).

Съ утра до ночи бился съ ними Дворецкій, непропуская въ Остерскій замокъ; но наконецъ самъ долженъ былъ запереться въ другой половинѣ города (не въ старомъ ли замкѣ Гаштольда, валы котораго и теперь существуютъ?). Разсвирѣпѣвшіе ратники перебили много жителей и сожгли прилегавшую къ замку часть города; помощь людьми и снарядами была доставлена Рогозину, а остальное войско возвратилось въ Кіевъ. Не видя возможности взять замокъ приступомъ, Дворецкій выстроилъ укрѣпленія на мѣстѣ сожженныхъ домовъ, откуда стрѣлялъ внутрь замка и чтобы не допустить въ него провіанта, велѣлъ укрѣпить близъ Остра берега Десны. Вскорѣ подоспѣла Рогозину новая помощь изъ Кіева: стрѣлецкіе головы Левшинъ и Мещериновъ. Они разрушили устроенные на берегу Десны шанцы, но приступъ ихъ къ замку Дворецкаго оказался неудачнымъ, потому что по донесенію воеводы »сѣлъ онъ въ крѣпостяхъ большихъ«.

Съ Февраля по Декабрь 1668 года, Остеръ представлялъ картину, напоминающую эпизоды изъ средневѣковой жизни. Одинъ близь другаго стояли два враждебныхъ замка и не смотря на подходившую помощь, ни одинъ не могъ быть взятъ. Къ этому нужно при-

[1]) Акт. Южн. и Зап. Россіи, т. VII, стр. 54, 136 и 151.

бавить, что между комендантами сохранялась нріязнь. Рогозинъ 1о ворилъ впослѣдствіи о Дворецкомъ: »какъ-бы не онъ, любезный, помогъ мнѣ, какъ война была, я бы въ то время нропалъ«. Дворецкій не дождался конца взаимной осады. Въ Ноябрѣ, когда остерскія дѣла оставались въ томъ-же положеніи, онъ уже былъ въ Чигиринѣ у Дорошенка.

Другіе мѣста Остерскаго уѣзда также подверглись въ этомъ году нападеніямъ московскихъ отрядовъ. Шереметевъ разорилъ Бровары и предмѣстья Гоголева, но козаки удержались въ замкѣ, куда подоспѣла помощь, присланная Дорошенкомъ [1]).

Зимою 1668—1669 года, все успокоилось. Новоизбранный въ Восточной Украинѣ гетманъ Многогрѣшный присягнулъ царю, который объявилъ амнистію, сдѣлалъ разныя уступки въ пользу мѣстной автономіи и вывелъ изъ Украины цѣловальниковъ. Московскій гарнизонъ простоялъ въ Острѣ еще нѣсколько лѣтъ, съ тѣмъ же храбрымъ воеводою Рогозинымъ, который, за неимѣніемъ другихъ занятій, приглашалъ къ себѣ на закуску и выпивку остерскихъ поповъ и жителей и благодушествовалъ, вспоминая о своемъ осадномъ сидѣніи [2]).

Весной 1669 года, пользуясь амнистіей, возвратился Дворецкій, лишенный за свою измѣну полковницкаго уряда и подарен ныхъ имѣній. Остались у него только домъ и усадьба въ Кіевѣ, гдѣ онъ поселился, но не могъ помириться съ мыслью, что его политическая и боевая карьера окончилась и что тишина наступила въ Восточной Украинѣ. Воспоминанія были слишкомъ живы и врѣзались такъ глубоко, что старику постоянно мерещились смуты и плѣняла надежда, что опять набѣгутъ поляки и ему еще не разъ придется биться съ исконными врагами православія [3]). Онъ видѣлъ опасность тамъ, гдѣ ее не было и высказывалъ свои фантазіи, какъ достовѣрные факты, что едва не погубило его.

Измѣны въ это время были постоянными и никто никому не вѣрилъ, ипричемъ, такъ какъ доносить было выгодно, а не доносить опасно, то шпіонство сдѣлалось общею чертою нравовъ высшаго казацкаго общества. Въ 1670 году, Дворецкій пріѣхалъ въ

[1]) Тамъ-же, т. VII, стр. 60.
[2]) Тамъ-же, т. IX, стр. 250.
[3]) Тамъ-же, т. VII, стр. 162.

Козелецъ, куда было перенесено кіевское полковое управленіе, въ гости къ своему сыну Ивану и объявилъ ему, что козаки затѣваютъ измѣну иротивъ московскихъ ратныхъ людей. На вопросъ сына, отъ кого онъ это слышалъ онъ отвѣчалъ: »отъ кого слышалъ, только слышалъ«. Объ этомъ разговорѣ провѣдалъ новый кіевскій полковникъ Константинъ Дмитріевичъ Солонина, недовольный остерскимъ воеводою Рогозинымъ, въ домѣ котораго по нѣскольку дней гостилъ Дворецкій. Кромѣ того остерскій сотникъ Трофимъ Подтеребъ сообщилъ Солонинѣ, что Рогозинъ при трехъ священникахъ и другихъ свидѣтеляхъ указывалъ на Дворецкаго, какъ на перваго человѣка въ Украинѣ, имѣющаго болѣе заслугъ, чѣмъ гетманъ и всѣ полковники. Солонина началъ слѣдить за Дворецкимъ и перехватилъ его письмо къ сыну, въ которомъ, не объясняя причины, старикъ предлагалъ ему прислать жену и имущество въ Кіевъ.

Солонина донесъ въ Москву, что Дворецкій »чинитъ расколы, вселяетъ ссоры и тѣмъ бунтуетъ народъ«. Царь приказалъ нарядить судъ, Дворецкаго арестовали и повезли въ Батуринъ, куда велѣно было пріѣхать и Солонинѣ. Въ дорогѣ, разговаривая съ конвойными, Дворецкій спрашивалъ, зачѣмъ его везутъ къ гетману; провожатые сказали, что не знаютъ. »Хочь меня и згубятъ, однако война съ Москвою не минетъ«, отвѣчалъ Дворецкій. Эту неопредѣленную фразу также хотѣли поставить ему въ вину; но козни Солонины не удались; никакой измѣны или заговора нельзя было вывести изъ словъ Дворецкаго и онъ объяснилъ на судѣ, что все имъ сказанное относится къ войнѣ и смутамъ, дѣлаемымъ Дорошенкомъ и Запорожцами, а »объ измѣнѣ государю онъ не вспоминалъ и не мыслилъ«. Гетманъ Многогрѣшный заступился за стараго товарища и судъ его оправдалъ. На этомъ Дворецкій, впрочемъ, не успокоился и въ 1672 году опять началъ разсказывать, что поляки Васильковъ вырубили, хотятъ Кіевъ взять и совѣтывалъ людямъ собираться въ города и бросать села. Его опять потребовали къ гетману, котораго онъ началъ увѣрять, что поляки хотятъ воспользоваться оплошностью, напасть на Кіевъ или на Печерскую Лавру, для чего посылаютъ шпіоновъ и что кіевскій воевода не обращаетъ на это вниманія [1]).

---

1) Тамъ-же, т. IX, стр. 608.

Подобные замыслы поляковъ существовали только въ воображеніи старика; имъ въ это время было не до Кіева, такъ какъ Могометъ IV вошелъ въ предѣлы Польши и московская помощь была ей нужна, болѣе чѣмъ когда либо. Гетманъ не обратилъ вниманія на старческій бредъ Дворецкаго; онъ не понесъ никакого наказанія и возвратился въ Кіевъ, гдѣ въ томъ-же году подарилъ Братскому монастырю свою усадьбу (на углу противъ монастыря) и скоро умеръ, не оставивъ сыну никакого наслѣдства [1]).

Съ 1669 года описываемый нами край начинаетъ жить мирною жизнью и въ немъ устанавливается тотъ порядокъ, который давно созрѣлъ въ умахъ руководящихъ классовъ, но не могъ быть примѣненъ всецѣло въ смутное время. Козацкіе старшины, устранивъ народъ, удержали за собою управленіе Малороссіею и быстро переродились въ наслѣдственную аристократію. Простые рядовые козаки остались вполнѣ подчиненнымъ ей военнымъ сословіемъ, но захваченныя земли были укрѣплены за ними, на правѣ полной собственности. Этого права не добились посполитые. Долгая война не принесла ожидаемой пользы и они были обязаны по прежнему отбывать повинности владѣльцу, на землѣ котораго жили, сохраняя права личной свободы и вольнаго перехода изъ одного имѣнія въ другое.

---

[1]) Матер. для изд. Топ. Кіевъ, ч. III, стр. 109.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Извлеченіе изъ Люстраціонной описи 1545 года.

Лутава. Домовъ 12, даютъ на замокъ Кіевскій меду полнята кади, 2 куницы, по $7^1/_2$ грошей (съ двора); гоны бобровые на воеводу; озеро уступное зъ Десны волочатъ они воеводе-жъ неводомъ его и рыбу ему зъ озера того уловивши отвозятъ до Кіева. Езъ тамъ на Десне, а хто забъетъ даетъ на замокъ белугу каждую, осетра десятаго, а бѣлая рыба тому хто ее бъетъ, повинны тожъ на годъ одинъ усеренъ ходити на нартахъ у ловы воеводе.

Села Печерскаго Монастыря.

1) *Сорокошичи.* 10 дворовъ; дани 2 копы 52 гроша, меду $28^1/_2$ ведеръ.

2) *Глѣбовъ.* 11 дворовъ; дани 5 копъ 5 грошей, меду $22^1/_2$ ведра.

3) *Ошитки.* 7 дворовъ; дани 3 копы 16 грошей и 6 пенязей; меду 35 ведеръ.

4) *Новоселки* (на Днѣпрѣ). 2 двора; дани $1^1/_2$ копы и $2^1/_2$ гроша и 16 ведеръ меду.

5) *Тарасовичи.* Человѣкъ (дворовъ) 6; дани 3 копы 50 гр. меду 14 ведеръ.

6) *Сваромье.* Человѣкъ 7, дани меду 59 ведеръ.

7) *Погребы.* Человѣка 4, дани 24 гроша.

Жукинь. Село было митрополичье, давало дани 6 ведеръ меду; теперь привернуто къ Остру.

II.

ЛЮСТРАЦИИ

Г. ОСТРА И ОСТЕРСКАГО СТАРОСТВА.

Описаніе Остерскаго Замка 1552 года.

Остръ за держаня пана Константина Ратомскаго.

Замокъ. Замокъ Остерскій за Днѣпромъ и за Десною, межи Кіева и Чернигова отъ замковъ тыхъ въ середине зъ обу сторонъ по десяти миль, а отъ границы земли Черниговское въ мили, на речце Остръ, отъ Десны у версте; на старомъ городище около церкви стародавное мурованое опустѣлое, отъ доброи памяти пана Ольбрахта Кгаштольта воеводы Виленскаго на дедизне его отъ 14 лѣтъ, здерева сосноваго поставенъ, не облепливанъ недбале весь робленъ не добре покрытъ, а потомъ отъ трехъ годовъ початъ знову новымъ деревомъ сосновымъ-же робити добродеревцы, справою городничаго некгды Шутковского; уроблено знову и покрыто городень 8, вежу однуа всихъ городень старыхъ и новыхъ 30, вежъ 5; а окромъ новыхъ вси городни и вежи не крѣпки, ветхи, покрыте на нихъ поопадало, потребуетъ будованя знову; просторонность замку вдолжъ пляцу сажень 37, впоперекъ 31; колодезя въ замку нѣтъ, вода ажъ з речки Остра форткою.

Будоване въ замку. Светлички три при земли, четвертая на подрубе, изба черная про челядь, шпихлиръ на ховане пороховъ простъ, не облепливанъ; мостъ передъ вороты замковыми чрезъ перекопъ на поляхъ добръ еще, але узводъ по конецъ мосту того злый.

Гора замковая. Гора замковая невелика и не прикра, можетъ на некоторыхъ мѣстцах человекъ на кони до стены замковое доѣхати; нижъли только отъ речки Остра гора повысока и прикра, приступу тамъ к стенѣ нѣтъ, вдолжъ подле стены тое, где неприступно есть на 10 сажонъ, нижли гора почала казитися подмыванемъ отъ реки, иотребуетъ тамованя; потребуетъ тежъ гора замковая з другое стороны отъ места перекопу, яко вже есть тамъ отъ места перекопу на двадцать сажонъ вдолжъ, алебы со двое того вдолжъ потреба перекопу таковогo жъ отъ места.

Острогъ. Острогъ подле замку около места отъ стены зася замковое жъ приведенъ добръ, ново робленъ дилеваномъ и кольемъ дубовымъ, поверху валъ; а широкость острога всего отъ стены замковое зася до стены замковое жъ триста и семъдесятъ сажонъ. Домовъ въ острозѣ земянскихъ и мещанскихъ 50, а за острогомъ 35.

Бронь замковая. Дѣло спижаное вдолжъ полъ 9 пяди, гербъ на немъ: *) куля зъ яйцо утячое, число латиною 1534, ложе и кола подъ нимъ окованы добре; дѣло спижаное вдолжъ 9 пядей и на три иальца, а куля съ гусиное яйцо, гербъ: число латиною 1534, ложе и кола окованы добре; дѣло спижаное, вдолжъ пол 9 пяди, гербъ: куля з яйцо утячое, число латиною 1534, ложе и кола окованы добре; дѣло спижаное таковоежъ, вдолжъ иол 9 пядей, гербъ: куля зъ яйцо утячое, число латиною 1532, ложе и кола окованы добре. Сарпантинъ железный, вдолжъ 13 пядей кромъ формы, куля до него около пяди, ложе оковано, кола не кованы. Серпентинъ, вдолжъ полдесяти пяди, куля до него побольшъ гусиного яйца, ложе оковано, на козле стоитъ. Гаковницъ 38, две з нихъ безъ курковъ, а 30 межи ними ио большихъ, козами зовутъ; ручницъ 13 малыхъ, пищальныхъ, а все неприправныхъ; гаркабузъ одинъ.

Желѣзо. Сарпантына розорванного штука, у знимокъ человѣку желѣза того, къ тэму форма сарпантинова желѣзная жъ. Формъ на кули до гаковницъ железных 5, каменных 4, куль железныхъ, оловомъ облитыхъ, до двухъ дѣлъ большихъ 23 и до меншихъ 11. Куль до гаковницъ железныхъ, оловомъ облитыхъ, полчетверта ста; куль железныхъ, необливанныхъ, до сарпантиновъ семъдесять и две.

Порохи. Пороху пушечного с чотыри решота, пороху гаковничного бочечка съ треть солянки, пороху ручничного полтора фунта.

*) Гербы въ подлинной рукописи изображены рисунками.

Салетра. Салетры бочка солянка.

Сирка. Серкн чверть солянки, а дано иушкару робити на порохъ ручничный салетри, а серки 17 фунтовъ.

Свинецъ. Свинцу пять штукъ, а каждая з них особно человѣкомъ двумъ у знимокъ, особно штучка у знимокъ человеку одною рукою.

Пушкаръ. Пушкаръ Станиславъ с Техоновца, беретъ съ скарбу господарского на годъ 14 копъ грошей, сукна лунского 5 локотъ, поднялся за то, кромѣ стреляня, робити на замокъ на годъ по каменю пороху зъ замковое салетры и сирки, а по два аркабузы, н всякую стрельбу оправовати з желѣза замкового.

Живность. Жита въ замку четвертей семъдесятъ и девять, тыхъ четвертей три у солянку, а роздалъ староста теперешній, панъ Ратомский, жита того господарского въ отдане шестдесятъ четвертей и маетъ тотъ отложити мяса полтевъ 27.

Повинноватство подданыхъ. О повиноватстве подданыхъ, о службе ихъ, и о податкахъ отъ них, а о доходахъ замковыхъ поведили старшие с нихъ, которые водлугъ листа и приказаня господарского обраны, присягнули правду во всемъ поведити, на ймя: Радивонъ Островский, Богданъ Копоть, Ходоръ Хоцута а Хведоръ Обыйма.

Служба военная. Бояре повинни ѣздити съ старостою иротивъ людей неприятельскихъ, по той сторонѣ Днепра Северской, отъ Остра; повинни тежъ бояре и безъ старосты ѣздити, шляховъ отвѣдывати, по той же стороне Сиверской. Выѣздитъ всихъ ихъ 27 коней зъ отчизнъ оселыхъ, а пустыхъ земли межи ними пять.

Робота остроговая. Острогъ повинни робыти вси, яко мещане, такъ бояре и люди ихъ.

Сторожа замковая. Волость и мещане Острские давали передъ тымъ старосте на сторожу замковую сторожовщины на годъ по 9 копъ грошей, а за тые пенези наймовалъ староста сторожовъ до замку двухъ, а теперешній староста, панъ Ратомскій, уводячи сторожовщизну у болшую сумму, взялъ у нихъ на той осени близко прошлое тридцать и две копе грошей.

Сторожа остроговая. Сторожа до воротъ остроговыхъ наймаютъ бояре, даютъ ему на годъ пол 5 копы грошей.

Подвода. Подводу водяную даютъ волощане.

Пашня замковая. Пахивали на замокъ у трехъ миляхъ на

поли у Столицы, а тыхъ часовъ пашня тамъ оиущона за неспокоемъ отъ татаръ.

Боръ. Дерево на замокъ и на всякое будоване можетъ быти з бору, за милю отъ замку в Литовскую сторону.

Доходъ старостины: корчма. Корчмы зыскъ идетъ на старосту, але не завжды, потому жъ дано за нее одного году 180 копъ грошей старосте, пану Петру Корсаку, а первей у князя Дубровицкаго закуповано ее по 80 копъ грошей, а сего году за 170 копъ грошей продано шинкъ меду, пива и горелки.

Обестка. Торговцы, тубыльцы и гости даютъ старосте обестки отъ головы, або отъ воза по грошу, отъ комягъ отъ человека по грошу.

Корованъ. Отъ корована старосте поклонъ товаромъ, лета близко прошлое шелъ з Москвы до турокъ корованъ, дали старосте Петру Корсаку товару за 10 копъ грошей, а онъ чтилъ ихъ и стацею имъ давалъ. Подстаростему съ ковану отъ человека по грошу.

Кони з дыковъ, и шляхтовые. Отъ коня з дыковъ выбитого 30 грошей тому, хто выбьетъ, отъ того чый конь; а шляхтовый конь тому хто найдетъ.

Куницы. Вмирское куницы бывало отъ дѣвки, коли за тутошнего идетъ, 6 грошей, а коли за чужого 12 грошей; а теперешний староста беретъ по 20 грошей; отъ вдовы, которая статкомъ будь за тутошнего або за чужого родца идетъ, 30 грошей.

Повижное и децкованое. Повижного а децкованого бирано по грошу, а теперешнiй староста беретъ по 12 грошей.

Ловы. Повинни бояре, мещане и волощане ѣздити у годъ разъ, первою порошею съ старостою, або съ служебниками его у ловы на поле за Трубежомъ у Слуковъ заездъ, у Минкову луку, у Яселикъ, 7 миль отъ Остра; и ходятъ тамъ три дни.

Порощизна. Коли серень, тогды тежъ повинни ходить старосте на звѣрь день одинъ нартахъ (sic). Кгды нейдутъ у ловы, откупаючися отъ того, даютъ старосте порощизны 3 копы грошей, складуючи вси.

Езы. Зъ езовъ на Десне на замокъ: осетеръ десятый, белуга каждая, а бела рыба вся тому, хто городитъ езъ.

Озера уступные. У Чернине озера з Днепра с тони две; у Крехаеве озеро з Десны тоня 1; у Ялмунце озеро з Десны, тони 2;

озера тые повинни волочити волощане на старосту по одному разу въ годъ.

Озеро местское. Местское озеро з Десны, тоня одна, волочать на старосту мещане.

Мещане, которые въ Острозѣ сидятъ: Сидоръ Макаровичъ, Попъ Ивановский, Оксинья, Тимошъ Крехаевскiй, Терешко, Васько Воротный, Пилипъ Крехаевский, Хоцько Рубеньковичъ, Санько Яхимовичъ, Санько Родковое, Гринъ Туровецъ, Ермакъ Летковский, Войтъ Антонъ, Исакъ Буденковский, Опанасъ Москаль, Панкратъ Свиповзова, Станиславъ пушкаръ, Попъ Михайловский, Иванъ Кравецъ, Селивонъ, Гневошъ, Гринъ Слободенинъ, Семенъ Заикинъ, Сегаръ Судаковичъ, Онисей, Андрей Макаревичъ.

Мещане которые за острогомъ сидятъ: Иванъ Пастухъ, Ганчукъ Слобочинъ, Гришко Кошовичъ, Хведко Москаль, Гришко Ханкевичъ, Иванъ Чорбачь, Хведко Бобруснинъ, Данило Бурносовичь, Аврамъ Солтановичъ, Лукиянъ Протасовое, Иванъ Кушнеръ, Мойсей Запеко, Сивко, Олексей Суровешня, Гаврило Сватувенокъ, Ивантей Короликовъ, Стенанъ Гломазда, Ходоръ Кошкинъ, Василь Луста, Опанасъ Резовка, Михаилъ Дуботовкъ, Хведко Кушнеръ, Грицъ Цясникъ, Иванъ Рахманый, Рашукъ Слоборженикъ, Ханько Омельяновичь, Тумовая, Лапа Ермакъ, Матвей Ломиръ, Данило Побаса, Демько, Олексей Стрелецъ, Струцъ Слобощикъ.

Бояре которые въ Острозе сидятъ: Ермакъ, Иванъ Сипа, Островский сотникъ, Иванъ Дорохъ, Пилипъ, Михаилъ, Хоцко Онискевичъ, Кулакъ Гавриловичь, Мартинъ Драбъ, Богдашко, Шеметъ, Беликъ, Матвей Пролиза, Трухонъ, Данило Волошенинъ, Ходоръ Обыйма, Сенюкъ Потрохинъ, Стома Трубачъ, Гришковны Логвиновны, Богданъ Копоть, Максимъ, Орешко, Василь Летковскiй, Дымко Карповичь, Янъ Рошковский, Станиславъ Драбъ, Дворъ Сепчиковский, Иванъ Борздый. *А за острогомъ бояре:* Иванъ Чорноухъ. Земли боярскихъ пустых пять.

Села замковые. Село Выползовъ человѣкъ 7, даютъ на замокъ 2 коне 18 грошей, а сена 19 возовъ, въ селѣ томъ пустовщизна, Пилиповщизна, даютъ с нее на годъ по 12 грошей, а бобровые гоны тамъ на Десне. Село Ельминка человековъ 5, даютъ 105 грошей, сена возовъ полторанадцать. Село Крохаевъ, человековъ 5, даютъ полъ

4 копы грошей и полъ 3 гроша, сена стогъ, а два человека на воли сидятъ, а высидевши годъ, маютъ дати 45 грошей; бобровые гоны: сего году тамъ одного бобра убито, а иногды убиваютъ большъ, Село Боденковичи человековъ 5, даютъ две копе грошей, сена 14 возовъ; бобровые гоны: тамъ убиваютъ до 20 бобровъ. Село Жукинъ, человекъ было 11, алежъ пять ихъ сее зимы послѣ колядъ пошли прочь: приходить съ села того грошей полторы копы грошей, а меду кадь и нолшостанадцать ведерца, сена 40 возовъ. Село Чернино человековъ 5, даютъ 5 копъ грошей а 25 грошей и полгроша, сена воловъ 20 и полъ осма.

Данъ з мещанъ. Селивонъ з Могилева даетъ 20 грошей, два возы сена; Андрей Макаровичъ даетъ 30 грошей, полтретя воза сена; Ганица Жуковая 30 грошей, волтретя воза сена; Санько Санковичь копу грошей, сена 5 возовъ; Гринъ Чашкинъ копу грошей, сена 5 возовъ; Ломаръ 25 грошей, возъ сена; Сыровешня 10 грошей, возъ сена; Протасовая вдова 10 грошей, возъ сена; Мыло давалъ 15 грошей, а возъ сена; тотъ пошелъ прочь сее зимы. Кузейка на воли до двухъ годъ еще, а выседивши 10 грошей, возъ сена; Гришко Комокъ 30 грошей а полтретя воза сена, Сивко пол копы грошей, а полтретя воза сена; Лапа 30 грошей а полтретя воза сена; Федечко Приступъ 40 грошей, полчетверта воза сена; Степанъ Гломаза 20 грошей, полтора воза сена; Федко Бобрусникъ 20 грошей, а два возы сена сего году ночнетъ давать; Гаврило Амаль полъ осма гроша а 2 возы сена; Ходоръ Кошкинъ иолъ осма гроша а 2 возы сена; Бурносовичь полъ осма гроша а 2 возы сена; Аврамъ Солтановичъ полъ осма гроша а 2 возы сена; Резовка Опанасъ полъ осма гроша а 2 возы сена; Иванъ Гуронка полъ осма гроша а 2 возы сена; 3 Жоблунщины бывало 30 грошей полтретя воза сена, теперъ пусто, Сергий Судаковичъ 30 грошей а полтретя воза сена; Гаврило Рупасковичь копу грошей 5 возъ сена; Сенюкъ копу грошей; Онисекъ 10 грошей, а возъ сена; Еско Верденокъ 20 грошей, а 2 воза сена, тотъ пошелъ прочь зиме. Игнатъ Хурсовичъ тутошный, ходитъ землею у Козельцахъ, Мужи межи себѣ надали на церковь св. Николу на канунъ а на свѣчу; а старосте на замокъ даетъ тотъ человѣкъ полтора воза сена. Земля Пророковщизна въ пусте лежитъ, дани хоживало с нее 8 грошей, а два возы сена. Дань съ мещанъ, которые на куницахъ сидятъ: Ходоръ Мокинъ

полъ осма гроша даетъ; Данило Бурносовичъ полъ осма гроша даетъ; Ананасъ Резовка полъ осма гроша; Иванъ полъ осма гроша.

Литовская метрика. книга переписей, № *6*, *Л*.

ЛЮСТРАЦІЯ 1616 ГОДА.

STAROSTWO OSTRZSKIE.

Starostwa tego possessorem JMP. Michał Ratomski, do którego wsi ani folwarku nie masz żadnego, dla czego wielkiej by potrzeba łaski i baczenia JKMci i Rzeczypospolitej na to miejsce, które prawie jest jako wrotami, tak lądem jako i wodą, od Putywla i Czernichowa dwiema rzekami Semem i Dziesną, pod Ostrz i Kijów wpadającemi.

Miasto *Ostrz*. W tem mieście domów miejskich, z których dań idzie jest Nr. 184.

Czynsze rożnie dają. Owies i siano także rożnie wedle majętności. Bojarow w tem mieście Nr. 90, ktorzy procz służby wojennej także posług zamkowych, podatków nie oddają żadnych podymne wyjąwszy po gr. 2 z domu. Item prochowe czyni fl. 21 — 5, ale to z podymnem na strzelbę zamkową obracają.

Młynow 4, w ktorych wszystkich jest kamieni 12, ale te i z mytami i z karczmą pospołu do arendy, procz trzeciej miary młynarskiej należą, ktora czyni na rok fl. 600.

Kozaków jest Nr 40, którzy w domach wolnych miejskich osiedli gwałtownie. Powinnosci ani posłuszeństwa nie oddają żadnego.

Summa prowentu miasta tego fl. 699 — 24 — 9.

Bobowicza miasteczko do starostwa tego należąca, nowa osada.

Z czynszem, owsem, sianem i młynami trzema, w ktorych kamieni 5, ale się te na wychowanie i rozchód domowy defalkują, procz trzeciej miary młynarskiej.

Summa prowentu miasteczka tego fl. 88 — 20 — 9.

A z Ostrzem pospołu czyni fl. 788 — 5.

A wytraciwszy na urząd podstarościego, na muzykę zamkową, którą zawsze dla straży chowa, na prochy, ołowy i szpiegi, przez których być nie może, na odsyłanie i przesyłanie posłów moskiewskich fl. 388 gr. 5.

Zostaje fl. 400.

Przychodzi kwarty od tego fl, 80.

A przy tém zaraz przy odprawowaniu lustracyi starostwa tego, pokazali mieszczanie i bojarowie ostrzscy potwierdzenie listu tego, który mieli od króla IMP. naszego pod datą w Warszawie dnia 16 Augusta roku 1614 a P. staroscinego listu pod datą w Ostrzu die 12 Januarii roku 1611 na wolnosc tak łowienia ryb we wszystkiem okole gruntu ostrzskiego po dolinach i zakąciech i zatokach, włokiem, jako i na łowienie zwierza wszelakiego na pierwszych poroszach, na wolnosc brania pszczół naleznych w drzewiach niepopisanych. A ktoby na popisanych drzewiech znalazł, tedy ma na poły z tym, czyje drzewo na barci sobie dzielić i trawy w okolech tych kosic, tych zwłaszcza które prawom cudzym nie podlegały. Więc i na wolnosc darcia łyków jako szerzej w sobie ten to list P. staroscin i potwierdzenie JKMci obmawia, którego prawa iż są w używaniu, tedy się i teraz onym mocą JMci i Rzeczypospolitéj przez nas stwierdza. Pokazali też mandat albo radniej dekret króla JMci ś. pamięci Stefana między starostą ostrzskim a bojarami tegoż miasta uczyniony. gdzie król IMci onych od jazdy i dróg do imion P. staroscinych wolnych czyni i od posyłania z listy; wolność przedawania miodów swoich przasnych, komuby chcieli, przez hamowania i zabierania od arendarza, nadawając, kanony raz w rok czynic pozwalając, więc kaduków po smierci, a to po zabiciu w potrzebie, zabraniając, a pewne powinności, które powinni, na nich wkładając. I ten tedy dekret albo mandat, a zwiaszcza jesli dekretem posledniejszym jakim JKMci pana naszego miłosciwego, czego z tych pozwolonych tym mandatem albo pozwoleniem króla Stefana sw. pamięci odsądzeni nie są, zachowa się ich przy tem wszystkiem. A jeslizby czegokolwiek z tych pomienionych i w mandacie wyrazonych dobrodziejstw i wolności dekretem posledniejszym z kontrowersyi z strony

odsądzeni byli, tedy dekret JMci w swojej przystojnej pańskiej powadze i ważności zostawać się ma. Tych jednak, którychby odsądzeni nie byli dekretem, w zupełnej mocy zachowuje się im i onych wiecznemi czasy zażywać będą.

Wieś Jałmenki, stara i nowa osada, Kurhany i Beremenicko, oba pół rzeki Desny i Trubeża.

Tej wsi possessorem urodzony Pan Wacław Wielohorski stolnik kijowski. Czynszu pieniężnego nie dają, procz dwoch, od których się dostaje fl. 2 — 2½. Owies rożnie dają. Inszych podatków ni powinności żadnych nie oddają. Młynów dwa po jednym kamieniu, nie zawsze mielą, defalkują się na wychowanie, oprócz trzeciej miary młynarskiej, Myta wodnego i ziemnego dostaje się gr. 15.

Summ prowentu tej wsi fl 7 — 17 — 9.

Przychodzi od tego kwarty fl. 1 — 15 — 9.

Na tymże gruncie wsi przez teraźniejszego possessora jest osadzone od lat kilku miasteczko Jałmenki nazwane, w którem podymia jest 70. Lecz powinności nie oddają żadnych względem słobody, której im pozwolono do lat pewnych.

Wioska Bodzienki z uroczyskiem Prowalie, Nezarowe Borki, Wydryca, Ubozyc, Bliznow nad rzeką Deszną.

Tego possessorem urodzony Pan Zacharyasz Jałowicki sekretarz JKMci z małżonką swą Panią Zofią Leduchowską prawem dożywotnem.

W tej wsi pociągłych służb 5. Dawali miodu kadz jedną. Ta dla spustoszenia ukrainnego spustoszała. Kuniczników dwa dają fl. 2. Przewozu suchym i wodnym gościńcem dostaje się czasem fl. 2. Młynek jeden o jednem kole, który iż rzeka często zatapia i w mróz wysusza, i folwarku nie masz, przeto na wychowanie czeladzi defalkuje się, oprócz trzeciej miary młynarskiej.

Summa prowentu tej wsi fl. 4.

Przychodzi od tego kwarty gr. 24.

Wypełznow wieś nad Deszną. Tej wsi possessorem urodzony P. Floryan Olesko wojski włodzimirski, sekretarz i pisarz króla JMci z małżonką swą panią Agnieszką z Radziejowic. Robocizn żadnych nie odprawuje. Dają także dwie kadzi miodu Czynsz pieniężny i karczma.

Summa prowentu tej wsi fl. 31 — 20.

Przychodzi od tego kwarty fl. 6 — 10.

Ciż possessorowie opowiadali się z prawem swojem na wieś Kosary i z należnościami jéj od krola JMci, którą im ostrzscy mieszczanie odjęli, czego przed nami uczynili protestacyą.

Wsi *Letkowce dwie* alias *Kolence.* W tych wsiach, przyjechawszy do nich, od poddanych de certo possessore wywiedzieć nie mogliśmy się, a poddani powiadali, że zdawna do starostwa ostrzskiego te wsi należały i tam czynsze i powinności oddawali. Także i bojarowie, których jest koni 14 do Ostrza sługowali. Ale za jakimść przewodem prawa, jeśli na Panu staroście czyli też na kim inszym, JMP. sędzia kijowski niedawno z urzędem grodzkim najechawszy to objął był, a pierwej jeszcze przedtem rok to mimał wwiązał się był w to JMP. Zacharyasz Jałowicki sekretarz krola JMci z małżonką swą mieniąc się mieć jakieś na to prawo. Z lustrowaliśmy to tedy, w których się ukazują pożytki takie.

W Letkowcach większych, dają czynsz, owies, siano; kunieczników jest 12, z których dwa dają po gr. 15, trzeci gr. 10 a ostatek po gr. 7½; bojarów koni 14, których powinność konno i z orężem przy dzierżawcy swym służyć i inne powinności bojarskie tak jako i insi bojarowie w starostwie ostrzskiem odprawować.

W Letkowcach mniejszych alias Kolencach dają czynsz, owies i siano. Co wszystko czyni fl. 3 — 27½.

Summa prowentu tych wsi fl. 14 — 20.

Wieś *Krochajów.* Téj wsi possessorem urodzony Pan Mikołaj Plichta. W téj robót nie odprawują i czynszu nie dają. Miodu wieś wszystka daje na rok kadzi półtrzecia, każda kadź po fl. 10. Owies i siano.

Summa prowentu tej wsi fl. 30.

Przychodzi kwarty od tego fl. 6.

Ostrow i Bor i Uroczyszcze Łukarzewskie.

Na to opowiadali się mieć prawo Bulikowie, bojarowie ostrzscy, z czego służbę wojenną służą i insze wszystkie powinności bojarskie do zamku ostrzskiego oddają, którego to prawa nie pokazali, dla tego, iż jako powiadają dali je P. staroście

ostrzskiemu dla dowodów do sprawy, którą ma z mieszczany za dworem.

Dorohinki uroczyszcze nad rzeką Ostrzem.

Tu uroczyszcze Zwierzbowic starosta ostrzski dał był niejakiemu Siemienowi Sienczynowi bojarzynowi ostrzskiemu, po którego smierci pod potomstwem jego dał był starosta ostrzski Jakóbowi Szkodzie, co potem Król JMć konfirmował, a potem gdy dorósł potomek przerzeczonego Sienczylenko rozpierał się z tym to Szkodą o tę ojczyznę swoję, z któréj służbę odprawował, i przedał jéj połowicę Janowi Łochojskiemu trębaczowi; który potem z tym to Szkodą kontraktował, że ustąpił i onego prawa swego i possessyi, wyjąwszy za to pewną nagrodę od króla JMci, ten to Sienczylenko.

ЛЮСТРАЦІЯ 1622 ГОДА.

Capitaneatus Ostrensis.

Miasto Ostrsk — fl. 251 — 26 — 10.

Arenda — fl. 1300.

Bojarowie. Tych jest w liczbie czterdziesci i cztery ci na grunty swoje praw żadnych przed nami nie ukazali, przyczynę tę dając, jakoby im P. starosta ostrski one pobrał, i wrócić im nie chce. Powinnosć ich służbę wojenną przy P. staroscie ostrskim odprawowac, z listy za mil dwanascie jeździć, straż także koleją powinni odprawić. Podymnego dają po gr. 3 litewskich. Razem fl. 3 — 20.

Bobrownica do starostwa ostrskiego należy.

Miasteczko *Bobrownica* fl. 142 — 9.

Arenda fl. 400.

Summa prowentów fl. 2097 — 17 — 1.

A iż w tym kraju dostatek ryb i zwierza, zkąd może mieć Pan podstarosci snadne wychowanie, przeto naznaczamy onemu jurgieltu fl. 97 — 17 — 1.

Zostaje summy fl. 2000.
Z której przychodzi kwarty fl. 400.
Wieś *Wypołzow* nad Desną uczyni fl. 46 — 18 — 10.
Przychodzi od tego kwarty fl. 9 — 9 — 16½.
Jalmenka stara i nowa, miasteczka fl. 145.
Wieś *Bodzienki* fl. 142 – 15.
Summa z tej dzierżawy prowentu fl. 287 — 15.
Wytrąciwszy na urzędnika fl. 40.
Restat summa fl. 247 — 15.
Przychodzi od tego kwarty fl. 49 — 15.
Wieś *Krochajów* uczyni prowentu 120 — 18.
Wytrąciwszy na urzędnika fl. 18 — 20.
Restat summa fl. 100.
Z tej przychodzi kwarty fl. 20.
Wsi i uroczyska rożne:

Letkowic dwoje alias Kolenie, *Rozny* nad rzeka Desna *Żdymirka* słoboda, *Roznow* horodyszcze, słobodka, *Świetylnow* horodyszcze, *Ruda*, słoboda, uroczyska: *Krechow*, *Berdow*, *Nosowka*, *Ostrow Zabobrycki*.

Te wsi trzyma teraz JMP. Jan Aksak sędzia kijowski, którego imieniem P. Stefan Aksak, syn jego, resistencyą uczynił, i lustracyi broniąc, poddanych nam nie stawił, pretendując haereditatem ojca swego: o które dobra litem sunt contestati z P. Jełowickim sekr. KJMci i litispendencya między nimi zaszła; o czem ukazował arest przed nami P. Aksak. P. Jełowicki też prawo swe dożywotne na te dobra przed nami produkował, także i dekret którym KJMć Pana starostę ostrskiego tych dóbr odsądzać a P. Jełowickiemu przysądzać raczy i reintromissyą nakazuje. My jednak pytaliśmy się komu by te dobra zdawna należały, i mamy tę wiadomość od bojar ostrskich i ludzi inszych wiary godnych, że te wsi do Ostrza zdawna należały, niektórzy poddani jeszcze pamiętają, że powinności swe do zamku oddawali, potem od starosty snadz za konniwencyą starościna odeszły. A iż ad praesens nie są w possessyi dzierżawcy od króla IMci podanego, i jakie mają być bona liquida juris regii, o których konstytucya anni 1601 obmawia, tedy od lustracyi supersedujemy et ad forum campetens pro cognitione jurium et

decisione causae odsyłamy. To jednak warujemy, jeśli te dobra P. Jełowickiemu jako królewskie przysądzone będą, aby z nich płacił kwartę po fl. 50, bo intrata roczna z tych wsi na fl. 300 z relacyi wielu ludzi i samego P. Jełowickiego et ex re oculis subjecta, sądzimy: a to płacić pocznie a determinatione causae, aż do przyszłej lustracyi. Jesliby też albo przez smierć P. Jałowickiego, albo kontraktem ta sprawa indecisa została, tedy to skarb będzie miał na pamięci instygatora upomnieć, żeby onę kontynuował et bona regalia de manibus incerti juris possessoris windykował.

Wieś *Rozny* nad rzeką Desną uczyni prowentów fl. 172 — 25., z której wytrąciwszy jurgieltu urzędnikowi fl. 22.

Zostaje summa fl. 150—25.

Z tej przychodzi kwarty fl. 30 — 5.

Люстрація Остерскаго староства. 1628. Ноября 9.

Sigismundus etc. Significamus etc. oblatas esse ad acta cancellariae nostrae majoris litteras infrasrciptas, supplicatumque nobis est, ut eas in acta cancellariae nostrae suscipi et inseri mandare dignaremus. Earum vero tenor talis: Rewizya starostwa Ostrskiego, roku 1628, miesiąca Novembra dnia dziewiątego w Ostrzu odprawowana. Działo się w zamku jego krolewskiey mosci Ostrskim, dnia 9 miesiąca Novembra, roku 1628. Przed nami, urodzonemi: Łukaszem Witowskim, podczaszym Kijowskim, na miejsce wielmożnego pana Mikołaja Wierzbowskiego, kasztellana Jnowłodzkiego z ramienia jego krolewskiey mosci zesłanym, Alexandrem Wielhorskim, wojskim Łuckim, Bartłomiejem Suchodolskim, pisarzem skarbu koronnego J. K. M., lustratorami i rewizorami, według constituciey seymu, w roku 1697 od jego krolewskiej mosci i rzeczypospolitej do wojewodstw: Kijowskiego, Bracławskiego i Podolskiego naznaczonemi, przy bytnosci urodzonego pana Bartłomieja Obałkowskiego, sekretarza J. K. M., za mandatem J. K. M. do tey sprawy zesłanego, który mandat słowo do słowa tak się w sobie ma: Zygmunt III, z Bożey łaski krol Polski, wielki xiąże Litewki,

Ruski, Pruski, Mazowiecki, Żmudski, Inflandski y Szwedski, Gotski, Wandalski dziedziczny król. Urodzonemu Bartłomiejowi Obałkowskiemu, sekretarzowi naszemu, wiernie nam miłemu, łaskę nasza królewską. Urodzony, wiernie nam miły! Za goracą instancyą obywatelów województwa Kijowskiego, wydana jest z kancellariey naszey revisia na porządne sporządzenie prowentów y opatrzenie zamku Ostrskiego, jako pogranicznego. Przeto chcemy mieć po wierności twojej, abyś, rowno z inszemi rewizorami, tam do Ostrza zjechali y tę rewisyą, koło sporządzenia prowentow y porządnego opatrzenia zamku, rowno z inszemi, odprawował, tego przestrzegając, aby się tą rewisią w prowentach stołu naszego jaka uyma nie działa. Co uczynisz wierność twoja z powinności swey y dla łaski naszey. Dan w Warszawie, dnia 4. miesiaca Septembra, roku pańskiego MDCXXVIII panowania królestw naszych: Polskiego XL a Szwedskiego XXXIV roku. Sigismundus Rex. Lucas Zdrojewski. My tedy, wyżej mianowani lustratorowie, zjechawszy się do Ostrza, przy spisowaniu y lustraciey dóbr prowentów rzeczypospolitey starostwa Ostrskiego, mając tę powinność na się włożoną, wezwaliśmy przed się urodzonego pana Eremiana z Otoka Zaleskiego, starostę Ostrskiego, y namiestników jego, jako szlachtę dobra bojarskie w tym starostwie trzymających, więc i inszych bojar, mieszczan y poddanych, do starostwa Ostrskiego należących, przy których najprzód kazaliśmy przeczytać y publikować commissią I. K. M., nam do Ostrza daną, która słowo do słowa, tak się w sobie ma: Zygmunt III, z Bożey łaski król Polski etc. Urodzonym lustratorom, z seymu Warszawskiego w roku 1627 na odprawowanie lustratiey do województw: Kijowskiego, Podolskiego y Bracławskiego od nas y rzeczypospolitey naznaczonym, wiernie nam miłym, łaskę naszą krolewską. Urodzeni wiernie nam mili! Jako wiele rzeczypospolitej i obywatelom województwa Kijowskiego pod czas niebezpieczeństwa od Moskwy na ostatecznym opatrzeniu municiej zamku naszego Ostrza należały, na wielu przeszłych sejmach przez posły województwa Kijowskiego wszystkiey rzeczypospolitey przekładano było, W czym, gdy urodzony Eremian z Otoka Zaleski, Ostrski, Warecki starosta, od nas, względem tego napominany był, dał

nam tę sprawę o sobie: iż co municiey tey doskonale opatrować nie może, częścią dla szczupłych dochodów starostwa tego, poniewaz od niego wiele wsi y miasteczek, za niedbalstwem albo conniventią przeszłych starostów, oderwano jest, częścią dla tego, iż ci, którzy powinni do obrony zamku tego, powinności swey wykonywać nie chcą. Iz tedy rzeczpospolita na blizko przyszłym seymie na wierności wasze to włożyła, abyście dobra nasze i rzeczypospolitey rewizowali y z nich auctią, jako może bydź największą, do skarbu rzeczypospolitey przyczynili, przeto zlecamy wiernościom waszym, abyscie, pod tenże czas, gdy lustracyą albo rewizyą odprawowac dędziecie, położeniu y municiey zamku Ostrzskiego pilno się przypatrzyli, wsi, miasteczka y uroczyska, ktore do tego zamku zdawna należały porządnie opisali, w daniny, które od przeszłych starostów bojarom y poddanym starostwa tego uczynione są, pilno weyrzeli, y stateczną decisią y porządek o powinnościach ich, jakie którzy poddani oddawać będą, uczynili; a zatym, aby y starosta miejsca tego, przystojne swe opatrzenie mając, powinności swey dosyć czynił y skarb rzeczypospolitey w pożytkach swych większą auctią ponosił; w czym sumnienia wierności waszych obowiazane miec chcemy, całą jednak zostawując w stanowieniu tych powinności przez nas decisią. Jnaczey tedy wierności wasze nie uczynią z powinności y tego obowiązku swego, na seymie blizko przeszłym walnym Warszawskim na się włożonego, także y dla łaski naszey. Dan w Warszawiae, dnia XVII miesiaca Kwietnia, roku Pańskiego MDCXXVIII, panowania naszego Polskiego XL, a Szwedzkiego XXXV roku. Sigismundus Rex. Petrus Kozmieński, secretarius Sacrae Regiae Majestatis.

Potym przeczytany jest mandat J. K. M. do bojar, mieszczan y innych wszystkich poddanych, do starostwa y zamku Ostrzskiego należących; który to mandat od słowa do słowa taki jest: Zygmunt III, z łaski Bożey król Polski wielki xiaże Litewski, Ruski etc. Wszem wobec bojarom, mieszczanom y poddanym, do starostwa y zamku Ostrskiego należącym, oznaymujemy, iz jako wiele rzeczypospolitey y obywatelom województwa Kijowskiego pod czas niebezpieczeństwa od Moskwy

nam tę sprawę o sobie: iz co municiey tey doskonale opatrowac nie może, częścią dla szczupłych dochodów starostwa tego, ponieważ od niego wiele wsi y miasteczek, za niedbalstwem albo conniventia przeszłych starostów, oderwano jest, częścią dla tego, iż ci, którzy powinni do obrony zamku tego, powinnosci swey wykonywać nie chca. Iz tedy rzeczpospolita na blizko przyszłym seymie na wiernosci wasze to włożyła, abyście dobra nasze i rzeczypospolitey rewizowali y z nich auctią, jako moze bydz największą, do skarbu rzeczypospolitey przyczynili, przeto zlecamy wiernosciom waszym, abyście, pod tenże czas, gdy lustracyą albo rewizyą odprawowac będziecie, położeniu y municiey zamku Ostrzskiego pilno się przypatrzyli, wsi, miasteczka y uroczyska, które do tego zamku zdawna należały porządnie opisali, w daniny, które od przeszłych starostów bojarom y poddanym starostwa tego uczynione są, pilno weyrzeli, y stateczną decisią y porzadek o powinnościach ich, jakie którzy poddani oddawac będą, uczynili; a zatym, aby y starosta miejsca tego, przystojne swe opatrzenie mając, powinnosci swey dosyć czynił y skarb rzeczypospolitey w pożytkach swych większą auctia ponosił; w czym sumnienia wiernosci waszych obowiązane miec chcemy, całą jednak zostawując w stanowieniu tych powinnosci przez nas decisią. Jnaczey tedy wiernosci wasze nie uczynią z powinnosci y tego obowiązku swego, na seymie blizko przeszłym walnym Warszawskim na się włozonego, także y dla łaski naszey. Dan w Warszawiae, dnia XVII miesiąca Kwietnia, roku Pańskiego MDCXXVIII, panowania naszego Polskiego XL, a Szwedzkiego XXXV roku. Sigismundus Rex. Petrus Kozmieński, secretarius Sacrae Regiae Majestatis.

Potym przeczytany jest mandat J. K. M. do bojar, mieszczan y innych wszystkich poddanych, do starostwa y zamku Ostrzskiego należących; który to mandat od słowa do słowa taki jest: Zygmunt III, z łaski Bożey król Polski wielki xiaże Litewski, Ruski etc. Wszem wobec bojarom, mieszczanom y poddanym, do starostwa y zamku Ostrskiego należącym, oznaymujemy, iż jako wiele rzeczypospolitey y obywatelom województwa Kijowskiego pod czas niebezpieczeństwa od Moskwy

na statecznym opatrzeniu municiey zamku naszego Ostrza należy, na wielu przeszłych sejmach przez posły województwa Kijowskiego wszystkiey rzeczypospolitey przekładano było. W czym gdy urodzony Eremian z Otoka Zaleski, Ostrski y Warecki nasz starosta, od nas względem tego napominany był, dał nam tę sprawę o sobie, iż on municiey tey doskonale opatrować nie może, częścią dla szczupłych dochodów starostwa tego, ponieważ od niego wiele wsi y miasteczek, za niedbalstwem albo conniwentią przeszłych starostow oderwano jest, częścią dla tego, iż ci, którzy powinni do obrony zamku tego, powinności swey wykonywać nie chcą. Iż tedy rzeczpospolita na blizko przeszłym seymie na lustratory nasze to włożyła, aby dobra nasze y rzeczypospolitey rewidowali i z nich auctią, jaka może bydź największa, do skarbu rzeczypospolitey przyczynili, przeto zlecilismy im, aby pod tenże czas, gdy rewizią odprawować będą, położeniu y municiey miejsca, zamku Ostrza, pilno się przypatrzeli, wsi, miasteczka y uroczyska, które do tego zamku zdawna należały, porządnie spisali, w daniny, które od przeszłych starostów bojarom y poddanym tego starostwa uczynione są, pilnie wejrzeli, y stateczną decyzią y porządek o powinnościach ich, jakie którzy poddani oddawać będą, uczynili; a zatem, aby y starosta miejsca tego, przystojne swe opatrzenie mając, powinności swey dosyć czynił y skarb rzeczypospolitey w pożytkach swych większą auctią ponosił. Przeto rozkazujemy wiernosciom waszym, abyście za obwieszczeniem listownem pomienionych rewizorów naszych, przed niemi się stawieli y postanowieniom ich we wszystkiem dosyć czynili, o czem wszystkiem całą decisią stronom obiema, tak staroście jako y poddanym, przed nas zachowujemy, Co uczynicie z powinnosci swey, dla łaski naszey. Dan w Warszawie, dnia XVII miesiąca Kwietnia, roku pańskiego MDCXXVIII, panowania naszego Polskiego XL, Szwedzkiego XXXV roku. Sigismundus rex — Petrus Kozmiński, secretarius Sacrae Regiae Majestatis. Po przeczytaniu tedy tak commissej, jako i mandatu y po publikaciey tey jurisdictiey naszey, wzieliśmy przed się pierwszy punkt commissyey I. K. M., to jest, abyśmy się położeniu y munitiey miejsca zamku Ostrskiego pilnie przypatrzeli y porządnie spisali.

Pierwszy punct. O położeniu y munitiey zamku. Z dekretu św. pamięci krola Kazimierza między Kniechinią Siemienowiczowną Maryą Trabską o Nosow y inne dobra, do zamku Ostrskiego należące, a kniaziem Wasilem y Andrzeyem Siemienowiczami Zwiahelskiemi uczynionego, ktory dekret z kancellariey jego krolewskiey mości, wielkiego xięstwa Litewskiego, za pieczęcią przed nami authentice był produkowany, jaśnie się pokazuje, iż te dobra prawem dziedzicznym chodziły, aż dopiero po zejściu bezpotomnym tey kniehini, Maryi Trabskiey, te dobra do rąk jego krolewskiey mości przyszly. Tak nam tedy ludzie starzy dali sprawę, że zamek Ostrski był przedtym powyż nad rzeka Ostrzem we trzech milach od tego miejsca, gdzie teraz jest, jakoż pokazowali nam Horodyszcze bardzo wysokie, na którym powiadali, że tu był zamek Ostrski, który kiedy Tatarowie zburzyli, przeniesiony jest potem za Gasztulta na górę, która jest w widłach, z jedney, strony rzeka Ostrz wpada w rzekę Desnę, a w druga, rzeka Desna, na którym to miejscu tenże Gasztolt cerkiew murowaną zbudował, która y do tego czasu stoi, Gdy jednak Moskwa, za panowania św. pamięci króla Augusta, poczęła do ziemi Kijowskiey wpadać, a rzeką Desną sie przekradając, za odległością od zamku rzeki Desny żadnego wstrętu nie brali, kazał św. pamieci król August na tym miejscu, gdzie teraz jest, zamek budować, stary porzuciwszy, jako się to z rewiziey z sejmu Warszawskiego przez wielmożnego y urodzonego Jerzego Jazłowieckiego z Buczacza, wojewodę Ruskiego i hetmana koronnego, Mikołaja Brzeskiego z Brzezec, chorążego dworu króla jego mości, w roku 1571 odprawowaney jaśnie pokazuje. Na tymże zamku, jako taż rewizya anni 1571 opiewa, chowała rzeczpospolita drabów 150, dla obrony przechodu Moskwie; byli y bojarowie postanowieni na służbie wojenney do zamku, jako rewizya anni 1550 opiewa.

Położenie tedy zamku Ostrskiego takie jest: naprzód zamek ten na północy ma rzekę Desnę, bardzo głęboką, szeroką y bystrą, na wschód słońca jest jezioro, które z rzeki Desny wypada, na południe jest rzeczka Popówka, która z tego jeziora wychodzi y jest głęboka, brudu na niey nie masz, tylko jeden przeciwko narożney baszcie nad samym jeziorem, z którego

wychodzi ta rzeczka Popowka; idzie środkiem miasta y wpada zaraz na miastem w Desnę. Zamek ma około siebie częstokoł sowity; baszt pięc dobrych, drewnianych; tego zamku circumferentia była in quadrangulum, każdey strony sążeń 80; jednak rzeka Desna od lat kilku, za nieboszczyka pana Michała Ratomskiego, starosty przeszłego, urwała narożnią basztę, między rzeką Desną a jeziorem będącą, y ściany, ktora nad Desną leży na sążeń 20, zniosła, tak, że y ostatek zamku dla wody ledwo stoi. Zaczym teraźniejszy pan starosta, tę szkodę rzeczypospolitey upatrując, na starym horodyszczu, przy murowaney cerkwi począł miasto sadowic, mając wolą ono fortyfikować, jakoby z tamtey strony, od Moskwy, wojewodstwu Kijowskiemu bezpieczeństwo byc mogło, by tylko rzeczpospolita do tego pomocy dac chciała. Jest na tym zamku dział spizowych trzy, hakownic 42. Szlachty, ktorzy gruntow zamkowych pod jurisdictią zamkową zażywają 20. Bojarow putnych 35. Mieszczan 236. Jako o tym inwentarz anni 1626 szerzey pisze.

Drugi punct commissyey. Ktore miasteczka wsi i uroczyska do zamku zdawna należały. Pokazuje się y z depositiey ludzi starych, y z rewizyi dawnych, mianowicie rewizyi anni 1550, iż do miasta tego należały wsi: Bodenkowice, Krochaiów, Letkowice, Kolence, Jałmynka, Wypołzow, Zukinie, Czernino, Rożny; ostatek pustynią było, jednak z tych wsi żadney pan starosta do zamku Ostrskiego nie trzyma, bo Bodenki, Wypołzow, Jałmynke, Letkowice oboje pan Jałowicki, stolnik Kijowski, trzyma za prawem dożywotnem od jego krolewskiey mosci; Krochaiów pan Akcak, sędzia ziemski Kijowski prawem dożywotnem od jego krolewskiej mosci trzyma; Żukinie panowie Żukińscy trzymają prawo ziemskie do nich pretendując; Czernino jego mosc pan Skumin, wojowoda Nowogrodzki, prawem wiecznym sobie przywłaszcza. Do zamku zaś Ostrskiego pan starosta teraźniejszy te nowe osady trzyma: naprzod zamek i miasto Ostrz, Omolianów futor, także i miasteczko Bobrowice, która osiadła roku 1600, jako dekret J. K. M. anni 1604, w sobie opiewa; słobody zaś: Kozar nad rzeką Ostrem, Rżawiec, Zawosycze nad Trubiesem, miasteczka także sioła: Jarosławkę, Sumpołki, Mokrec, Kalete, Suchinia, Domanów Hadenowszczyznę,

między rzeką Desną a rzeczką Smolanką, nad jeziorami, Przyhał y Żydowka nazwanemi, leżącą. Dali też nam sprawę starsi poddani y bojarowie, iż Swietilnow y Ruda, która świeżo przed lat kilką na gruncie Ostrskim zasiadła, zdawna do starostwa Ostrskiego należy, co się werifikuje naprzód dekretem zwyż pomienionym swiętey pamięci króla Kazimierza, a potym inwentarzem authentycznym anni 1594; o który to Swiętylnow y Rudę, litispendentia na sejmie, między panem Zacharyaszem Jałowickim, stolnikiem Kijowskim, a panem Aksakiem, sędzią ziemskim Kijowskim zawisła, jako się to z dekretu jego krolewskiey mości seymowego, w roku 1625 uczynionego, pokazuje.

Co się tknie Roznów y Zdymirki, y o tychesmy z ludzi starych wiadomość wzięli, że zdawna do zamku Ostrskiego należały, jako się to verifikuje dekretem sw. pamięci krola Kazimierza y rewisią anni 1550; o które Rożny także y Zdymirkę litispendentia na seymie, jako y na Swietylnów, co się werifikuje dekretem seymowym roku 1625.

Co się tknie zas inszych uroczysk y horodyszcz, które sa po lasach y dombrowach, y błotach na gruncie starostwa tego, tych jest bardzo wiele, które pewnych swych nazwisk nie mają, których i my trudno opisać mamy, jednak, abysmy w tym woli i roskazaniu jego królewskiey mości dosyć uczynili, opisanie granic starostwa tego, jako zdawna w sobie było, z wielką pilnością wzielismy przed się; i najprzód wzielismy od tego miejsca, gdzie się ściana wsi Lutawy, dziedziczney pana Teodora Proskury Szuszczańskiego, pisarza ziemskiego kijowskiego, i pana Jerzego Jasinskiego z gruntem wsi Koropia jego mości xiędza biskupa Kijowskiego y kapituły jego schodzi u rzeki Desny, przytykając do ściany starostwa Ostrskiego. Że tedy wieś Lutowa z gruntami swemi, po tey stronie rzeki Desny, na której stronie siedzi, ustawa, co sam dziedzic, pan Jerzy Jasiński, przed nami oczewisto przyznał, tedy poddani starostwa Ostrskiego pokazowali granicę swą rzeką Desną, aż do tego miejsca, gdzie jezioro Żydowo albo Żydowka z rzeki Desny wychodzi, a w nie rzeczka Smolanka wpada, która jest granicą między xięstwem Czerniechowskim, a starostwem Ostrskim, którą to possessyą y granicę starostwa Ostrskiego wywodząc, produ-

dukowali najprzód bojarowie Ostrscy list pana Ławryna Zajączkowskiego, rewizora J. K. M., za pieczęcią i podpisem jego de data w Ostrzu, die 21 Novembris, 1560, którym listem dawa grunt pewny, Łukarzewski nazwany, Birlikom, bojarom Ostrskim, a ten grunt za rzeka Desna leży, na ktory grunt approbacyą J. K. M., de data w Wilnie, die 29 Januarii, anno 1602, pokazali. Pokazali do tego danine od pana Ławryna Ratomskiego, starosty Ostrskiego, na Olbien, Wojciechowi Hrehorowiczowi daną, który Olbien siedzi nad rzeka Desna, wedle tego gruntu Łukarzewskiego. Pokazali daninę Wojciecha Baranowskiego od pana Ławryna Ratomskiego, starosty Ostrkiego, na Machnicę, de data 5 Februarii, 1587, która także nad Desną wedle Olbien leży. Pokazali i list pana Michała Ratomskiego, starosty Ostrskiego, którym dawa dwie jeziora nad rzeką Desną, wedle gruntu Machnicy leżące, Jaroszowi Bronowickiemu, pod datą die 30 Martii, 1612. Pokazali y danine pana Michała Ratomskiego, starosty Ostrskiego, Jerzemu Orłowskiemu y Jurkowi Bielikowi na Hadenowszczyznę, ktora leży wedle gruntu Machnicy, między rzeką Desna, a rzeczką Smolanka, pod datą dnia 30 Marca 1612. Pokazali y inwentarz autentyczny ze skarbu jego krolewskiey mości, pod datą anni 1626, w którym dworzanie J. K. M. Hadenowszczyznę podawając w possessyą teraźniejszemu panu staroście Ostrskiemu, według przywileju tego, de data die 12 Aprilis, 1626. Pokazali przytym autentyczną rewizya anni 1550 z skarbu jego królewskiey mości natenczas spisaną, gdy jeszcze Ostrz do W. X. Litewskiego należał, w którey wyraźnie pisze, iż rzeczka Smolanka jest granicą między starostwem Ostrskim a xięstwem Czernichowskim. Pokazali na ostatek przywilej z metryki J. K. M. wyjęty na Morawisk xiędzu biskupowi Kijowskiemu y kapitule jego od J. K. M. pod datą w Warszawie, dnia 13 Novembra 1611, służący, w którym piszą, iż Morawisk na gruncie Koropskim in anno 1594 przez Moskwę zasadzony; że tedy Korop po tey stronie rzeki Desny siedzi, gdzie i Morawisk, a nie po tej gdzie Ostrz y Hadenowszczyzna, tedy też Korop gruntami swemi rzeki Desny na stronę Ostrską przechodzić nie ma, jako y Morawisk, gdyż y za Moskwy, kiedy Morawisk trzymała, na te stronę Desny ku Hadenowszczyznie aż do Smolanki nie przechadzono.

Wywiodszy tedy to, że, począwszy od Luławy, granice stare Ostrskie idą rzeką Desną aż do rzeki Smolanki, wywodzili i to, iż granica Ostrska idzie rzeczką Smolanką aż do rzeki Ostrza i rzeką Ostrzem wniz aż do ujścia rzeczki Dziewice w rzekę Ostrz y potem rzeczką Dziewicą aż do wierzchowiny tey rzeczki powyz Mohiły Łusty, a od wierzchowiny rzeczki Dziewice, do którey dolną dombrową rogiem przyciągnęła, aż do Iwanickiego rogu, przy ktorym jest Płoski kurhan. Wywodzili tedy possessyą z traktatu tego roznemi dispositiami gruntów w tym trakcie, do rzeczki Smolanki przytykające; y naprzód pokazali przywilej J. K. M. Jermole Chodkiewiczu na Kozar, de data w Krakowie dnia 26 miesiąca Junii, w roku 1595 dany. Pokazali konsens J. K. M. na ustępienie Kozaru przez pana starostę Ostrskiego, na osobę pana Ławryna Piasoczyńskiego, pod data w Warszawie, dnia 19 miesiąca Marca roku 1603 dany. Produkowali przywilej J. K. M. Floryanowi Oleszkowi, de data w Warszawie, dnia 19 miesiąca Marca, roku 1611 na Kozar dany. Pokazali y dekret J. K. M. na relaciach między panem Oleszkiem a Ostrzany o ten Kozar de actu die 14 Martii 1614, w których obudwu przywilejach y dekretach te circumferentia gruntów do Kozaru opisuja, która rzeczki Smolanki dotyka. Pokazali przywilej J. K. M. Chomie Kurcewiczowi na grunt Ukoł nazwany, de data w Warszawie, dnia 9 miesiąca Lipca, 1597 dany, na ktorym gruncie teraz Kobysdz osadzona, w ktorym to przywileju także circumferentia gruntów, ktore rzeczki Smolanki dochodzą, opisana. Pokazali i rewizyą anni 1550, z którey się jasnie pokazuje, iż Kozar, który leży nad rzeką Ostrzem, do Ostrza trzymano. Pokazali y różne daniny od przeszłych storostów Ostrskich bojarom y poddanym Ostrskim na grunty, ktore także nad samą Smolanką siedzą. Naprzod pokazali danine na Heklin bojarom Ostrskim, Horbodzie y Deszkowiczowi daną; pokazali i daninę na Mryn, bojarom Ostrskim, Siemionu i Jwann Hyrom daną. Pokazali potym dekret J. K. M., de data 14 Martii, 1614, między panem Oleszkiem a bojary y mieszczany Ostrskiemi i Nosowkę. Pokazali y daniny przeszłych starostow Ostrskich na grunty około Hosowki, różnym bojarom Ostrskim: Pierwszą od Michała Ratom-

tomskiego, starosty Ostrskiego Pawłowi Sieredzie, bojarzynowi Ostrzskiemu, pod data 13 Junii, 1594; drugą Piotrowi Szecnikowicu, dnia 30 Decembris, 1594; trzecią Siemionu Seredzie, 18 Marca, 1595; czwartą Jurku Bieliku, 12 Junii, 1596. Pokazali y dekret z kancellaryi W. X. Lites. św. pamięci krola Kazimierza, którym Hosow do Ostrza przysądza. Co y commissarze. z sejmu, na porządne spisanie dobr xięstwa Siewierskiego zesłani, w attestatiey swey, de data w Morawisku, dnia 15 miesiąca Kwietnia, roku 1620, przyznali. Pokazali potem list Ławryna Ratomskiego, starosty Ostrskiego, pod datą w Ostrzu, dnia 4 Marca 1550, którym listem dawa Dziewicę Romanowi Tołkaczowi. Na ostatek produkowali inwentarz anni 1594, w którym między powinnościami bojar Ostrskich opisuje, iż mają straż przejeżdżać na granicy u Płoskiego kurhana, wierzch Dziewice. Wywiodszy tedy ściany tey granice, począwszy od rzeczki Smolanki, rzeki Ostrza, rzeczki Dziewice, aż do Płoskiego kurhana prowadzili dalszą granicę od Płoskiego kurhana, aż do rzeki Desny, to jest, począwszy od Płoskiego kurhana y Jwanickiego rogu, prowadzili Jwanicką dąbrowa do uścia rzeki Zwidowca, w rzeczkę Supoy, rzeką Supojem w gorę aż do Wołotowey mohiły, która leży na wierzchowinie, rzeki Supoja, na stronie brzegu starostwa Ostrskiego; a od Wołotawey mohiły aż do rzeczki Hiedry, gdzie Łysa Dolina do rzeczki Hiedry przychodzi, a od tego miejsca, gdzie Łysa Dolina w rzeczkę Hiedrę wpada, do wierzchowiny rzeczki Basanki, od wierzchowiny rzeczki Basanki na niz rzeczką Basanką aż w rzeczkę Smierdziowkę, rzeczką Smierdziowką na niz, aż w rzeczkę Trubies, rzeczką Trubiesem na niz, aż do uścia rzeczki Płoskiey Rudy w Trubies, rzeczką Płoską Rudą w górę idąc, aż do błota, Milotycze nazwanego, którego się to ta rzeczka Płoska Ruda z błota Miłotycze zaczęła, a z tamtąd wprost przez Dąmbrowę, aż do wielkiego błota, Izbrod nazwanego, w tym miejscu, gdzie szlak, albo gościniec, z Kijowa do wsi Rożnów idący, to błoto przechodzi, a od tego miejsca, tym błotem wielkim, w górę ku Horodyszczu, Rożny nazwanym, nad tym błotem leżącym, idąc aż do tego miejsca, gdzie się woda z tego wielkiego błota strumieniem do Spasowego jeziora ciągnie, a potym tym Spasowym

jeziorem w rzekę Desnę, które to Spasowe jezioro między Roznami a Puchową słobodą graniczy, którego wszystkiego traktu po tey stronie rzeki Desny, wzwyż opisanego, przy wyżey opisanych listownych y prawnych dokumentach, że własna to jest granica starostwa Ostrskiego y że byli w używaniu tych gruntów bojarowie, mieszczanie y poddani starostwa Ostrskiego, stawili osób sposrodka siebie dwudziestu czterech y prosili, abyśmy ich do oddania przysięgi na własnosc y używanie tych gruntów przypuscili. My jednak, rewizorowie, patrząc na tak jasne rewisye y inwentarze skarbu J. K. M., patrząc na stare disposycye y daniny starostów Ostrskich, patrząc y na dawne possessye bojar, mieszczan y poddanych starostwa Ostrskiego, od słuchania ich przysięgi supersedowaliśmy.

Na drugiey stronie rzeki Desny są: wies Żukiny, na które sobie panowie Żukinscy prawo dziedziczne przywłaszczają. Jest wies Bodenkowice y wies Wypołzów, wsi zdawna do starostwa Ostrskiego należące, które na ten czas od J. K. M. pan Jałowicki, stolnik Kijowski, prawem dożywotniem trzyma; te obiedwie wsi nad rzeką Desną wedle siebie siedzą, po jedneyże stronie rzeki, których wsi granice za niestawieniem się tych poddanych przed nami nie są opisane. To tedy stateczną wiadomosc o dawnych granicach starostwa Ostrskiego wziąwszy y one doskonale opisawszy, do trzeciego punktu kommissyey przystąpiliśmy.

Punkt trzeci. O daninach, od starostw Ostrskich poddanym starostwa tego poczynionych, decisią uczynic.

W tym punkcie wezwaliśmy naprzód ludzi służałych, którzy dobra w tym starostwie pod juryzdykcyą zamkową trzymają y pytaliśmy ich, jesli jakie prawa od jego krolewskiej mosci albo starostów przeszłych na te dobra mają? Z ktorych powiedzieli jedni, że praw żadnych nie mamy, ale to z łaski panow starostow trzymamy. Drudzy powiedzieli, żeśmy to u innych sąsiad pokupili y zatem prawem trzymamy, jako y drudzy sąsiedzi nasi w starostwie tym. Niektórzy tez prawa swe, ktore są w opisaniu granic wyrażone, pokładali. Przywołaliśmy potem i bojar, ktorzy pytani od nas o prawa swe, jedni powiedzieli: że to grunty nasze z przodkow swych trzymamy, na co

jeziorem w rzekę Desnę, ktore to Spasowe jezioro między Rożnami a Puchową słobodą graniczy, którego wszystkiego traktu po tey stronie rzeki Desny, wzwyż opisanego, przy wyżey opisanych listownych y prawnych dokumentach, że własna to jest granica starostwa Ostrskiego y że byli w używaniu tych gruntów bojarowie, mieszczanie y poddani starostwa Ostrskiego, stawili osob sposrodka siebie dwudziestu czterech y prosili, abyśmy ich do oddania przysięgi na własnosc y używanie tych gruntów przypuscili. My jednak, rewizorowie, patrząc na tak jasne rewisye y inwentarze skarbu J. K. M., patrząc na stare disposycye y daniny starostów Ostrskich, patrząc y na dawne possessye bojar, mieszczan y poddanych starostwa Ostrskiego, od słuchania ich przysięgi supersedowalismy.

Na drugiey stronie rzeki Desny są: wies Żukiny, na ktore sobie panowie Żukinscy prawo dziedziczne przywłaszczają. Jest wies Bodenkowice y wies Wypołzów, wsi zdawna do starostwa Ostrskiego należące, ktore na ten czas od J. K. M. pan Jałowicki, stolnik Kijowski, prawem dożywotniem trzyma; te obiedwie wsi nad rzeką Desną wedle siebie siedzą, po jedneyże stronie rzeki, których wsi granice za niestawieniem się tych poddanych przed nami nie są opisane. To tedy stateczną wiadomosc o dawnych granicach starostwa Ostrskiego wziąwszy y one doskonale opisawszy, do trzeciego punktu kommissyey przystapilismy.

Punkt trzeci. O daninach, od starostw Ostrskich poddanym starostwa tego poczynionych, decisią uczynic.

W tym punkcie wezwalismy naprzód ludzi służałych, którzy dobra w tym starostwie pod juryzdykcyą zamkową trzy mają y pytaliśmy ich, jesli jakie prawa od jego krolewskiej mosci albo starostów przeszłych na te dobra mają? Z ktorych powiedzieli jedni, że praw żadnych nie mamy, ale to z łaski panow starostow trzymamy. Drudzy powiedzieli, żeśmy to u innych sąsiad pokupili y zatem prawem trzymamy, jako y drudzy sąsiedzi nasi w starostwie tym. Niektórzy tez prawa swe, ktore są w opisaniu granic wyrażone, pokładali. Przywołalismy potem i bojar, ktorzy pytani od nas o prawa swe, jedni powiedzieli: że to grunty nasze z przodkow swych trzymamy, na co

też daniny pokazali, które są opisane w opisaniu granic. Drudzy powiedzieli: że za takim prawem trzymamy, za jakim ci siedzieli, cośmy od nich podostawali.

Przywołaliśmy potem y mieszczan, także i inszych poddanych, którzy listami tylko prywatnemi przeszłego y teraźniejszego pana starosty na wolność swą, jedni od lat 20, drudzy mniey, zaszczycali się; nie mogąc się tedy z nich więcey informować, do czwartego punktu kommissyey naszey przystąpilismy. Czwarty punkt: Stateczną decisią i porządek o popowinnościach, jakie którzy oddawać będą. O bezpieczeństwie zamkowym.

Naprzód wzieliśmy przed się dla doskonalszey w tym punkcie informaciey inwentarze y rewizye dawne y włożyliśmy to władzą J. K. M. y rzeczypospolitey na pana starostę, teraz y napotym będącego, aby tego zamku, gdy mu się trafi odjeżdżać, tak odjeżdżał — y takiego na miejscu swym namiestnika zostawiał, któreby miejsca tego przystojnie strzedz umiał, to jest, aby okopy, baszty, wały, częstokoły dobrze naprawne y opatrzone były, przestrzegając tego, aby to ci wszyscy naprawowali, na których to tak inwentarze dawne, a mianowicie anni 1594, jako i dekret J. K. M. anni 1627 włożył.

Do tego włożyliśmy i to na pana starostę, teraz y napotym będącego, aby podług ordynaciey panów lustratorów, prochu i kul do zamku co rok przysposabiał y armatę wszystkę porządną miał, jako miejsca tego potrzeba niesie. A dla lepszego porządku w mieście woyta i setnika ma zawsze pan starosta podług dekretu J. K. M., w roku 1604 uczynionego, podawać; na których, gdyby się kto z mieszczan y poddanych porwał słowy, ma winę kop dziesięc litewskich zapłacić. A jeśliby y ręką się porwał, na gardle ma bydź karany, Do tego postanawiamy horodniczego zamkowego, który we wszystkiem panu staroście albo namiestnikowi jego posłuszny bydź ma. A ten horodniczy o porządku strzelby zamkowey zawiadować ma, a do armaty jeden klucz ma być u horodniczego drugi u wojta. A iż prowizyey na horodniczego nie ma zdąd inąd ukazać, przeto wkładamy to na wszystkich, do przysądu zamku Ostrskiego przynależących, aby na prowizyą horodniczemu, dokąd lepszey

prowizyey mieć nie będzie, z dymu po puł osmaczki żyta na rok dawali, a którzy pasznie nie robią, tedy po 4 grosze polskich z dymu na rok dadzą. Do tego postanawiamy, aby puszkarzom na poprawę armaty y rewizyą ich składali co rok, każdy z dymu po pół osmaczki żyta, a który pasznie nie mają, po groszy cztery polskich.

Do tego postanawiamy, aby każdy, co pasie, co rok z pary wołów na przyczynienie armaty y prochów dawał po groszy polskich 4, a ci, co pasznie nie mają, po groszy polskich dwa.

Do tego, iż baczymy bydz potrzebną straż ustawiczną placową w zamku, dla tego postanawiamy ich dwu, dla ktorych prowizya ma bydź z każdey kleci, która kolwiek jest w zamku, po poł złotego na rok. Do tego postanawiamy popis, aby wszyscy, tak służali bojarowie, mieszczanie y poddani porządnie, na koniech dobrych, z orężem, do boju należącym, według powinności swych, każdy co kwartał przed starostą, albo podstarościm jego odprawowali, pod winą 10 kop groszy litewskich.

O powinnosciach ludzi służałych: Co się tknie powinności ludzi służałych, to opisane są w inwentarzu anni 1594; które takie są; iż przy panu staroście Ostrskim, albo przy podstarościm przeciwko każdemu nieprzyjacielowi J. K. M. na dobrych koniach y z dobrym orężem do boju należącym, jeździć, w zamku jego krolewskiej mości Ostrskim czasu niebezpieczności wszelkiey bydz y bronic go do gardł swych powinni; za nieprzyjacielem J. K. M., za roskazaniem pana staroscinym albo podstarosciego, gonić; pana starostę za 12 mil od Ostrza potykać, i gdy z Ostrza jechać bedzie, także daleko prowadzić będzieli na to wola i rozkazanie pana staroscine, powinni są; i z listami pana staroscinemi i też do pana starosty jeździć mają i powinni są. Każdy z nich ma mieć samopał w domu, a do każdego samopału po trzy kopy kul y trzech funtach prochu. A gdzieby się trafiło panu staroście którego z służałych w daleką drogę, dalej nad mil 12, z listami posyłać, tedy na drogę ma im dawać po 4 grosze na mile, tam i sam rachując. Ażeby też zwierzchność zamkowa miała przystojne poszanowanie, y posłuszeństwo y bezpieczeństwo jej obwarowane było, postanawiamy to, iż gdyby się który z służałych słowem nie-

approbaciey tey rewizyey naszey, do krola J. M. pana naszego miłościwego. Zaczym strony obiedwie kancelleriey J. K. M. od dnia dzisiejszego za niedziel dwanascie termin, przez nas złożony y zachowany, mają.

A na ten czas rewizyą naszą dla lepszey wiary, rękami naszemi podpisawszy y pieczęciami przypieczętowawszy, stronom obiema wydalismy. Działo się w zamku J. K. M. Ostrskim. dnia, miesiąca y roku wyżey opisanego. Łukasz Witowski, podczaszy Kijowski. Alexander Wielhorski, woyski Łucki, rewizor ręką własną. Bartłomiey Obałkowski, sekretarz J. K. M. Bartłomiey Suchodolski, pisarz skarbowy. Cui supplicationi nos benigne annuentes, praeinsertas litteras in acta cancellariae nostrae inseri mandavimus. Actum et datum Varsaviae, die XXVII mensis Martii, anno domini MDCXXIX.

ЛЮСТРАЦІЯ 1636 Г.

Starostwo Ostrzskie.

Którego jest possessorem za przywilejem JKMci JMPan Stefan Aksak, sędzia ziemski kijowski, ostrzski starosta.

W tém starostwie nad pośledniejszą lustracyą i prowenta, z których kwartę opisaną płaci, przybyły słobody nowe niżéj opisane, które lubo żadnego dotąd podatku ani powinności nie odprawują. jako to przysięgą poddanych jest przed nami potwierdzone, jednak, i za zgromadzeniem ludzi na tych słobodach osiadających, arenda ostrzska miodów, piw, gorzałek młynów, myt, w cenę większą nad pośledniejszą lustracyę znacznie postąpiła, a ztąd akcya nie mała prowentu urosła. Przeto nazwiska tych słobód wyraźnie opisawszy, tudzież i prowent z tej aukcyi pochodzący inferius specyfikujemy.

Słobody ostrzskiego starostwa.

Nowy Ostrzec	Kaleta
Nadenowszczyzna	Zaworyscze

Semipułki	Bobrowice stara i nowa
Rzawiec	Kozary
Jarosławska	Mostowa sloboda
Mokorzec	Krasiłówka
Suchiny	Kozielec

Hadanowiczowa.

Wyrozumiawszy z assekuracyi listów JchMc Panów starostów przeszłego i teraźniejszego, że tym wszystkim słobodom, dla prędszego osadzenia, na wiele lat wolności nadali, i tém ludzi nie mało do nich zwabili, gdyby się natenczas, zwłaszcza ex nunc, do powinności i podatków, jakich rowno z dawniejszemi siołami przywodzić ich miało, bez pochyby prędkoby osad tych odbieżawszy i inszych sobie słobód, jako zwyczaj tutecznych krajów niesie, szukali; przeto wzgląd mając i zabiegając takiemu spustoszeniu, lubo to lat nie mało upewnionych obietnicą i listami pp. starostów ostrzskich do wysiedzenia wolności mieli, moderowaliśmy, nie więcej tylko do lat trzech onéj pozwalając, a po wyjściu lat trzech rowno z drugiemi z tego starostwa siołami w powinnościach i podatkach pociągać mają. Miasteczko jednak Ostrzec nowy, z słusznych respektów, że siła na nim należy, aby się tem ochotniéj radząc i wszystkiemu potém starostwu w pogotowiu Rzeczypospolitéj użytecznie było, do lat sześciu wolności alias słobody zażywać pozwalamy.

A ponieważ w tém starostwie ostrzskiém Bobrowica, Zaworycze, Kozary, Semipułki, miasteczka cum pertinentis suis do jednéjże arendy ostrzskiej żydowskiej, której aukcyą znaleźliśmy, ściągają, dla tego prowent wszystkiéj arendy teraźniejszéj i przeszłej lustracyi w jedno złączywszy najdujemy.

Summa summarum fl 5450 — 25.

Ztąd wytrąciwszy na namiestnika ostrzskiego fl. 100, na kozarskiego fl. 100, na bobrowickiego fl. 100, na zaworyckiego fl. 100, na semipulskiego urzędnika fl. 50.

Restat in summa fl. 500 — 25.

Bojarowie Ostrzscy.

Nie pokazali praw dawnych żadnych, powiadając, że im częścią pogorzały, częścią róznemi przypadkami tutecznemi poginęły. Jednak dawnością i powinnościami w inwentarzach, re-

przystojnem na podstarosciego porwac się smiał, aby winy dziesieć kop litewskich na pana starostę zapłacił, a jesliby się ręką targnał, tedy takowy każdy od majętnosci i dóbr dzierżawy swej w tem starostwie odpadać ma. A w sprawach wszelakich i krzywdach, tak sami między sobą, jako i z inszemi, jakiemikolwiek osobami, w tem starostwie będącemi, jurisdykcyey i przysądowi zamku Ostrskiego podlegac mają i wszelakie wyroki na kary zamkowe ponosic będą powinni pod winą 10 kop groszy litewskich. Wału, okopów i parkanu każdy podług proporcyi gruntu, którego zażywa, poprawowac ma.

O powinnosciach bojarskich. Co się tknie powinnosci bojarskich, te także w inwentarzu anni 1594 takie się znajdują: iż przy panu staroscie Ostrskim, albo przy podstarościm, przeciwko każdemu nieprzyjacielowi J. K. M. jeździć na dobrych koniach i z dobrym orężem, do boju należącym, szłak na pewnych miejscach, to jest: w wierzchu Dziewice, u Płoskiego kurhana przejeżdżać; do Kijowa, na wywiedanie strony niebezpiecznosci od nieprzyjaciela, y do Czerniechowa za granice, czasu przymierza, za pisaniem pana staroscinym albo podstarościego jeżdzic; i w pogonią za nieprzyjacielem J. K. M., na straż koło miasta i koło zamku na koniach i pieszo czasu niebezpieczeństwa, jaka tego potrzeba ukaże, powinni. Do tego straż zamkową i wodną zdawna powinni.

Co się tknie porządku koło obrony zamku, w tym taki porządek zachować mają, jako i ludzie służali, to jest: każdy z nich ma mieć samopał w domu, a do każdego samopału po trzy kopy kul y po trzech funtach prochu mieć powinni. Wałów, okopów y parkanów, tak około zamku, jako i miasta, także podług inwentarza anni 1594, powinni poprawować.

O powinnosciach mieszczan i innych poddanych starostwa Ostrskiego. Co się tknie mieszczan i inszych poddanych, którzy praw żadnych nie mają, na tych tę pierwszą powinność kładziemy, aby wały, baszty, czestokoły koło miasta i zamku, podług dawnego zwyczaju i potrzeby, naprawowali, pod winą dziesięci kóp litewskich, także szarwarki do grobel, mostów, młynów, wywożenia drzewa na potrzebę zamkową, aby odprawowali, podług dekretu J. K. M. in anno 1604,

a to pod winą kop 10 litewskich. Każdy dla obrony miasta y zamku ma mieć samopał porządny, trzy kopy kul, y trzy funty prochu. Straż, czasu niebezpieczeństwa od nieprzyjaciela, podług uważania pana starosty, albo podstarosciego jego, aby podrządnie odprawowali, miasta y zamku J. K. M. mocno bronili pod gardłem. W karczmach gorzałczanych y miodowych aby panu staroscie żadney przeszkody nie czynili, pod winą dziesięciu kóp litewskich. Podwoysky, ktory na posłudze zamkowey i mieyskiey jest ustawicznie, a prowizyey żadney nie ma, tedy po groszu z dymu każdego na rok dawać mają, a pan starosta onemu świtę na rok dawać ma. A ktory by się kolwiek z nich na horodniczego, setnika, woyta porwał słowy nieprzystojnemi, ma winę zapłacić, a ktoby uderzył, surowie ma bydź karany. A ktoby się rzucił na podstarościego, na gardle ma bydź karany.

Ordynacya niektorych spraw, do porządku dobrego należących. Przedaży wszystkich gruntów, tak bojarskich, miejskich y chłopskich przed podstaroscim przyznawane bydz mają y w księgi zamkowe w pisowane, ażeby się te przedaży z jaką ujmą powinności zamkowych nie działy, tedy na nie potwierdzenie pana staroscine następowac ma. Zboża wszelakie, także y żywnośc nie pokątnie, ale na rynku tak bojarowie, jako i mieszczanie y poddani przedawac mają, pod winą.

Pobory podług dekretów J. K. M, wszyscy do podstarościego ałbo namiestnika jego oddawać powinni.

Porub albo składki bojarowie z mieszczany rowno ponosić mają, ponieważ gruntów starostwa tego wszyscy zażywają. Które to poruby takim sposobem mają bydz składane: kiedy się trafi składka — z pary wołów po złotemu jednemu, tedy też ci, co większemi handlują towarami, mają przykładac po złotemu jednemu, rzemiesnicy po pół złotego, a ci, co bezpasznie y rzemiosła, po groszy polskich sześci, y tak według proposiciey, mniey albo więcey. Komorę swoją aby każdy służały bojarzyn y mieszczanin miał w zamku y pod czas niebezpieczeństwa aby każdy w komorze swojey sposobioną żywność, mąkę, włokno y insze potrzeby.

Ktoby nie stawał za nakazem podstarościego do wieczorney godziny, ten rzecz samą traci. Służały bojarzyn i mieszczanin, żaden z nich nie powinien ani gorzałki palić, ani miodu sycić, ani piwa warzyć bez pozwolenia y wiadomości pana starosty albo arendarza jego.

O prowentach starościnych. Przystępując, według listu J. K. M. rewizorskiego o opatrzeniu prowisiey staroście Ostrskiemu, wzieliśmy przed się rewizią y inwentarze dawne z mieszczan też Ostrskich y poddanych Omelianowego futora, z których tegośmy doszli, iż prowenta starościne nie są insze, tylko te, to jest: karczmy gorzałczane, miodowe y kapczyzna piwa, młyny, uchody albo jeziora, jazy na rzece Deśnie, myto tak ziemne jako wodne, jako rewisya anni 1550 opisuje. Ryba podstępna, jako się w inwentarzu anni 1594 znajduje. Do tego czynsze, które różnie płacą.

Podymne, owies, siano, kury, jako w sobie inwentarz roku 1626 zawiera. Ktore to prowenta, iż przystojnemu wychowaniu starościnemu, podług potrzeby miejsca tego, wydołać nie mogą, a zwłaszcza, że pan starosta podług constitutiey, w roku 1620 opisaney, na tym zamku, jako pogranicznym, podczas niebezpieczeństwa mieszkać powinien, podaliśmy mieszczanom Ostrskim y poddanym Omelianowego futora, spisanie y ordynacyą naszą na oddawanie y wybieranie podatków dorocznych, podług regestru, niżey opisanego, bacząc to dobrym sumieniem naszem, że ta ordynacya nasza onym żadney ciężkości czynić nie może, ponieważ y futory wielkie mają i robót żadnych do folwarków zamkowych, których też w tem starostwie niemasz, nie oddawają, prócz podwody, którą podług, rewizyey anni 1550, koleyno odprawować powinni i odprawują. A ta ordynacya nasza mieszczanom Ostrskim y poddanym Omelianowego futora podana, taka jest: czynszu z pary wołów po złotemu jednemu dawać mają, owsa po ćwierci z pary wolów, — żyta po osmace z pary wołów, przenice po półosmaczki z pary wołów, jęczmienia po poł osmaki z pary wołów — kur po dwoyga z dymu, jajec z dymu po dziesięć, siana po wozu jednemu z dymu, słomy po wozu jednemu z dymu, drew po dwa wozy z dymu, gęś ze dwu par wołów jedna, jałowica jedna ze dwudziestu pięci par wo-

łów, wieprz jeden ze dwudziestu pięci par wołów, baranow czterech ze dwudziestu pięci par wołów, kadź miodu jedna ze dwudziestu pięci par wołów, — ryb słonych ze dwudziestu pięciu par wołów półbeczek jeden. A iż niektórzy wołów nie mają, a końmi paszą, tedy koń jeden ma bydz za parę wołów rachowany. Ci, co roli nie mają, a kupiectwy się bawią, którzy sudnami chodzą, mają dawać czynszu po złotych dwa, po ćwierci owsa, po wozu siana, po gęsi y po dwoygu kur. Ci zaś, co czołnami choda, połowicę tych podatków kupieckich płacic będą, A z osobna tak ci, co sudnami, jako i ci co czołnami chodzą, na jałowice, na wieprze, na barany, na miód y na ryby rowno z inszemi składać się powinni. A ci zaś, ktorzy ani rolę robią, ani kupiectwy się bawią, jedno zarobkiem żyją, powinni płacić czynszu po poł złotego, owsa po ośmace, po wozu siana, po kurce jedney, pod takiż podatek y skopice podlegają. A osobno wszyscy ogółem miasto ciągnienia niewodu, do którego podług rewizyey roku 1550, powinni z dymu po dwoyga drzewa do jazu wywieść. Podymnego z każdego domu powinni płacić po dwa grosze litewskich, podwodę kolejną na mil dwanaście powinni z dymu odprawować. Do grobel, mostów, młynów, szarwarkiem powinni. Ci, co bartne drzewa mają, powinien każdy z osobna po dwa bielce miodu na rok oddać. Ci, co jary na Trubieżu i na Ostrzu mają, powinni wszyscy ogółem ryb slonych dwa połbeczki do roku oddać.

Pobory, na seymie postanowione, podług uchwały seymowey, oddawać powinni.

Tę tedy ordynacyą mieszczanom Ostrskim y poddanym Omelianowego futora uczyniwszy, do Bobrownice, miasteczka do starostwa tego należącego, przyjechaliśmy, w którey Bobrownicy takeśmy ordynacyą uczynili.

B o b r o w n i c a. Naprzód, co się tknie służałych, ci na tychże powinnościach postanowieni, jako y służali przy zamku Ostrskim. Co się tknie bojarów, ci także na tych powinnościach zostali, jako i bojarowie Ostrscy. Co się zaś tknie podatków od mieszczan, te podług regestru, niżey opisanego, raz w rok oddawać powinni: czynszu z pary wołów po złotemu jednemu, owsa po ćwierci z pary wołów, żyta po ośmace z pary wołów,

przenice po poł osmaczki z pary wołów, kur po dwoygu z dymu, jajec z dymu po 10, siana po wozu jednemu z dymu, słomy po wozu jednemu z dymu, drew po dwa wozy z dymu, gęs ze dwu pary wołów, — przona miara jedna ze dwudziestu pięciu par wołow, jałowica jedna ze dwudziestu pięciu par wołów, wieprz jeden ze dwudziestu pięciu par wołów, baranów czterech ze dwudziestu pięciu par wołów, — kadź miodu jedna ze dwudziestu par wołów. A, iż niektórzy wołów nie mają, a końmi paszą, tedy koń jeden ma bydź za parę wołów rachowan. Ci, co role nie mają, a kupiectwem się bawią, mają dawać czynszu po złotemu, po ćwierci owsa, po wozu siana, po gęsi y po dwojga kur, a z osobna na jałowice, na wieprze, na barany y na miód rowno z inszemi składać się powinni. A ci zas, którzy ani rolę nie robią, ani kupiectwy się bawią, jedno zarobkiem żyją, powinni płacić czynszu po poł złotego, owsa po osmace, po wozu siana, po kurce jedney i pod takiż podatek y skopicze podlegają. Podwodę kolejną na mil 12 powinni z dymu odprawować; do grobel, mostów, młynów, szarwarków powinni. Ci, co bartne drzewa mają, powinien każdy z osobna po dwa biełce miodu na rok oddać. Pobory, na seymie postanowione, podług uchwały seymowey oddawać powinni do rąk podstarosciego tamesznego.

O nowych osadach. Odprawiwszy Bobrownicę, przystąpiliśmy do nowych słobód, na grontach starostwa tego zasadzonych, które wszystkie od dnia dzisiejszego rachując do lat ośmi, słobody y wolności zażywać mają; a po wyjsciu tych lat osmi, naprzód słoboda nowy Ostrz y Hadenowszczyzna powinności takie, jakie Ostrzanie oddawać będą. Insze zas słobody, jako: Siemipołki, Kaleta, Zaworycze, Domanow, Suchyno, Nowa Bobrownica, Jarosławka, Mokrec, Kozar, Rżawiec i insze, oddawać będą tak podatki, jako y mieszczanie Bobrowniccy. A, zabiegając trudnościom, które pospolicie około poddanych zwykły zachodzić, tedy nie powinien pan dzierżawca do tych słobód przyjmować poddanych z dóbr y gruntów szlacheckich. Która to rewizia, z wskazania J. K. M, przez nas odprawiona, aby tym doskonalszy effekt swoy wzięła, odsyłamy strony obiedwie, tak pana starostę, jako y mieszczan y poddannych, dla

Semipułki	Bobrowice stara i nowa
Rzawiec	Kozary
Jarosławska	Mostowa sloboda
Mokorzec	Krasiłówka
Suchiny	Kozielec

Hadanowiczowa.

Wyrozumiawszy z assekuracyi listów JchMc Panów starostów przeszłego i terazniejszego, że tym wszystkim słobodom, dla prędszego osadzenia, na wiele lat wolności nadali, i tem ludzi nie mało do nich zwabili, gdyby się natenczas, zwłaszcza ex nunc, do powinności i podatków, jakich rowno z dawniejszemi siołami przywodzić ich miało, bez pochyby prędkoby osad tych odbieżawszy i inszych sobie słobod, jako zwyczaj tutecznych krajów niesie, szukali; przeto wzgląd mając i zabiegając takiemu spustoszeniu, lubo to lat nie mało upewnionych obietnicą i listami pp. starostów ostrzskich do wysiedzenia wolności mieli, moderowaliśmy, nie więcej tylko do lat trzech onéj pozwalając, a po wyjsciu lat trzech rowno z drugiemi z tego starostwa siołami w powinnościach i podatkach pociągać mają. Miasteczko jednak Ostrzec nowy, z słusznych respektów, że siła na nim należy, aby się tem ochotniej radząc i wszystkiemu potém starostwu w pogotowiu Rzeczypospolitej użytecznie było, do lat szesciu wolnosci alias słobody zażywać pozwalamy.

A poniewaz w tem starostwie ostrzskiém Bobrowica, Zaworycze, Kozary, Semipułki, miasteczka cum pertinentis suis do jednéjże arendy ostrzskiej żydowskiej, której aukcyą znaleźlismy, ściągają, dla tego prowent wszystkiej arendy terazniejszej i przeszłej lustracyi w jedno złączywszy najdujemy.

Summa summarum fl 5450 — 25.

Ztąd wytrąciwszy na namiestnika ostrzskiego fl. 100, na kozarskiego fl. 100, na bobrowickiego fl. 100, na zaworyckiego fl. 100, na semipulskiego urzędnika fl. 50.

Restat in summa fl. 500 — 25.

Bojarowie Ostrzscy.

Nie pokazali praw dawnych żadnych, powiadając, że im częścią pogorzały, częścią róznemi przypadkami tutecznemi poginęły. Jednak dawnością i powinnościami w inwentarzach, re

wizyach i lustracyach przeszłych opisanemi, znacznie się pokazuje, że z samych początkow in circumferentia gruntów starostwa ostrzskiego na służbę wojenną bojarską z przodków swoich osiedli, i dotąd w takiejże służbie trwają. Pokazali tego dokument i listem najjaśniejszego króla JMci teraźniejszego Władysława IV de actu et data w obozie za Smoleńskiem na Bohdanowej okolicy 3 decembr. anni 1633, z podpisem ręki JKMci, ktory pisać raczy do JMP Aksaka sędziego ziemskiego kijowskiego, starosty ostrzskiego, aby pomienionych bojar przy całości gruntów, które z dawna mieli zachował, biciem ich żadném i więzieniem nie mordowal, do odprawowania szarwarków nie przymuszał, krzywdy i bezprawia im żadnego nie czynił, i wedle praw dawnych od najjaśniejszych przodków JKMci nadanych, z nimi się obchodził, jako ten list szerzej o tém w sobie obmawia. Pokazali i mandat z wielkiej kancelaryi z podpisem JMKs. Jakóba Zadzika biskupa chełmińskiego kanclerza koronnego de actu et data tamże pod Smoleńskiem d. 22 decembr. anno 1633 do mieszczan ostrzskich, napominając ich, aby na te bojary ostrzskie nie następowali, gruntów i majętności onym nie odejmowali, do straży miejskiej pieszej onych nie przymuszali, żadnych ciężarów na nich nie wkładali, ani im żadnéj przykrości i uciążenia czynili. Produkowali nakoniec z podpisem ręki JKMci de actu et data ibidem ut supra za Smoleńskim d. 25 Decembr. 1633 list albo uniwersał do wojska koronnego onym dany, którym JKMć napominać raczy, aby żaden z rotmistrzów, porucznikow i wszystkiego towarzystwa rot usarskich, kozackich, pieszych i innych wszelakiéj kondycyi ludzi żołnierskich, nie warzył się u bojar tych ostrzskich stanowiska sobie czynić, ani stacyi sobie wybierać, dokładając i tego, że przerzeczeni bojarowie od wszelakich ciężarów prócz służby wojennéj przywilejami najjaśniejszych przodków JKMci królów polskich i najjaśniejszego króla JMci teraźniejszego utwierdzonemi są wyjęci. My tedy przychylając się do takiego prawa i dokumentów, przy starym zwyczaju i powinności rewizyą anni 1630 opisanéj tych bojar zostawujemy, w którym żeby porządnie pertinenter z potomkami swemi zachowani byli, de nomine wszystkich będących, odprawujących, opisujemy:

Jarmoła Łaski Setnik
Furs Harbuza
Matwiéj Harbuzienko
Daniło Harbuzienko
Aram Bierzemienicki
Bohdan Biorzemienicki
Nicypor Jerczętko
Jarosz Jerczętko
Ihnat Biełowdzik
Fedor Denisienko
Jan Chochowicz
Fedor Burzdy
Stefan Bielich
Iwan Bielich Stuma
Iwan Bielik
Mieyko Bielik
Paweł Hłomarda
Hordey Hłomarda
Ostap Hłomarda
Włoko Hłomarda
Jasko Hłomarda
Stefan Hira
Arciem Hira
Fedor Hira
Andrzéj Hira
Mikita Hira
Bereszka Kozorog
Maksim Kozorog
Siemion Łapa
Hryszko Łapa
Socho Łapa
Zdan Łapa
Konon Horohowicz
Fedor Chrysko
Fedor Misczęko
Iwan Samsonowicz
Lorko Pajnetka
Woyiko Baranowski
Socko Baranowski
Daniło Baranowski
Wasko Palczyk
Simon Pałczyk
Simion Denisienko
Simon Popowicz
Chrysko Wasiłowicz
Tetera Jesko
Jacko Siemiekowicz
Karp Siemiekowicz
Choma Siemiekowicz
Fedor Serkezewicz
Owdéj Serheicyk
Nesierz Serheienko
Siemion Romanenko
Jacko Syraiynko
Sawa Syraiynko
Fedor Syraj
Roman Wasielewicz
Sechno Wasilewicz
Paweł Tetera
Fereszko Tetera
Piotr Misczętko
Kuca Łoś
Iwan Łoś
Omelian Kuprenko
Fedor Mincinko
Siemion Kuryło
Jan Hryczkiewicz
Hawryło Szemetenko
Piotr Rostok
Doroszko Miechowiec

których to de nomine spisawszy, przy dobrach tych jako są teraz od nas zostawionych, zostawujemy, nic nad pierwszą powinność, mianowicie służbe wojenna na nich nie wkładamy.

Ludzie służebni stanu szlacheckiego w Starostwie Ostrzskiém, Bobrowicy i Zaworzyczach, którzy pewne grunty posiedli.

Ci względem tych gruntów tę powinność według rewizyi anni 1628 odprawować mają, to jest obronę zamkowi i miastu in casu impetu nieprzyjacielskiego, za obwieszczeniem pana starosty albo namiestnika jego omnimodo tenentur. Ażeby też zwierzchność zamkowa miała przystojne poszanowanie i posłuszeństwo i bezpieczeństwo jej obwarowane było, postanawiamy to, iż gdyby się który z służących słowem nieprzystojném na namiestnika porwać śmiał, aby winy dziesięć kop litewskich JMPanu staroście zapłacił, a jesliby się ręką targnął, tedy takowy każdy od majętności i dzierżawy swej dóbr w tém starostwie odpadać ma, a w sprawach wszelakich i krzywdach tak sami między sobą, jako i z inszemi jakiemikolwiek osobami w tém starostwie będącemi jurysdykcyi i przysądowi zamku ostrzskiego podlegać mają, i wszelakie wyroki albo nakazy zamkowe ponosić będą powinni, pod winą dziesięć kop groszy litewskich. Wału, okopu, parkanu, każdy z nich podług propozycyi gruntu, którego zażywa, poprawiać ma. Ażeby się każdy z nich swoich gruntów, z których tę służbę wojenną odprawują z potomkami swemi cieszył, de nomine wszystkich natenczas będących, jako possessorów teraźniejszych opisujemy, videlicet:

P. Maciej Krzywicki
P. Iwan Bronowicki
P. Adam Saczko osadca Kozielca
P. Siemion Odanowicz
P. Jan Pulkiewicz
P. Marcin Sibilewicz
P. Stanisław Olszewski
P. Kurcewicz wójt
P. Jan Orthowski
P. Marcin Jackowski
P. Kiryło Zukiński
P. Fedor Zukiński
P. Zawadzka, wdowa.

w Bobrowicy zaś:

P. Jakób Bierzanowski.

Ci co pod Dąbrowicą na Rudkowym Futorze.

P. Bartłomiej Trembicki
P. Jan Prokop Chmura
P. Jan Kaszowski
P. Wacław Ortowski
P. Krzystof Zawadzki.

w Zaworyczach:

P. Sebestyan Kruszyński. P. Wojciech Olszewski.

w Semipułkach:

P. Bagiński.

Wieś Krochajow.

Której jest possessorem JMPan Stefan Aksak, sędzia ziemski kijowski, starosta ostrzski, za przywilejem króla JMci z inkwizycyi naszej doszedłszy, że z tej wsi większą aukcyą nad przeszłą lustracyą nie pokazali, tedy od tej lustracyi supersedujemy.

Wies Rozny w województwie kijowskiem.

Która jest lustratiae in anno 1622, i z niej prowent jest dedukowanym fl. 150 — 25.

Iż potém in anno 1628 ozwał się JMP. Aksak, sędzia ziemski kijowski, z prawem swem dziedzicznem, które ukazał przed Ich Mciami PP. lustratorami i dekret przy tem trybunału radomskiego, którego na sejm remissę uczynili. Niechcąc tedy przeszli JMc PP. lustratorowie przerzeczonej wsi lustracyą onerować, do dekretu zgadzając, one na sejm odesłali co i my natenczas czynimy.

III.

Выпись с книгъ кгродскихъ воеводства кіевскаго, року тысяча шесть сотъ тридцать девятого, мѣсяца декабря тридцатого дня.

На врядѣ кгродскомъ в замку его королевской милости кіевскомъ передомною Петромъ Брудновскимъ наместникомъ замку Кіевскаго ставши очевисто велебный в бозѣ отецъ Селиверстъ наместникъ и законныкъ монастыря святаго архистратига Михаила Выдубицкаго своимъ и ясне превелебнаго въ бозѣ его милости господина отца Петра Могили архіепископа митрополита Кіевскаго Галицкаго и всея россіи архимандрита монастыря печерскаго и капитула митрополитанское именемъ свидчился и соленнѣтеръ протестовалъ напротивко велможнаго его милости пана Юрія Глебовича

на Дубровнѣ каштеляновича Выленскаго и урядниковѣ Гоголевскому пану Миколаю Булгаку о то иже номенонній его милость панъ Глебовичъ препомневши право посполитаго, і винъ на таковыхъ описаннаго, яко здавна звиклъ крывду чинить и теперъ росказалъ помененному урядниковѣ своему Гоголевскому, абы и грунти церковніе монастыря Выдубицкаго прилегліе до кгрунтовъ Гоголевскихъ забыралъ, и разніе кривды чинилъ, которій росказанн яко пана своего досить чинечи, року теперишняго тысяча шесть сотъ тридцатя девятого мѣсяца сентября першаго дня наехавши з слугами, з боярами и подданными Гоголевскими и подданными рожновскими на тотъ часъ в посессіи его милости пана Глебовича будучими, з оружемъ войне належачимъ моцно кгвалтомъ человѣка до трохъ сотъ на власній кгрунтъ монастиря менованого светаго Михаила Выдубицкаго, Свиноедскій названній, селище на десни заномире нива десятинніе луку красную борокъ въ которомъ бортей подданныхъ в соснахъ монастира минованнаго Свиноеди мели которій кгрунтъ в ограниченю почитается гряниця от Свиноедовъ ку рожномъ на Украину долиною подле ниви Холмени Выдубицкаго долиною болото язвинское угланскій лѣсъ впадаетъ в хмельницкое болото, чрезъ медвежи борокъ, в межу супруновское Малневи і Васильевы ниви у косіево болото, жереломъ подъ Берестову гряду в рѣчку Глушицу в Деснище, кобылкою идучи ку Дубечни пречистенскому кгрунту и у Десну тотъ урядникъ с помененіми слугами, боярами и мещані Гоголевскими и подданными рожновскими чинечи досить воли и росказанью пана своего менованнаго его милости пана Глебовича подданныхъ Свиноедскихъ заставши въ полю на роботахъ сѣючи и оручи окрутне збыли, зъ кгрунту менованного зогнали; поведаючи и грозячи же кгды котораго подданнаго монастырскаго Свиноедскаго на томъ месцу застануть забывать и вешать будемъ, яко жъ въ томъ борку отняли борти зо бчолами неподбыранніми, в личбу сто, миновите у Левка Исаенка бчолъ двадцятери, у Өедора Середника бчолъ двадцятери, у Семена Середника бчолъ тридцатери бортей порожнихъ безъ бчолъ пятдесятъ, и тихъ всихъ з кгрунтовъ вышей менованнихъ кгвалтовне выбили и отняли; а потомъ заразъ розныхъ дней дерева на будованье гожого пятьсотъ, а на бортѣ стошестьдесятъ на тихъ урочищахъ витяли и будовать футоръ и гумна зачали, зачимъ протестуючихъ до шкодъ, которыхъ себе быть

понятихъ кгрунту в то невкладаючи шацуютъ на пять тысячей золотыхъ полскихъ а што помененій протестансъ наместникъ монастира Выдубицкаго Кіевскаго именемъ номененнаго отца Митрополита и Капитула митрополитанское софѣйское кіевское офируючись правые чинить з его мл. Паномъ Глебовичемъ, заховавши себе вольную меморацію до поправы тое протестаціи к его милости отцу митрополиту Кіевскому, если того потреба указовати будетъ, на доводъ того ставилъ возного енерала воеводствъ Кіевскаго Волинскаго и Бацславскаго шляхетного Матіаша Любицкаго, которій возній резолюцію свою призналъ ку записаню до коихъ в тіе слова, ижъ онъ року теперешнего тридцять девятого, мѣсяца сентября двадцатаго дня маючи при собе строну шляхту, людей добрихъ вери годныхъ пана Миколая и нана Александра Кожуховскихъ, за приданьемъ урядовымъ, билъ на справе и потребе ясне въ бозѣ превелебною его милости отца митрополита Кіевскаго и капитула митрополитанское Кіевское, где року вишеписаного дня дватцать семого сентября ездилъ з наместникомъ Выдубицкимъ и подданнім Свиноедскіи тамъ же за оказаніемъ подданныхъ Свиноедскихъ выдѣлъ на кгрунтахъ монастирскихъ на нівахъ десятинныхъ гумна и футора чрезъ подданныхъ его милости пана Глѣбовича Рожеискихъ за часто свежо новобудованіе и дерева на личаломъ витятого на врочищу в бору за подьмирю на будованіе петьсотъ, а на борти гожаго сто шестьдесятъ, што все меновали отецъ наместникъ Выдубицкій и подданніе Свиноедскіе ижъ зъросказаня его милости пана Глибовича, яко тожъ урядника компринцинала, бояръ, слугъ и мещанъ Гоголевскихъ и подданныхъ Рожновскихъ за гвалтовнимъ наѣханьемъ на кгрунтъ Свиноедскій, тіе футори и гумна будують и з покойнаго держаня выбили, яко тежъ и от околычныхъ суседовъ и подданныхъ тамошнихъ слишалъ, которое свое очевистое сознаніе помененій возній учинивши просилъ, абы тое все при протестаціи до книгъ принято и записанно было, что одержалъ, с которыхъ и тотъ выписъ иод печатю кгродскою Кіевскою есть виданъ, писанъ у Кіеве. (Румянцевская опись. Черниг. отд. Лѣтки).

IV.

Випись с книгъ мѣскихъ ратуши Остерской лѣта Божого нароженя 1656 мѣсяца марта 3-го дня.

Передомною Іваномъ Гладкимъ Войтомъ Остерскимъ, Сидоромъ Велигорскимъ бурмистромъ рочнимъ, райцами, лавниками, зобополне засѣлими сставши, очевисто Терешко Івановичъ Туровченко козакъ і обивателу нашъ отрицкій іавне іасне и доброволне зозналъ, ижъ продалъ поле свое власное прозиваемое Красное, лежачое за рекою Остромъ, которее мѣлъ поле купленное отъ Дмитра Рабца, а Дмитръ Рабецъ мѣлъ то поле купленое отъ Ивана и Михайла Бѣликовичовъ бившихъ бояръ королевскихъ Острицкихъ, а теперь козаковъ войска Его Царского Величества Запорожскаго славетнимъ папамъ козакамъ и мещанамъ старого города Остра за певную суму и руkоданную, тоесть золотихъ тридцать полскои лѣчби, нѣкому нѣвчомъ непенное и незаведенное, которое поле прозиваемое Красное, подалъ въ моцу подержаня спокоиное вишеписаннимъ козакамъ и мещанамъ волно будетъ имъ іакъ хотѣти тимъ полемъ на свое доброе оборочати и диспоновати іакъ своимъ власнимъ, а Терешко Івановичъ вишъ писаний вѣчними часами ізрѣкся и не маетъ того доходити и не будетъ такъ онъ самъ жена и потимкове его и жадинъ з близкихъ и покревнихъ его, іако тежъ вишъ писанние заводци его не маешъ жадной трудности и турбаций здавать в держане того поля, такъ они сами іако и жонки и́ потомкове ихъ и жаденъ з близкихъ и покревнихъ приятеловъ ихъ под зарукою вини: на его милости пана полковника Киевскаго золотихъ двадцать, на врадъ нашъ Острицкий золотихъ десять, которые вишъ писанний Терешко Івановичъ просилъ насъ жеби емо его продажу и вечистое купчий записъ вишеписанний козакамъ и мещанамъ до книгъ нинешнихъ мѣскихъ Остерскихъ записано, що есть за прозбою обоихъ сторонъ и за принятемъ нашимъ рядовимъ есть записано. Року 1656, мѣсяца Марта 3 дня.

(Румянцевская опись. Кіевск. отд. Старогородка).

ОПЕЧАТКИ:

стран.	строка	напечатано	должно быть.
4	3	общинахъ	общинныхъ
6	26	вѣсти; о разореніи	вѣсти о разореніи
13	29	монастырямъ	монастырямъ,
24	23	гарнизономъ	гарнизономъ,
24	32	старостаискія	старостянскія
26	5	старостовъ	староста съ
29	прим.	[1]) См. прил. 2.	[1]) Нѣмцевичъ кн. 6. 248.
		[2]) Нѣмцевичъ кн. 6 248	[2]) См. прил. 2.
40	7	войсква	войска
45	21	Хмѣльницкому,	Хмѣльницкому
49	13	и при	и, при
—	—	шляхтою	шляхтою,
59	14	Бреоховецкаго	Бруховецкаго
—	19	Брховецкаго	Бруховецкаго
62	32—33	наборами	поборами
64	8	сосѣдъ. Турція	сосѣдъ, Турція
65	37	помещь	помощь
68	прим.	изд. топ. Кіевъ	Ист. Топ. Кіева
76	13	волтретя	полтретя

Ludzie służebni stanu szlacheckiego w Starostwie Ostrzskiém, Bobrowicy i Zaworzyczach, ktorzy pewne grunty posiedli.

Ci względem tych gruntów tę powinność według rewizyi anni 1628 odprawowac mają, to jest obronę zamkowi i miastu in casu impetu nieprzyjacielskiego, za obwieszczeniem pana starosty albo namiestnika jego omnimodo tenentur. Ażeby też zwierzchnosc zamkowa miała przystojne poszanowanie i posłuszeństwo i bezpieczeństwo jéj obwarowane było, postanawiamy to, iż gdyby się który z służących słowem nieprzystojném na namiestnika porwać smiał, aby winy dziesięć kop litewskich JMPanu staroscie zapłacił, a jesliby się ręką targnął, tedy takowy każdy od majętnosci i dzierżawy swej dobr w tém starostwie odpadać ma, a w sprawach wszelakich i' krzywdach tak sami między sobą, jako i z inszemi jakiemikolwiek osobami w tém starostwie będącemi jurysdykcyi i przysądowi zamku ostrzskiego podlegać mają, i wszelakie wyroki albo nakazy zamkowe ponosić będą powinni, pod winą dziesięć kop groszy litewskich. Wału, okopu, parkanu, każdy z nich podług propozycyi gruntu, którego zażywa, poprawiać ma. Ażeby się każdy z nich swoich gruntów, z których tę służbę wojenną odprawują z potomkami swemi cieszył, de nomine wszystkich natenczas będących, jako possessorów teraźniejszych opisujemy, videlicet:

P. Maciej Krzywicki
P. Iwan Bronowicki
P. Adam Saczko osadca Kozielca
P. Siemion Odanowicz
P. Jan Pulkiewicz
P. Marcin Sibilewicz
P. Stanisław Olszewski
P. Kurcewicz wójt
P. Jan Orthowski
P. Marcin Jackowski
P. Kiryło Zukiński
P. Fedor Zukiński
P. Zawadzka, wdowa.

w Bobrowicy zaś:

P. Jakób Bierzanowski.

Ci co pod Dąbrowicą na Rudkowym Futorze.

P. Bartłomiej Trembicki
P. Jan Prokop Chmura
P. Jan Kaszowski
P. Wacław Ortowski
P. Krzystof Zawadzki.

w Zaworyczach:

P. Sebestyan Kruszyński. P. Wojciech Olszewski.

w Semipułkach:

P. Bagiński.

Wieś Krochajow.

Której jest possessorem JMPan Stefan Aksak, sędzia ziemski kijowski, starosta ostrzski, za przywilejem króla JMci z inkwizycyi naszej doszedłszy, że z tej wsi większą aukcyą nad przeszłą lustracyą nie pokazali, tedy od tej lustracyi supersedujemy.

Wieś Rożny w województwie kijowskiem.

Która jest lustratiae in anno 1622. i z niej prowent jest dedukowanym fl. 150 — 25.

Iż potém in anno 1628 ozwał się JMP. Aksak, sędzia ziemski kijowski, z prawem swém dziedzicznêm, które ukazał przed Ich Mciami PP. lustratorami i dekret przy tém trybunalu radomskiego, którego na sejm remissę uczynili. Niechcąc tedy przeszli JMć PP. lustratorowie przerzeczonej wsi lustracyą onerować, do dekretu zgadzając, one na sejm odesłali co i my natenczas czynimy.

III.

Выпись с книгъ кгродскихъ воеводства кіевскаго, року тысяча шесть сотъ тридцать девятого, мѣсяца декабря тридцатого дня.

На врядѣ кгродскомъ в замку его королевской милости кіевскомъ передомною Петромъ Брудновскимъ наместникомъ замку Кіевскаго ставши очевисто велебный в бозѣ отецъ Селиверстъ неместникъ и законныкъ монастыря святаго архистратига Михаила Выдубицкаго своимъ и ясне превелебнаго въ бозѣ его милости господина отца Петра Могили архіепископа митрополита Кіевскаго Галицкаго и всея россіи архимандрита монастыря печерскаго и капитула митрополитанское именемъ свидчился и соленнѣтеръ протестовалъ напротивко велможнаго его милости пана Юрія Глебовича

на Дубровнѣ каштеляновича Выленскаго и урядниковѣ Гоголевскому пану Миколаю Булгаку о то иже номенонній его милость панъ Глебовичъ препомневши право посполитаго, і винъ на таковыхъ описаннаго, яко здавна звиклъ крывду чинить и теперъ росказалъ помененному урядниковѣ своему Гоголевскому, абы и грунти церковніе монастыря Выдубицкаго прилегліе до кгрунтовъ Гоголевскихъ забыралъ, и разніе кривды чинилъ, которій росказанн яко пана своего досить чинечи, року теперишняго тысяча шесть сотъ тридцатя девятого мѣсяца сентября пернıаго дня наехавши з слугами, з боярами и подданными Гоголевскими и подданными рожновскими на тотъ часъ в посессіи его милости пана Глебовича будучими, з оружемъ войне належачимъ моцно кгвалтомъ человѣка до трохъ сотъ на власній кгрунтъ монастиря менованого светаго Михаила Выдубицкаго, Свиноедскій названній, селище на десни заномире нива десятинніе луку красную борокъ въ которомъ бортей подданныхъ в соснахъ монастира минованнаго Свиноеди мели которій кгрунтъ в ограниченю почитается граница от Свиноедовъ ку рожномъ на Украину долиною подле ниви Холмени Выдубицкаго долиною болото язвинское угланскій лѣсъ впадаетъ в хмельницкое болото, чрезъ медвежи борокъ, в межу супруновское Малневи і Васильевы ниви у косіево болото, жереломъ подъ Берестову гряду в рѣчку Глушицу в Деснище, кобылкою идучи ку Дубечни пречистенскому кгрунту и у Десну тотъ урядникъ с помененіми слугами, боярами и мещані Гоголевскими и подданными рожновскими чинечи досить воли и росказанью пана своего менованнаго его милости пана Глебовича подданныхъ Свиноедскихъ заставши въ полю на роботахъ сѣючи и оручи окрутне збыли, зъ кгрунту менованного зогнали; поведаючи и грозячи же кгды котораго подданнаго монастырскаго Свиноедскаго на томъ месцу застануть забывать и вешать будемъ, яко жъ въ томъ борку отняли борти зо бчолами неподбыранніми, в личбу сто, миновите у Левка Исаенка бчолъ двадцятери, у Өедора Середника бчолъ двадцятери, у Семена Середника бчолъ тридцатери бортей порожнихъ безъ бчолъ пятдесятъ, и тихъ всихъ з кгрунтовъ вышей менованнихъ кгвалтовне выбили и отняли; а потомъ заразъ розныхъ дней дерева на будованье гожого пятьсотъ, а на бортѣ стошестьдесятъ на тихъ урочищахъ витяли и будовать футоръ и гумна зачали, зачимъ протестуючихъ до шкодъ, которыхъ себе быть

понятихъ кгрунту в то невкладаючи шацують на пять тысячей золотыхъ полскихъ а што помененій протестансъ наместникъ монастира Выдубицкаго Кіевскаго именемъ помененнаго отца Митрополита и Капитула митрополитанское софѣйское кіевское офируючись нравые чинить з его мл. Паномъ Глебовичемъ, заховавши себе вольную меморацію до поправы тое протестаціи к его милости отцу митрополиту Кіевскому, если того потреба указовати будетъ, на доводъ того ставилъ возного енерала воеводствъ Кіевскаго Волинскаго и Бацславскаго шляхетного Матіаша Любицкаго, которій возній резолюцію свою призналъ ку записаню до коихъ в тіе слова, ижъ онъ року теперешнего тридцять девятого, мѣсяца сентября двадцатаго дня маючи при собе строну шляхту, людей добрихъ вери годныхъ пана Миколая и пана Александра Кожуховскихъ, за приданьемъ урядовымъ, билъ на справе и потребе ясне въ бозѣ превелебною его милости отца митрополита Кіевскаго и капитула митрополитанское Кіевское, где року вишеписаного дня двати семого сентября ездилъ з наместникомъ Выдубицкимъ и подданнім Свиноедскіи тамъ же за оказаніемъ подданныхъ Свиноедскихъ выдѣлъ на кгрунтахъ монастирскихъ на нівахъ десятинныхъ гумна и футора чрезъ подданныхъ его милости пана Глѣбовича Роженскихъ за часто свежо новобудованіе и дерева на личаломъ витятого на врочишу в бору за подьмирю на будованіе петьсотъ, а на борти гожаго сто шестьдесятъ, што все меновали отецъ наместникъ Выдубицкій и подданніе Свиноедскіе ижъ зъросказаня его милости пана Глибовича, яко тожъ урядника компринцинала, бояръ, слугъ и мещанъ Гоголевскихъ и подданныхъ Рожновскихъ за гвалтовнимъ наѣханьемъ на кгрунтъ Свиноедскій, тіе футори и гумна будують и з покойнаго держаня выбили, яко тежъ и от околычныхъ суседовъ и подданныхъ тамошнихъ слишалъ, которое свое очевистое сознаніе помененій возній учинивши просилъ, абы тое все при протестаціи до книгъ принято и записанно было, что одержалъ, с которыхъ и тотъ выписъ под печатю кгродскою Кіевскою есть виданъ, писанъ у Кіеве. (Румянцевская опись. Черниг. отд. Лѣтки).

IV.

Випись с книгъ мѣскихъ ратуши Остерской лѣта Божого нароженя 1656 мѣсяца марта 3-го дня.

Передомною Іваномъ Гладкимъ Войтомъ Остерскимъ, Сидоромъ Велигорскимъ бурмистромъ рочнимъ, райцами, лавниками, зобополне засѣлими сставши, очевисто Терешко Івановичъ Туровченко козакъ і обивателу нашъ отрицкій іавне іасне и доброволне зозналъ, ижъ продалъ поле свое власное прозиваемое Красное, лежачое за рекою Остромъ, которее мѣлъ поле купленное отъ Дмитра Рабца, а Дмитръ Рабецъ мѣлъ то поле купленое отъ Ивана и Михайла Бѣликовичовъ бившихъ бояръ королевскихъ Острицкихъ, а теперь козаковъ войска Его Царского Величества Запорожскаго славетнимъ панамъ козакамъ и мещанамъ старого города Остра за певную суму и рукоданную, тоесть золотихъ тридцать полскои лѣчби, нѣкому нѣвчомъ непенное и незаведенное, которое поле прозиваемое Красное, подалъ въ моцу подержаня спокоиное вишеписаннимъ козакамъ и мещанамъ волно будетъ имъ іакъ хотѣти тимъ полемъ на свое доброе оборочати и диспоновати іакъ своимъ власнимъ, а Терешко Івановичъ вишъ писаний вѣчними часами ізрѣкся и не маетъ того доходити и не будетъ такъ онъ самъ жена и потимкове его и жадинъ з близкихъ и покревнихъ его, іако тежъ вишъ писанние заводци его не маешъ жадной трудности и турбаций здавать в держане того поля, такъ они сами іако и жонки и потомкове ихъ и жаденъ з близкихъ и покревнихъ нриятеловъ ихъ под зарукою вини: на его милости пана полковника Киевскаго золотихъ двадцать, на врадъ нашъ Острицкий золотихъ десять, которые вишъ писанний Терешко Івановичъ просилъ насъ жеби емо его продажу и вечистое купчий записъ вишеписанний козакамъ и мещанамъ до книгъ нинешнихъ мѣскихъ Остерскихъ записано, що есть за прозбою обоихъ сторонъ и за принятемъ нашимъ рядовимъ есть записано. Року 1656, мѣсяца Марта 3 дня.

(Румянцевская опись. Кіевск. отд. Старогородка).

ОПЕЧАТКИ:

стран.	строка	напечатано	должно быть.
4	3	общинахъ	общинныхъ
6	26	вѣсти; о разореніи	вѣсти о разореніи
13	29	монастырямъ	монастырямъ,
24	23	гарнизономъ	гарнизономъ,
24	32	старостанскія	старостянскія
26	5	старостовъ	староста съ
29	прим.	[1]) См. прил. 2.	[1]) Нѣмцевичъ кн. 6. 248.
		[2]) Нѣмцевичъ кн. 6 248	[2]) См. прил. 2.
40	7	войсква	войска
45	21	Хмѣльницкому,	Хмѣльницкому
49	13	и при	и, при
—	—	шляхтою	шляхтою,
59	14	Бреоховецкаго	Бруховецкаго
—	19	Брховецкаго	Бруховецкаго
62	32—33	наборами	поборами
64	8	сосѣдъ. Турція	сосѣдъ, Турція
65	37	помещь	помощь
68	прим.	изд. топ. Кіевъ	Ист. Топ. Кіева
76	13	волтретя	полтретя